

М9
К66

Коркина СЛОБОДА

краеведческий альманах

Выпуск седьмой
Ишим-2005

M9
K66

Администрация г. Ишима
Ишимский историко-краеведческий музей
Ишимский государственный педагогический институт
им. П. П. Ершова

Коркина Слобода

Краеведческий альманах

Выпуск седьмой

ак
14958

Проверка фонда
2010 г.

Ишим - 2005

Автономная некоммерческая
организация "Ишимская
городская Централизованная
библиотечная система"

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ
И КРАЕВЕДЕНИЕ
ПРИИШИМЬЯ

5

Кузурманов Г.П.
Кутырёв А.Г.
**Крепостные стены
Коркиной слободы**

*На первой
стр.
обложки:*

*«Кобылица
молодая...»*

*Рис. к сказке
П.П.Ершова*

*«Конёк-
горбунок».*

*Бумага,
гуашь.*

Юля

*Калмыкова,
11 лет.*

*Ученица
Ишимской ху-
дожествен-
ной школы.*

*Преподава-
тели:*

*Л.В.Емелья-
нова,*

*В.В.Емелья-
нов.*

9

**Описание Тобольского
наместничества**

О городе Ишиме и Ишимском округе

31

Мамсик Т.С.

**Староверы Каргаполовы
и их окружение**

Из истории ишимского
старообрядчества

КУЛЬТУРА
КРАЯ

46

Артохов К.В.

Прапрабабушкин альбом

*На второй
стр.*

обложки:

*План Корки-
ной слободы
1747 года.*

51

Денисов Н.В.

Последняя сказка

Глава из книги «На закате
солончаки багряные»

*На
третьей
стр.*

обложки:

*Художник
епископ*

Евтихий

(И.Т.Курочкин).

57

Крамор Г.А.

Быль о блаженном Геннадии

77

Сарафанникова Л.А.

Памятники Победы

ББК 63.3 (253.3)
К 66
УДК 908.571.12

Приносим искреннюю благодарность за финансовую поддержку в издании альманаха депутату Тюменской областной Думы, главе г. Ишима Виктору Александровичу Рейну, а также коллективу филиала «Ишимская типография» ГУП ТО «ТИД».

Печатается по решению редакционно-издательского совета Ишимского государственного педагогического института им. П. П. Ершова.

Редакционная коллегия:

Т. П. Савченкова (главный редактор)
Н. П. Кузовкова
Н. Л. Проскуракова
Г. А. Крамор

Общественный редакционный совет:

В. Б. Белоусов
Л. В. Ведерникова
Л. М. Тиховская
Е. М. Бочкарева
В. Н. Воронов
М. П. Доровин

К 66
Коркина слобода: Краеведческий альманах. Выпуск 7. - Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2005. - 160 с.

Седьмой выпуск "Коркиной слободы" включает в себя статьи, очерки, мемуары, фотоматериалы, относящиеся к истории Ишима и Пришимья. Альманах адресован широкому кругу читателей.

ISBN5-900142-61-2

© ИГПИ им. П. П. Ершова, 2005

ЛИКИ
ПРОШЛОГО
И НАСТОЯЩЕГО

82 Проскуракова Н.А.
Побег из Ишима
Народница Софья Бардина

87 Лам Н.С.
Наш земляк-герой с «Корейца»
Павел Дмитриевич Глазунов

92 Самсонова О.Н.
«Здесь я выросла, мужала, умнела»
Жизнь и деятельность Е.И.Поповой

97 Маркеев И.И.
Сергей Песоцкий:
воспоминание об Ишима

ЖУРНАЛЫ
И ГАЗЕТЫ ЛЕТ
МИНУВШИХ

103 Варлаков Г.А.
Тобольская старина
Из архивных дел Боровского
волостного правления

ПЫТЛИВЫЙ
ПОСОХ
СТРАННИКА

130 Ожгибесова О.А.
Тайна бердюжской степи

СТРАНИЦЫ
МЕМУАРОВ

135 Скосырев И.А.
**Ишимское духовное училище
в 1901-1907 годах**

ВКРАТЦЕ
ОБ АВТОРАХ

159

История и краеведение Приишимья

Г.П. КУЗУРМАНОВ

А.Г. КУТЫРЁВ

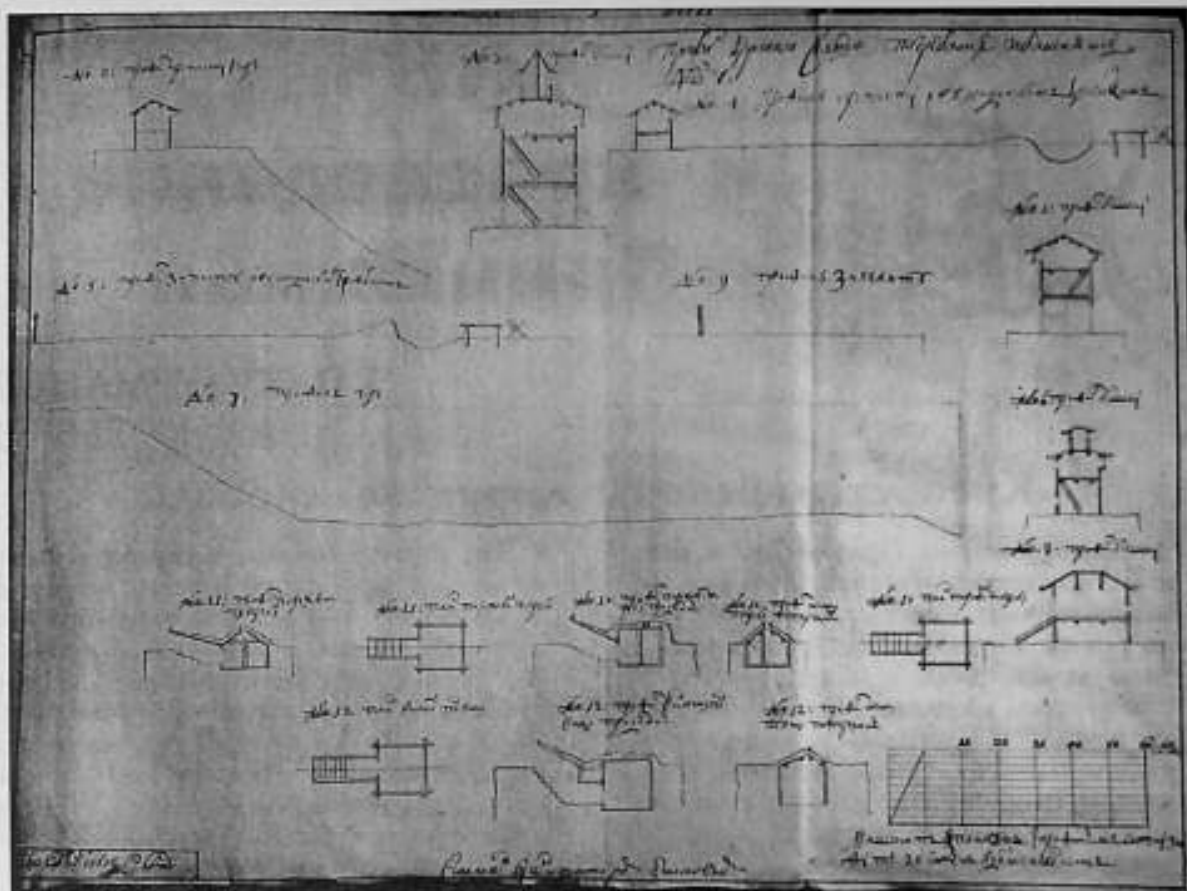
Крепостные стены Коркиной слободы

На территории Приишимья с незапамятных времен обитали различные племена и народы. Археологические раскопки у озера Мергень показали, что коллективы людей жили в нашей местности уже в период мезолита, т.е. около 10 тысяч лет назад. Были здесь скифы, гунны, угры, тюрки-кыпчаки, татаро-монголы. Одни группы населения постоянно смешивались с другими. В результате к концу XV в. возникла этническая группа «тюркоязычные татары», которые образовали Сибирское ханство, охватывающее значительную часть Западной Сибири от бассейна Туры на западе до Барабы на востоке.

Сведения о новых землях за Камнем (Уралом) первыми принесли новгородцы еще в XI веке. Пушные промыслы возбудили интерес русских промышленников и государей. С местным населением завязались тесные отношения, были подписаны договоры о сотрудничестве, а царь Иван III получил дополнительно к своим многочисленным регалиям звание «князя Югорского, Обдорского и Кондинского». Особенно бурную деятельность в Сибири развили промышленники Строгановы. Но ярким противником отношений с русскими стал потомок Чингисхана Кучум, победивший в 1563 году в междоусобной борьбе за власть в Сибирском ханстве. Он не только нарушал сложившиеся договоренности, но и неоднократно вторгался в вотчины Строгановых в Прикамье. Результатом стал поход казаков под предводительством Ермака в 1582 году. Войско не желавшего подчиниться Московскому государству хана оказалось разбито.

Так устранилось основное препятствие на пути продвижения русских людей за Урал. В 1586 году основан первый город Сибири Тюмень, в 1587-м — Тобольск, в 1593-м — Березов и Пелым, в 1594-м — Тара и Сургут, в 1601-м — Мангазей. Располагаясь на водных магистралях, первые сибирские города выполняли роль опорных пунктов. К 70-м годам XVII века в Сибири построено уже сорок острогов, а могущество Российского государства приросло обширными территориями, раскинувшимися до берегов Ледовитого и Тихого океанов. Беспрецедентный в мировой истории факт: русские землепроходцы менее чем за сто лет освоили территорию в десять миллионов квадратных километров, равную всей Европе.

Но вернемся к южным рубежам Сибири. По рекам Омь, Иртыш, Ишим, в Барабинских степях кочевал потерпевший поражение, но не покорившийся властитель. Только в 1598 году он был окончательно разбит князем Масальским (по преданию, последняя ставка хана — гора Кучум около деревни Рагозино). А в степях еще оставались его сыновья и внуки, которые продолжали набеги на русские поселения и на мирных татар, плативших дань московскому царю. Последние неоднократно обращались в Москву с просьбой о защите. В итоге началось строительство укрепленных поселений, одно из которых — Ишимский острожек, поставленный в 1631 году в устье реки Ишим (ныне село Усть-Ишим). А для укрепления южных границ создали Ишимскую укрепленную оборонительную линию (между Тоболь-

*«Профили Коркиной слободы погребам и башням».
Лист из «Атласа планов форпостов и укреплений юга Тобольской
губернии вдоль рек Тобол и Степи, через Большой Кайрад
и по реке Ишиму, 1747 года, собранные 1785 года». РГА ВМФ.*

ской и Иртышской) протяженностью 500 верст. В ее состав вошло до шестидесяти укрепленных поселков. Она начиналась от Чернолуцкого острога, шла к крепости Большерецкой, Зудиловскому острогу, слободам Абатской и Коркинской, крепостям Усть-Ламенской и Омутной, далее южнее Кургана к острогу Лебяжьему. Коркина слобода выполняла роль центрального укрепления, что подтверждается документально.

К наиболее ранним сведениям о времени ее основания относится сообщение в «Географическом статистическом словаре Российской империи» за 1865 год: «Ишим — город под именем деревни Коркиной возник около 1670 года». Название, очевидно, получено по фамилии одного из первых поселенцев. Есть предположение, что некто Коркин участвовал в основании других поселений с аналогичным названием, сохранившихся до сих пор в Упоровском районе

Тюменской области, Свердловской, Челябинской областях, Красноярском крае.

Более точная дата содержится в материалах («Партфелях») академика Миллера за 1741 год: «В Ишимском дистрикте сначала слободы построены и поселены, а именно первой Коркина слобода в 1687 году бывшим тобольским дворянином Петром Онофриевым». Книга переписная «Сибирский приказ» за 1702 год свидетельствует: «Слобода Коркина стоит над Ишимом рекою. В той слободе острог рубленный, мерою того острогу 128 сажень (то есть 272 метра), в том числе башня проезжая да ворота створчатые. Крепость в той слободе от Ишима реки, заплот в столбах мерою 160 сажень (340 метров). У острога и заплота надолбы и рогатки в столбах на вертикалогах мерою в 190 сажень (404 метра)»¹. Первая подворная перепись в 1710 году зафиксировала наличие в Коркиной слободе

План форпоста Коркиной слободы, составленный на основе чертежа 1747 года. Рисунок Г.П.Кузурманова.

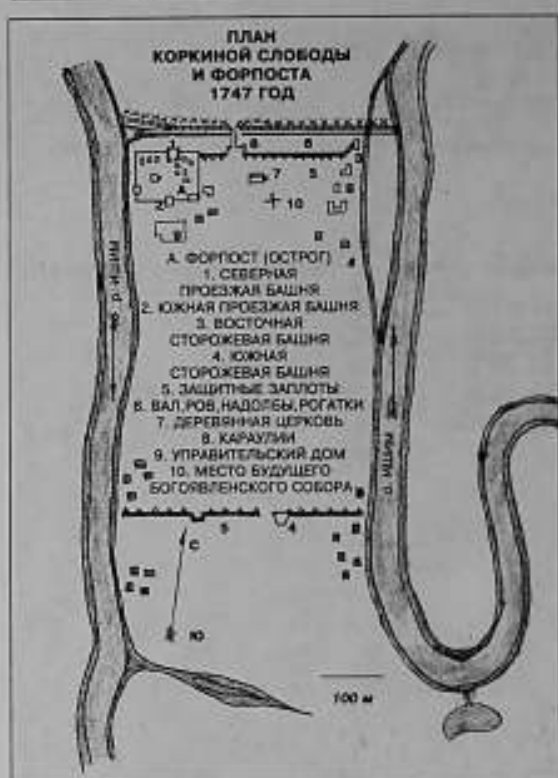
128 дворов, в которых проживало 804 человека².

Также в «Партфелях» Миллера сообщается: «Коркина слобода на урочище имеется над рекою Ишимом и оная река обошла сверху и снизу вокруг жилище со всех трех сторон и токмо имеется сухим путем с четвертую проезжую от Тобольска. В Коркиной слободы крепость деревянная, рубленая, внутри ее расстояние имеется 188 сажень (400 метров), да в оной же крепости две башни деревянные проезжие, первая в вышину 6 сажень (13 метров) и шириной 3 сажени, вторая вышиной 3 сажени и шириной 1,5 сажени. Да от оной крепости к низу до Ишима реки имеется крепость рубленая в заплогах расстоянием 135 сажень (287 метров), вышиной одна сажень (2,13 метра). Да в той же крепости двои ворот проезжие и с передней стороны всей крепости от яру до яру реки Ишим ров копанный, а позади два имеются надолбы и рогатки»³.

Все эти сведения позволяли создать несколько вариантов реконструкции ус-

тройства слободы и острога, но многое оставалось неясным. И вот зимой этого года произошла сенсация. Краевед Геннадий Крамор привез из архивов Санкт-Петербурга фотокопию «Плана Коркиной слободы, в которой имеется форпост» 1747 года. После детального изучения этих материалов высветились новые подробности. Оказалось, что в описании 1702 года основные размеры поселения меньше, чем на обнаруженном плане. Но зато почти полностью соответствует плану описание 1741 года. Отсюда можно предположить, что в начале было построено одно укрепление, которое устарело или пострадало, и взамен его обмуровали другое, более совершенное.

Как же выглядела Коркина слобода в середине XVIII века? Теперь уже известно, что острог (или «форпост», в тогдашней терминологии) был построен на самом высоком месте Киселевского мыса, вблизи западного берега реки Ишим (ныне старицы Ишимчик), которое возвышалось над ординаром на 20 метров,

План Коржиной слободы с форпостом, составленный на основе чертежа 1747 года. Рисунок Г.П.Кузурманова.

что давало хороший обзор и способствовало защите. Сам острог — квадратной формы, периметром около 400 метров. Стены составлены из «городней». С северной стороны — востовая проезжая башня. С южной стороны — вторая башня для проезда в слободу. В центре острога деревянная церковь, вокруг нее — пороховые и винные погреба, управительская канцелярия, провиантские амбары, а также другие строения (возможно, и казачьи казармы). На восток от острога тянется деревянный заплот, заканчивающийся башней. Такой же заплот с проездными воротами и башней находится с южной стороны мыса. Между заплотами расположена слобода, которая с западной и восточной стороны ограничена двумя рукавами реки Ишим. В северной части слободы на площади расположена новая (вторая) деревянная церковь во имя святителя и чудотворца Николая, управительский дом, драгунская казарма с полковой канцелярией и конюшней, а также около ста обывательских дворов. С севера вдоль острога и заплота оборудована защита в виде рва,

вала, надолбов и рогаток. Очевидно, к 1747 году интенсивная жизнь из острога переместилась в слободу, и он выполнял второстепенную оборонительную и административно-хозяйственную функцию. Поэтому в северной части слободской стены проезд перемещен от острога к центру поселения. При проезде имеется караульня.

С севера на юг слобода протянулась на 288 сажен (615 метров). Ширина Киселевского мыса примерно везде одинакова — около 210 сажен (450 метров). Сравнение этих параметров с современным планом показывает значительные изменения. Так, в районе Соборной площади (северная сторона слободы) от берега до берега 350 метров, а по 4-му Южному переулку, что соответствует южной стороне слободы — всего 250 метров. Почему же за два с половиной века так изменились границы берегов? Ответ находим опять же в исторических источниках.

«Высокие и крутые берега с Западной и Восточной стороны ежегодно подмываются так, что в последние десять лет жители должны были свои дома перенести на другие места. Многие из здешних старожилов помнят, что на том месте, где ныне протекает река, во время существования слободы была улица и старая деревянная церковь, что доказывалось высунувшимися с высокого берега старыми бревнами бывших строений» («Статистическое описание г. Ишима и Ишимского округа» за 1829 год)¹. «Отбывая с трех сторон возвышенную часть местности, занимаемой городом Ишимом, река каждый год, особенно в половодье, рвет берега ее. То и дело слышны, как пушечные выстрелы, звуки падения в воду подмытых береговых глыб. Нынешний раз он расположился шутить таким образом пока около городских кузниц, а в минувшем отрывал более полутора сажен высокого берега, на котором расположен огород, принадлежащий к дому приходского училища (восточный берег мыса). На задах этого училища и вообще всех домов, расположенных на берегу реки к югу от Соборной церкви, лет за двадцать пять, по рассказам старожилов, были проезжие береговые улицы, и крестные ходы возвращались по ним обратно в Собор, ныне же в тех местах проходит русло реки» («То-

больские губернские ведомости», № 8 за 1857 год). «Лет девяносто тому назад площадь, на которой стоит нынешний город, занимала в ширину более места, но от упора воды и подмывания города речкою исчезли две набережные улицы, на которых было до двухсот домов, что составляло почти треть нынешнего пространства города» («Памятная книжка для Тобольской губернии» за 1864 год).

Очевидно, основатели слободы, прельстившись выгодным ее расположением, и не предполагали, сколько неприятностей река принесет в будущем. Со временем площадь Киселевского мыса уменьшилась на треть. Были смыты не только многие дома, но и острог, и каждую весну нависала угроза дальнейшего обрушения. Чтобы предотвратить ее, горожане приложили много усилий по укреплению берегов и изменению русла реки в XIX веке через Синкинский канал.

Во всех документах Коркинский острог упоминается только в составе слободы. Собственно острог, или форпост — это военное укрепление, в котором находился гарнизон из казаков. В слободах возводились такие укрепления, в них располагался воинский гарнизон, но, кроме того, селились и крестьяне, которые должны были пахать землю на государя. Поэтому Коркина слобода стала не только оборонительным сооружением, но изначально являлась и опорным пунктом в хозяйственном освоении территории. Так, уже в начале XVIII столетия вокруг нее возникли деревни: Боровое, Бурдина, Донова, Заворохина, Игнатьева, Кошкарагайская, Максимова, Фирсова, Безрукова, Епангинская, Зырянская, Макарова, Мезенская, Прокуткина, Стрехнина, Тимохина, Тушнолобова, Удалова, Черемшанка, Серебрянка, Синицына. А уже к середине века, с дальнейшим продвижением русских и оттеснением кочев-

ников на юг, Ишимскую оборонительную линию упразднили. В 1752-55 годах на границе с Киргиз-Кайсацкой Средней Ордой построена Новоишимская (Пресногорьковская) линия с шестнадцатью крепостями (главная, Петра и Павла — ныне город Петропавловск). Туда перевели из Коркиной слободы казаков и драгун.

К этому времени относится акт передачи воинских строений (очевидно, в гражданское пользование), составленный вахмистром Сумароковым в 1755 году: «В Коркиной слободе две башни с окнами, верхи крыты. Под ними ворота проезжие двои, двери створные двои. Бастион накрытый с окнами новый один. Оный форпост мерою 270 сажень (575 метров). Вокруг надолбы и рогатки ветхие, ров рытый один. Караульная изба с приделом и сенями новая, крытая берестом. Драгунская конюшня одна ветхая, крытая соломой. Казачья конюшня. Овин с гумениоком. Гошпиталь: две светлицы с окнами с комнатой между ними и сенями»⁵. Как видно из акта, большинство воинских строений состарилось, и это еще раз подтверждает, что оборонительные задачи перед слободой тогда уже не стояли. Ей предстояло развиваться дальше как центру мирной созидательной жизни в будущем Ишимском округе.

Примечания

1 РГАДА, ф.214 «Сибирский приказ», кн.474, ч.1, л.49. Описание Коркиной слободы 1702 г.

2 РГАДА, ф.214 «Сибирский приказ», кн.1498.

3 РГАДА, ф.199 «Партфели Миллера», изв.29, лл.68-110.

4 «Прибавление к Казанскому вестнику», 1829, № 25.

5 Колесников А.Д. Город Ишим. // Ишимская правда. 1995. 19 августа. № 97.

Описание Тобольского наместничества О городе Ишиме и Ишимском округе

Во второй половине XVIII века усиливается интерес к составлению подробных описаний различных краёв огромной Российской империи. В начале 80-х этот интерес приобретает законодательную основу, и в 1784 году Се-

нат утверждает обязательную анкету для составления топографических описаний городов, уездов и наместничеств в целом. Поступила такая анкета и в город Тобольск, центр обширного одноимённого наместничества, включавшего

Приишимские дали. Октябрь 2004. Фото Г.А.Крамора.

в себя практически всю территорию Западной Сибири. Описание Тобольского наместничества создавалось на основе описаний, составляемых «на местах» уездными землемерами — людьми, как правило, достаточно образованными и хорошо осведомлёнными в характере занятий населения. Нам известно имя автора описания города Ишима и Ишимского округа — Василий Филимонов.

Первые сведения для описания Тобольского наместничества поступили уже в 1784 году, а окончательная редакция относится к 1790 году. Объясняется это отчасти тем, что уже собранные материалы погибли в огне тобольского пожара 27 апреля 1788 года, и для окончания работы потребовались новые описания уездов. Этим, а также тем, что тексты описаний подвергались некоторому сокращению при составлении общего описания, объясняется существование разных — хронологически и содержательно — вариантов, выявленных и впервые опубликованных нашим земляком, профессором, доктором исторических наук А.Д.Колесниковым (Описание Тобольского наместничества. — Новосибирск: Наука, 1982).

Ниже публикуются два варианта описания Ишима и Ишимского округа, составленные уездным землемером В.Филимоновым. Одно взято из общего «Топографического описания Тобольского наместничества» 1790 года, хранящегося в Центральном государственном

военно-историческом архиве (ф. ВУА, д. 19107, лл. 1-241 об.). Второе — также из описания 1790 года, хранящегося в Государственном архиве Костромской области (ф. 655, оп. 2, д. 2143, лл. 34-49). Оттуда же взят вопросник, т.е. перечень вопросов, ответы на которые и составляют текст собственно описания. Тексты приводятся по вышеуказанному изданию.

Вопросы анкеты для топографического описания О городе

1. Под каким градусом ширины и долготы.
2. В каком расстоянии город от наместнического и от блись лежащих.
3. На какой реке и на которой по течению стороне, и какая она, нагорная или луговая.
4. Чем окружаетца: горами, лесом или степью.
5. Местное положение и окружность, на сколько в длину и ширину и какою фигурую.
6. На какие части разделяетца город, почему оные названы, приурочивание их и в которой части помещены дома для правительства и более жила находитца.
7. Какой его герб, когда и кем пожалован.
8. Ежели можно справитца о его начале: кем, когда и на какой случай построен и какими людьми спервоначала была заселен.
9. Под чьим владением был, кем и как

в течении времени управляем и каким переменам был подвержен.

10. Какие есть в нем достопримечательные здания, яко: монастыри, церкви, городское укрепление, казенные дома для судебных мест и для житья властей, управляющих оными, гостиные дворы, магазины, училища, воспитательные дома, больницы, богоделны и прочая, так же и сколько обывательских домов, фабрик, лавок и прочая.

11. Сколько в городе приходов и при тех священно и церковнослужителей, о каждом из них показать порознь, каменное ли то строение или деревянное, когда построено и какое из них заслуживают особенное примечание.

12. Какими людьми город населен, нет ли между ими различных в исповедании веры, и в чем именно то различие состоит, которое их отделяет от православные церкви и сколько всех жителей в городе.

13. В чем торговля и промысел жителей города состоит, откуда товары получают, куда свои отвозят, на какую по примеру сумму, какие имеют художества и ремесла и в котором больше занимаютца или превосходят.

14. Бывают ли ярманки, в которое время года, долго ли продолжаютца, чем на оных торгуют и откуда приезжают.

15. Фабрики и заводы кому принадлежат, сколь велики, откуда потребныя к тому материалы получают, куда зделанные вещи отвозят и как велико число на них мастеровых людей.

16. Откуда получают нужныя для пропитания и для житья вещи и имеют ли сады и какия овощи у себя в огородах своих садыт и сеют.

Об уезде

1. С какими уездами граничит, на сколько в ширину и длину простираетца.

2. Местоположение его вообще: гористое или ровное.

3. Какой материк вообще и плодородие земли, какой хлеб по большой части сеют и каков по примеру урожай бывает.

4. Какими орудиями землю пашут, то есть плугом или сохою, волами или лошадми, и как и чем землю удобряют, то есть навозом или другим чем, по сколку раз пашут и боронят, в которое время года начинают пахать и сеять и прочия

обстоятельства до сего касающияся означить.

5. Имеют ли жители доволное количество леса как для строения, так и на другие надобности, так же доволны ли пашенною землею и сенокосными или за излишеством не лежит ли земля в пусте.

6. Озера, их окружность, долгота и широта, реки, в них впадающия, и из них истекающия, протоки, соединяющие их с другими озерами или реками и какие рыбы в них находятца.

7. Сколко всех рек и речек в уезде, как и каждая из них называется, где ея вершина, в какую реку впадает и на сколько верст по примеру течение свое простирает.

8. Нет ли таких урочищ, кои знамениты по каким ни есть историческим происшествиям.

9. Число монастырей и пустыней, кем они построены, нет ли чего в них достоинаго примечания, в каком разстоянии от города и сколько в них монашествующих.

10. Сколко во всем уезде приходов и при тех сколько священно и церковнослужителей и у них детей.

11. Число селений, помещичьих, домов и владельцев по уезду вообще, показав особо число слобод, сел и деревень со особым и подробнейшим описанием знатнейших, из них пригородков, слобод и сел, кои по величине их рукоделию, ремеслу жителей, или по каким другим обстоятельствам примечательнее прочих.

12. Сколко в уезде мужеска и женска пола душ по последней ревизии, как вообще, так и по рознь, по различным их состояниям.

13. Сколко каких заводов; фабрик и мельниц, пильных и мучных.

14. Сколко какой земли под всеми селениями по межеванию, ежели ж межевания не было, то показать примерно.

15. Бывают ли в уезде ярмонки и торги, в которое время, в которых именно селениях, долго ли продолжаютца, сколь велико стечение бывает народа и какие по большей части товары.

16. В чем по большей части упрощаются жители, какие имеют промыслы, ремесла, куда трудов своих произрашения и вещи отвозят, не отходят ли по пашпортам для промыслов и работ своих в другия города и для каких работ.

17. Нет ли в уезде отменных каких деревьев, не употребляются ли жителями и какие травы в лекарства или краски, не водятся ли какие особливые звери, птицы, пресмыкающиеся гады и насекомые.

18. Не имеют ли жители уезда вообще житии своим странных каких обычаев, нет ничего особливого в их нравах, повериях, обрядах, образа жития и обхождения, не обносятца ли между ими какие предании, относящиеся древним происшествиям, бытиям, не имеют ли какой отмены в покрое своего платья, в построении своих домов, в исправлении своего домоводства.

19. О заводах металных и минералных, кому принадлежат, когда и кем построены, откуда доставляют руду и все нужное для заводского содержания, сколько по сложности выплавливаетца или вывариваетца металлов и минералов, куда и как их отвозят.

20. Нет ли где мрамора или других камней, каменных и земляных угольев, торфу и протчаго.

Вариант 1

О городе Ишиме

1-е

В какой долготе и широте, по новости его испытания не бывало.

2-е

В разстоянии состоит от губернского города Таболска в 342-х, от уездных — Кургана в 299-ти, Ялаторовска в 222-х, Тары в 417-ти, Омска в 345-ти верстах.

3-е

При реке Ишиме по течению ее на левой стороне на крутояре и в уской луке, которая течением с северо-западной, полуденной и восточной сторон обходя составляет полуостров. Полуденная часть сего полуострова луговая, а с северу городовое строение на холме, которого вышина близь десяти сажени.

4-е

Окружается оной с северной стороны плоской долиной и мелкими колками березника, с которой выезжают в город изо всех мест. С протчих же всех сторон лукою реки и за оной луговыми и водопойными низкими местами.

5-е

Расположен строением прешпективыми улицами, продолговатую фигурую длиною на одну версту на 250 сажени, в ши-

рину с северной стороны на одну версту на 180 сажени, а к полуденному концу на 160 сажени.

6-е

Разделяется на две части, отделенную площадью по средине города, где и каменная церковь, и назначены места для построения казенных присудствиев, ис которых в северной части более жила находится и все казенное.

7-е

Герб ея императорским величеством высочайше подтвержден в 1785-м году марта 17 дня «в синем поле золотой карась в знак того, что во окружности оного города находится множество озер, которые изобилуют сею рыбою и отменно величиною оных».

8-е

Оной город составлен ис Коркиной слободы, а понизовая сторона именовалась Ишимским дистриктом, но когда была заведена, о том точного сведения по архиве не отыскалось, по объявлению ж старожилев известно, что около ста дватцати лет на городском местоположении поселился крестьянин Коркин с товарищами для хлебопашества.

9-е

Означенная Коркина слобода, в коей имелась управительская канцелярия и с принадлежащим ко оной дистриктом состояла под ведением бывшей Сибирской губернской канцелярии, а по высочайшему ея императорского величества соизволению на основании изданного о управлении губерний учреждения открыт город с наименованием Ишимом. Сие селение около 1735 и 1740-го годов до заведения ныне состоящей с киргис-кайсацкою Среднею Ордою линии по объявлению старожилев претерпевало от той орды набегами малых партий раззорения увозимыми людей в плен, оплошних захватывали на пашнях, а более ни о каких знатных переменах сведений нет.

10-е

Достойных примечанию зданий в сем городе кроме как вновь строящаяся о двух этажах каменная церковь и казенной каменной винной подвал, кладовые для денежной казны, погреба. Городского укрепления никакова нет, как толко с северную сторону от обывательского строения выше писанная площадь поперег з берегу на берег была перекопана, где и обозначался вал со рвами. И при одном

Вид на город из заречных лугов. Июнь 2004. Фото Г.А.Крамора.

конце и ныне стоит трехсторонная деревянная батарея с старинными чугунными пушками. Казенное строение в сем городе имеется деревянной на каменном фундаменте корпус, в котором помещены нижняя расправа, казначейство и архива, нижней земской суд, соляной магазин один, казенных питейных домов 3, торговых лавок 28, багаделен 2, обывательских разного звания домов 249. Училищ, воспитательных домов, больниц и фабрик не имеется.

11-е

Приход 1, в котором состоят и околные подгородных деревень жители. При оном священно и церковнослужителей 14 ч [е] л [о] в [е] к.

12-е

Город Ишим населяется разного звания людьми, в числе коих купцов 16, мещан и цеховых 122, дворовых людей 33, присланных за вины на жительство 16, полских пленных конфедератов и малороссиан 7, крестьян, отчисленных в уезд, а живущих в городе 447, а всего с находящимися при должностях с их женами и детьми 1035 душ.

13-е

Купечество частно производят торг в лавках, которой состоит в продаже шелковых и бумажных товаров российских и китайских и небольшой части ташкинских бумажных же недорогих товаров, также корнавых сукон, обуви и в разных мелочах. Товары получают Пермского

наместничества из города Ирбита, а Таболскаго наместничества из губернского города Таболяска, и ис пограничной крепости Святого Петра. Свой отвозят в те ж места, покупая в уезде сало и масло и во оную крепость сукна, кожи, железные таганы, звериные ловушки и протчую железную мелочь, принадлежащую для ташкинцов и киргис-кайсаков и таковая покупка по большей части бывает в городе Ирбите не более как на трех тысячную сумму. Ремесло жители имеют портное, чеботное, шапошное, столярное, плотнишное, кузнешное, слесарное, каменное и кирпичное. Ис коих болше занимаются в столярных, плотнишных, кузнешных и чеботных мастерствах и в них превосходят, а крестьяне упражняются в хлебопашестве и скотоводстве.

14-е

В городе Ишине по силе городского положения 26 статьи ярмонги учреждены: 1-я — мая 9-е в день Николая чудотворца, 2-я — августа 15-е в день Успения богоматери, 3-я — декабря 6-е в день же Николая чудотворца, на которые приезжают торговые люди из городов: губернского Таболска, уездных — Тюмени, Ялуторовска и Тары и сие собрание бывает по большей части декабря 6 ч [исла] с разными товарами и для покупки пышных товаров — горностаев и зайцов, а крестьянство приезжают з белыми сырмятными и сырыми кожами, з деревянной посудой, холстом, мочалами, лу-

бьями, с серыми сукнами и протчей мелочью, также и съестными припасами.

15-е

Имеются заводы: 1-й — кожевенной, 2-й мыловаренной, в коих кож выделяется по 60, а мыла в выварке бывает по 10 пуд. Потребные к тому материалы получают из города Таболска. Роспродают оные кожи и мыло в городе Ишиме и уезде. Мастеровых людей в каждом бывает ч[e]л[о]в[е]ка по три. 3-й — салотопенной, в коем сала в год вытапливается до 2000 пудов, которое покупается в Ишимском, Тарском и Омском уездах и в крепости С[вя]таго Петра. Оно в продажу употребляется Пермского наместничества в городе Ирбите. Работных во оном заводе бывает ч[e]л[о]в[е]к по пяти. Кирпишных сараев 13, выделяются кирпича в год до 130 000 и оной в продажу идет в городе и уезде ж. Мастеровых людей бывает до 13-ти ч[e]л[о]в[е]к. Других же никаких заводов, а равно и фабрик не имеется.

16-е

Нужныя для пропитания и для житья вещи жители получают из уезда, так же покупают в городе в торговых лавках. В огородах овощи рожься: капуста, свекла, ретка, горох, морковь, лук, чеснок, бобы и огурцы, а отчасти салат, укроп, тыквы, дыни, арбузы и сверх того табак в малом количестве.

О Ишимской округе**1-е**

Граничит с Курганским, Ялуторовским, Таболским, Тарским и Омским уездами, а с полуденной стороны с кочующими киргисцами Средней Орды. Простирается в длину от западу к востоку на 217, а в ширину от юга на север на 223 версты.

2-е

Положением своим занимает места увалные, посредственной вышины, а к линии солонешные, степные, болотистые и треснишные места.

3-е

Грунт земли по увалам черной, а в долах иловатой, а в некоторых местах суглинистой, серой. И черноземную залежную землю ничем не здобривают. Плодородие земли бывает на увалных и долистых землях по большой части озимой рже в девять, а яровому в шестеро, на выпашенных же землях в полы. Хлеб

сеют: рож, ярицу, ячмень, пшеницу, овес, горох, конопле и лен малым количеством, сверх того и репу.

4-е

Пахотныя орудия сохи, бороны железныя и деревянные. Пашут же лошадми заложную и новую землю раза по два и по три, и потом боронят. Начинают пахать под рож первой раз около 23-го мая, другой июня 29-г числа. Сеют августа с 1-го числа. Высевається же на указаную десятину ржи по четверте, а иногда по 6-ти четвериков. Под яровой хлеб пашут апреля около 23-г и мая около 1-го числ. Сев бывает около 9 ч[исла] мая. Высевається на указаную десятину пшеницы и ярицы по четверть, овса 3 четверти, ячменю четверть четыре четверика, гороху и лну по 6-ти четвериков, конопля по две четверти, репы 12 лошек. Начинают жать озимовой хлеб около 1-го, а яровой около 15-го числ августа, иногда ж и ранее. Оканчивают жатву около 15-го сентября. Жнут серпами. А от случающихся засух бывает иногда яровой низок и редок, то оной косят литовками. Случаются ж, от ранних иньев и морозу хлеб остается без жатвы и с тем в зиму уходит. Сушат хлеб на овинах, молотят на открытых гумнах и в некоторых местах в соломенных сараях.

5-е

Лесу березоваго в северной половине достаточно, а в полуденной хотя на солонешных степях и есть острова, только ретки и то уже остаются от селений не близко, ибо не столько оной употребляется на строение, как вычерчиватся под пашню и вырубаются не весьма великия поскотины и дрова с великим небрежением. Ибо сия часть уезда уже чувствует в лесу недостаток. Лес же розтет означенной березовой, осиновою, тополевою, черемуховой, ребеник, талник и остатки в трех местах сосновых боров, которые уже вырублены и кроме мелкова ныне сыскать не можно, и по сему для строения и протчаго лес употребляется все березовой. Пахотных земель достаточно и заложной земли от селений во излишестве имеется. Сенокосныя ж луговныя места толко около реки Ишима, а около Вагая небольшие наволоки, в протчем сенокос бывает по большой части в дубровах и около займищ, которого скашивается довольно в разсуждении большаго скотоводства. Жители же полуденного края сего уезда не толко прокармливают

скот свой, но и берут для прокормления у купцов высатованного скота при крепости С[вя]таго Петра. В протчем уборка сена обыкновенно косится в июле м[е]сяце горбушами и литовками, и убирается в копны, и мечут в стоги и шкирды.

6-е

Озер в уезде отменных пред дугчими почитается по объявлению жителей, а именьно пресные:

1-е Черемухово, окружностью 26-ь, длиною 9, шириною 3 ве[рсты].

2-е Воробеево, окружностью 15, длиною 6, шириною 2 версты.

3-е Большое Карково, окружностью 14, длиною 5, шириною 3 версты.

4-е Малое Карково, окружностью 10, длиною 4, шириною 2 версты.

5-е два Истошных, вокрут 10, длины 3, ширины 2 версты.

6-е Няшино, вокрут 20, длины 9, ширины 4 версты.

7-е Больш Черемухово, вокрут 10, длины 5, ширины 2 версты.

8-е Мергенское, длиною 8, окружностью 20, ширины 4 версты.

9-е Травное, 10-е Кислое, 11-е Локтинское — окружностью по 10, длиною и шириною по 3 версты.

12-е Кабанье, вокрут 10, длиною 3, шириною 2 версты.

13-е Курталское, окружностью 30, длиною 10, шириною 7 верст.

14-е Мало Курталское, окружностью 10, длины и ширины по 3 версты.

15-е Вялково, вокрут 15, длиною 5, шириною 4 версты.

16-е Марушинское, вокрут 12, длиною 5, шириною 2 версты.

17-е Могилское, вокрут 15, длиною 4, шириною 2 версты.

18-е Бабашево, вокрут 14, длиною 7 верст, шириною 20 сажен.

19-е Пестрое, вокрут 12, длиною 4, шириною 2 версты.

20-е Белое, вокрут 10, длиною и шириною по 3 версты.

21-е Кабанье, вокрут 10, длиною 3, шириною 2 1/2 версты.

22-е Гледенское, вокрут 10, длиною 8, шириною 3 версты.

23-е Солоновское, вокрут 10, длиною 5, шириною 1 верста.

24-е Рига, вокрут 18, длины 6, ширины 5 верст.

25-е Мангут, вокрут 40, длины 17, ширины 6 верст.

26-е Убиенное, вокрут 14, длины 3, ширины 2 версты.

27-е Слаткое, вокрут 15, длины 3, ширины 1 1/2 версты.

28-е Большое Уровское, вокрут 12, длины 4, ширины 2 версты.

29-е Сухоново, вокрут 12, длины 3, ширины 1 1/2 версты.

30-е Никуаское, вокрут 15, длины 4, ширины 2 версты.

31-е Плохое, вокрут 15, длины 4, ширины 2 версты.

32-е Аплик, вокрут 12, длины 3, ширины 2 версты.

33-е Карасьев, окружностью и длина по 10 верст, ширина 50 сажен.

34-е, 35-е — два Долгих, 36-е Рышково — окружностью по 13, в длину по 4, в ширину по 2 версты.

37-е Большое Зверное, окружностью 15, длины 5, ширины 2 версты.

38-е Малое Зверное, окружностью 12, длины 3, ширины 2 версты.

39-е Снигирево, окружностью 12, длины 3, ширины 1 1/2 версты.

40-е Таволжанское, вокрут 35, длины 9, ширины 8 верст.

41-е Забошное, вокрут 10, длины 3, ширины 1 верста.

42-е Столишное, вокрут 17, длины 5, ширины 3 1/2 версты.

43-е Айдаково, вокрут 12, длины 4, ширины 1 1/2 версты.

44-е Орлово, вокрут 12, длины 3, ширины 1 1/2 версты.

45-е Чигирим, вокрут 28, длины 7, ширины 5 верст.

46-е Лебяжье, вокрут 12, длины 3, ширины 1 1/2 версты.

47-е Сеницино, вокрут 12, длины 3, ширины 2 версты.

48-е Большое Воробеево, вокрут 16, длины 5, ширины 2 версты.

49-е Гурино, вокрут 13, длины 4, ширины 1 верста.

50-е Белое, вокрут 20, длины 6, ширины 3 версты.

51-е Загрино, 52-е Скалино, 53-е Орлово, 54-е Кривое — каждое вокрут по 10, длиною по 3, шириною по 2 сажени [так в тексте, вероятно, следует читать «версты» . — Прим. сост.].

55-е Бородино, вокрут 8; длиною 2, шириною 1 1/2 версты.

56-е Башкирское, вокрут 5, длиною 2, шириною 1 1/2 версты.

57-е Моховое Круглое, 58-е Плоское,

Деревенский закат. Август 2003. Фото Г.А.Крамора.

59-е Рямовое, 60-е Бармино, 61-е Большая Сусарла, 62-е Сорожье — каждое вокруг по 6-ть, длиной по 2, шириной по 1 1/2 версты.

63-е Чурганское, вокруг 10, длины 4 1/2 ширины 1 1/2 версты.

64-е Калгимско, вокруг 8, длины 3, ширины 1 1/2 версты.

65-е Незамаево, вокруг и длиною 8 верст, ширины 10 сажен.

66-е Убиенное, вокруг — 7 1/2, длины 7 1/2 версты, ширины 30 сажен.

67-е Донское, вокруг 5, длины 2, ширины 1 верста.

68-е Буза, вокруг 7, длины 2, ширины 1 1/2 версты.

69-е Зотнино, вокруг 9, длины и ширины по 2 версты.

70-е Чабачье, вокруг 8, длины 2, ширины 1 1/2 версты.

71-е Зарослое, вокруг 7, длины 2, ширины 1 верста.

72-е Мало Уровское, вокруг 9, длины 3, ширины 1 верста.

73-е Безрыбно, вокруг 7, длины 2, ширины 1 верста.

74-е Подкадниково, вокруг 9, длины и ширины по 2 версты.

75-е Тундрово, 76-е Лебяжье — вокруг по 7, длины по 3, ширины по 2 версты.

77-е Тарнокуальское, вокруг 7, длины 2, ширины 1 верста.

78-е Пахимино, вокруг 8, длины 2, ширины 1 1/2 версты.

79-е Островное, вокруг 9, длины и ширины по 2 версты.

80-е Армизонское, вокруг 8, длины 2 1/2, ширины 1 верста.

81-е Переменное, вокруг 9, длины 3, ширины 1 верста.

82-е Слаткое, вокруг 8, длины 2, ширины 1 1/2 версты.

83-е Манастырское, вокруг 9, длины 3, ширины 1 верста.

84-е Кабанье, вокруг 7, длины 2 1/2, ширины 1 верста.

85-е Софонское, вокруг 8, длины 2, ширины 1 1/2 версты.

86-е Белое, вокруг 8, длины 3, ширины 1 верста.

Солоноватых:

1-е Большое Уктуское, вокруг 25, длины 6, ширины 3 версты.

2-е Малое Уктуское, вокруг 18, длины 2, ширины 1 1/2 версты.

3-е Малые Кушлуки, вокруг 20, длины 6, ширины 4 версты.

4-е Большое Бутырино, вокруг 12, длины 3, ширины 1 1/2 версты.

5-е Большое Калмацкое, вокруг 25, длины 9, ширины 6 верст.

6-е Малое Калмацкое, вокруг 13, длины 8, ширины 2 версты.

7-е Большой Акул, вокруг 12, длины 5, ширины 2 версты.

8-е Кабанье, вокруг 25, длины 7, ширины 2 версты.

9-е Червованное, вокруг 15, длины 4, ширины 2 версты.

10-е Быки, вокруг 18, длины 6, ширины 3 версты.

11-е Щучье, с островами, вокруг 50, длины 12, ширины 10 верст.

12-е Акуш, вокруг 30, длины 8, ширины 5 верст.

13-е Малое Бутырино, вокруг 6, длины 2, ширины 1 1/2 версты.

14-е Таволжанное, вокруг 55, длины 15, ширины 12 верст.

Горких:

1-е Большие Кушлуки, вокруг 40, длины 9, ширины 6 верст.

2-е Сиверга, она ж и Киберда, вокруг 36, длины 8, ширины 7 верст.

3-е Башкирское, вокруг 20, длины 5, ширины 3 версты.

4-е Горкое, вокруг 25, длины 7, ширины 4 версты.

5-е, 6-е — Горкие, вокруг по 14, длины по 5, ширины по 2 версты.

7-е Горкое, вокруг 30, длины 6, ширины 3 1/2 версты.

8-е Горкое, вокруг 35, длины 7, ширины 3 1/2 версты.

9-е Зазыкуль, вокруг 50, длины 16, ширины 7 верст.

10-е Медвежье с островами, длины 50, длиною 10, шириною 6 верст.

11-е Горкое, вокруг 10, длины 3, ширины 2 1/2 версты.

А сверх тех в уезде в таковой же известности состоит озер, длиною версты по две, шириною по ста сажень и до полуторных верст, окружностью от 2-х до 6-ти верст, всего 910-ть, в том числе солоноватых 11, горких 22. Выключая горких, в прочих рыбы довольно, а именно: караси в боаьшом количестве, а так же есть щуки, окуни, чебаки, а в реткости лени и ерши.

Истоки из означенных озер, выпадающие в реку Ишим наименования того ж течением состоят во окружности [так в тексте. — Прим. сост.]:

1. Жиялковский на 3 версты.

2. Солоновской на 3 версты 200 сажень.

3. Угловой на 2 версты.

4. Бабашевских два на 2 версты.

5. Тюменцевой на 1 версту.

6. Татарской на 1 версту.

7. Убиеной на 5 верст.

8. Кривой на 4 1/2 версту.

9. Карасьей на 1 версту.

10. Долматовой на 1 1/2 версту.

11. Сетовой на 6 верст.

12. Островной на 2 версты.

13. Незамаевой на 2 версты.

14. Тараданов на 1 версту.

15. Цеплинской в длину на 100 сажень.

16. Чинчерской на 1 1/2 версту.

Истоки из озер, выпадающие в речки:

17. Семовой в речку Зимниху 3 версты.

18. Байкаловской в речку Солоновку 1 1/2 версты.

19. Абацкой в реку Аббаке 7 верст.

20. Солодовской в реку Вагай на 200 сажень.

Истоки из озер, выпадающие в другие озера:

21. Узловой в озеро Жиялково на 1/2 версты.

22. Зарослой в Слаткое 1 верста.

23. Лебяжье в Забочное 1/2 версты.

24. Бердюжское в Сорожье 5 верст.

25. Гразной в Гайзаково 1 версты.

26. Филатов в Гайзаково 1/2 версты.

27. Кутырев в Гайзаково 1/2 версты.

28. Гайдаковой 5 верст.

29. Травной 2 версты.

30. Пастухов в Сорожье 2 версты.

31. Становой 2 версты.

32. Сорожьей в Долгое 3 версты.

33. Долгой в Верхней Истошное 2.

34. Горков в Черемуховой 1/2.

35. Песьяной в Солоновское 2.

36. Полонской в Солоновское 1/2.

37. Таволжанской в Песьяное 1/2.

38. Верхней Истошинской в Истошинское 1/2.

39. Глубокой в Травное 1.

40. Истошинской в Травное 1.

41. Забошной в Яшиной 1.

42. Сливной в Яшиной 2.

43. Рямовой в Становое 2.

44. Вялковской в Малу Стекланку 15.

45. Стекланской в Щучье 20 верст.

46. Кабанье в Гляденское 2.

47. Ившин в Хворово 5.

48. Хворово в Ригу 2.

49. Ригим в Гляденское 3.

7-е

Рек в уезде две:

1-я Ишим втекает в сей уезд из степи кочующих киргисцов Средней Орды, входит в Тарской уезд и оным впадает в реку Иртыш. Чрез оную в Ишимском уезде при крепости святого Петра мост на плашкаутах и при Абацком волостном суде перетежной пором. Вершина оной реки от той крепости например, в трехстах верстах, течение имеет с подня ис камней, называемых Рейментау, Имастау и Ниястау. По сей реке судового ходу и гонки лесу за частыми мельницами и мелководьем не бывает. Рыба водитца: малой части осетры, стерляди, нелмы, налимы, язи, чебаки, щуки, окуни, ерши, безкозобы. Течение по уезду примерно числитца на тысячу верст. Во оную реку

впадают реки от крепости с [вз] таго Петра по течению с левой стороны: 1-я Большая и две Малых Солоновки, ис коих Большая течение из займищ имеет примерно на 20 верст, а из Малых первая течение имеет из озера Горкова и впадает в тое Большую речку на 7 верст, последняя из займищ, на 5 верст, и все впадают в озеро Солоновское. 3-я Микулиха из озера Микулского на 16 верст. 4 Большая Алабуга из лутовых небольших озер на 40 верст.

Во оную речку впадают реки ж:

5-я Замиха из озера Тундрова на 27 верст.

6-я Малая Алабуга из озера Степнова на 16 верст.

В реку Ишим с той же стороны:

7-я Лариха из озера Тундрова на 8 верст.

Во оную впадают реки ж [в тексте описание реки под номером «8» отсутствует. — Прим. сост.]:

9-я Кабановка из озер Кабановских на 12 верст.

10-я Бардаиха из займища на 5 верст.

В разные урочища с той же стороны:

11-я Локт из озера Локтинского и впадает в озеро Мергенское 30 ве [рст].

12-я Мерген ис того же озера и впадает в речку Карасуль на 15 верст.

13-я Карасул не из больших озер и из займищ в реку

Ишим на 100 верст.

Во оную речку реки из займищ:

14-я Камышенка на 6.

15-я Солоновка на 3.

16-я Смородинка, 17-я Опеновка — на 6.

18 Березовка на 2.

19 Черемшанка на 17.

20 Таловка на 20.

В реку Ишим из займищ:

21 Кругая на 6.

22 Вавилон на 27.

23 Китерня на 70.

А во оную реки ж:

24 Сиверушка на 3.

25 Зырянка из озера Урлапова на 5.

26 Малая Китерня из займища 5.

В реку Ишим из займищ:

27-я Быструшка на 10.

28 Яузьяк на 60.

А во оную из займищ:

29 Пещориха на 3.

30 Черемшанка, 31 Смородинка — по 6.

В реку Ишим:

32 Балаганка из озера Пахотнова на 5.

33 Чуртанка из озера малого Чуртанского на 6.

34 Чорная на 5 верст.

По течению реки Ишима с правой стороны из займищ:

35 Барневка на 5 версты.

36 Боровлянка в озеро Долматово на 6.

37 Змиева на 12.

38 Боровлянка на 4.

39 Чинчер на 12.

40 Абакшиха на 5.

41 Детлянка на 6.

42 Мысли из неболшова озера на 26.

Во оную впадают реки из займищ:

43 Пушка на 5.

44 Маслянка на 8.

45 Демиха на 3.

В реку Ишим из займищ:

46 Балаир на 15.

47 Зарешная на 2.

48 Смородинка в озеро Татарское на 8.

49-я Сухая на 2.

50 Вавилонка из озера Вавилонского на 5.

51 Абак на 27.

Во оную из займищ реки:

52 Камышенка на 5.

53 Каменка на 7.

В реку Ишим из займищ:

54 Ир на 60.

Во оную реки из займищ:

55 Епишиха на 6.

56 Степаниха на 15.

57 Пинигина на 5.

58 Почтовая на 6.

59 Кругая, 60 Толоконцова, 61 Ипати-ха — по 5.

62 Ворокушка, 63 Вискалиха, 64 Лучи-ха, 65 Косиновка — по 3.

В реку Ишим из займищ:

66 Роголиха на 12.

67 Спириха на 13.

Во оную из займищ:

68 Медведиха на 7.

В реку Ишим из займищ:

69 Сентриха на 3.

70 Боровлянка на 14.

2-я река Вагай втекает в сей уезд из Ялutorовского уезда, входит в Таболской уезд и оними впадает в реку Иртыш. Чрез оную в Ишимском уезде при волостном Малышенском суде мост. По всей

реке судового ходу и гонки лесу за мельницами и мелководьем не бывает. Рыба водитца во оной реке: шуки, язи, чабаки, окуни, ерши, безкозобы и протчия мелкия. Течения оной реки по уезду примерно числитца 300 верст.

Во оную реку впадают речки от Ялutorовска с правой стороны из займищ:

1-я Солоновка — 40.

А во оную речки из займищ:

2-я Вахарина, 3-я Порозина — по 3

4-я Медведевка — 15.

В реку Вагай из займищ и из других урочищ:

5-я Глубокая — 6.

6-я Зеленовка — 5.

7-я Большой Емец из озера Травнаго — 100.

А во оную из займищ речки и из других урочищ:

8-я Малой Емец из озера Черемухова — 16.

9 Козловка — 3.

10 Черемшанка — 17.

11 Свистуха — 5.

12 Хмелевка 10.

13 Зук — 3.

14 Большой Чирок — 12.

А во оную Малой Чирок — 1.

15 Быстрая — 10.

16 Омутовка — 5.

17 Камышиха — 10.

18 Богомолочка — 1.

В реку Вагай из займищ:

19 Колесовка — 2.

20 Бородина — 5.

21 Вагановка — 3.

22 Бобровка — 20.

23 Смородинка — 15.

24 Демидовка — 12.

25 Верхняя, 26 Нижняя Метелевки — по 20.

27 Смородинка — 4.

По течению с левой стороны в реку Вагай речки:

28 Устьлама она ж и Загремечья — 5.

29 Грязнуха — 7.

30 Боровлянка — 15.

31 Бумачиха, 32 Семкина, 33 Кармацкая — по 2.

34 Сустяк — 65.

А во оную из займищ:

35 Романовка — 2.

36 Оскина, 37 Боровлянка, 38 Крутиха — по 5.

39 Купалец, 40 Тунгусовка, 41 Италовка — по 3.

42 Медвешка — 5.

43 Салодовка в озеро Солодовское — 6.

В реку Вагай:

44 Таршиха — 16.

45 Скородумка, 46 Инизовская — по 2.

47 Скакунка, 48 Гореловка — по 3.

49 Малая, 50 Кобылинка, 51 Икулметивка — по 3.

52 Тарлакулска в озеро Тарлакулское — 3.

53 Ик до границы Тарского уезда.

А во оную впадают из займищ:

54-я Лазариха до озера Безымянного — 25.

55 Тихониха, 56 Черемшанка, 57 Калиновка — по 12 верст.

58 Балаглай до округи Тоболской — 50.

А во оную из займищ речки:

59 Тетеревка, 60 Озерушка, 61 Канбала — по 2.

62 Большой Кусеряк — 15,

а в него Малой Кусеряк — 2.

В разные урочища из займищ:

63 Алабуга в речку Илинейскую — 3.

64 Марушенка в озеро Марушенское — 2.

Во оных речках рыба водитца мелкая: чабаки, шуки, окуни, безкозобы, ярши.

8-е и 9-е

Знаменитых по историческим происшествиям урочищ, монастырей и пустыней в Ышимской округе не имеитца.

10-е

Приходов во всем уезде 17-ть и церкви все деревянные (выключая городской вновь строящейся каменной церкви), при коих священно и церковнослужителей 76, их детей 84.

11-е

Помещичьих домов 3, их крестьян 48, сверх того пашенных временных заимок 3-и, да для содержания скота хуторов 3. Все они владельцы доволствуются порожжею государственной землею сами произволно.

Государственного ведомства слобод 3, сел 8, по линии крепостей 4, редутов 7, деревень 408, в том числе ревиских 326, однодворок 15, казанского татарина при линии 1, на Курталах 3, на Кочкарном 1, на Бабьем 1, на Малых лещах 1, на Грачевом 1.

Изо всех оных знаменитая крепость С[в]ятаго Петра по укреплению и по

Утро на старице реки Ишим. Июнь 2004. Фото Г.А.Крамора.

обширности фаршгатного строения, так же и по торговле, ибо во оной состоит мена с ташкинцами, бухарцами и киргисцами. Расположена при реке Ишиме по течению на правом берегу на увале и с подгорным фаршгатом. Увал вышиною от водяного горизонту до 16-ти сажен. Окружается с нагорной стороны степью, а с подгорной и з зарешной лугавым и водопоемыми местами.

Крепость заложена в 752-м году командующим генерал-майором Киндерманом с прочими Новой линии крепости и редутами. Регулярная шестиугольник по манеру Вобана со всеми по регуле фортефикации принадлежащими пристройкам, наружными и внутренними, и имеющая пространства между противных себе куртин 73-х сажен. Которая построена в 775-м году в одном из шести полуденном равелин, церковь деревянная, построена в 772-м году. К северу у крепостного укрепления на таком же место положении пристроен ретранжамент с одним бастионом, в коем генералитетской дом со всем принадлежащим строением. А к поднию на таком же при главной крепости место положении провианския магазейны и меновой двор, состоящей из 120-ти купецких лавок. И как сие строение, так же и выше означенной подгородной фаршгат обнесен таким же ретранжаментом с одним бастионом и тремя полуре-

дугами, ис коих в одних нагорном въезде в крепость со степной стороны. Фаршгат отстроен регулярным десяти длинными, а восьми поперечными улицами, при коих помещено разного звания жителей около 600-ти домов, между коими площадь с торговщи лавками, кои ныне новым строением ко окончанию приходят. При полуденном западном оног обывателского строения конце Сибирского драгунского полку полковничей дом, при коем все полковое строение — гобшпиталь, конюшни и все службы отстроены. Во оной крепости комендант и баталион воинских служителей, которой разделяется для содержания бригадной дистанции в прочие крепости и редуты. А Сибирского полку бывает после лагеря эсандрон и казачья команда. Жителей по ревизии состоит купцов 7, мещан 22, цеховых 11, отставных детей 149, которые н [ы] не переименованы во крестьяне, прилежат к хлебопашеству и скотоводству и в промыслу рыб. Сверх того у жителей ремесло кузнешное, чеботное, портное, столрное, плотнишное, скорняшное, серебряное, медное и в действии одна кожевня, выделяет в год по 150-ть кож, в продажу употребляются в крепости, материалы получают из городов Тоболска, Ишимского уезда, работных бывает человека по три. А купечество прилежат к торговле и мене за границу товаров, для чего лутчей съезд бывает в июле м [еся] -

це, в котором так же и в августе лутчая мена бывает. Начинается же с последних числ мая, а оканчивается в ноябре м [е-ся] це. Сьезжаютя купцы переславския, калужския, тюменския и таболския и сих последних, таюже и города Тары бухарцы, казанския татара и касимовския мурзы, из-за границ ташкинцы, бухарцы и киргисцы. Тавары с Российской стороны: жемчуг и маржан, сукна, кожи, чугуи, железные для зверей ловушки, таганы и протчие мелочи, а таюже табак, сахар, канцелярное семя, выдры, бобры, дорогия лисицы, зеркала, иглы, кубовая краска, бисер, пуговицы, бархат, верверет и разные мелочи. А оные получают от ташкинцов и бухарцов серебро, канфицы или усы, фанзы, шелковые и бумажные халаты, выбойки, кисеи, чандари, бязи, дабы пряденные и хлопчатые бумаги. От киргисцов лошадей, рогатого скота, баранов, лисиц, корхоков, волков, куниц, зайцов, мерлушки овчины, сырые кожи, армяки и кошмы. Высатовывается лошадей примером до 5000, рогатого 4000, баранов 2000. Оной скот отправляется в разные российские и сибирския города. Сверх того в крепости сьезд бывает из уезда крестьянству генваря 6 и июня 29-го с хлебом, холстом, серыми сукнами, а в генваре и с харчевым припасом. А особливо в июне таковое собрание бывает 20800 ч [е] л [о] в [е] к [так в тексте. В списке уездного землемера «до 500 члвк». — Прим. сост.]. Овоц садят такой же, коей и в городе Ишиме, которого урожай гораздо лутчее, а особливо арбузам, дыням и огурцам.

А по означенной крепости заслуживает особаго описания деревня, называемая Гагарей мыс, где н [ы] не волостной суд, в которой жители при изрядном хлебопашестве и скотоводстве, некоторые имеют три мылни, варят мыла до 200 пуд, три кожевни выделывают в год до 300-х кож, которые распродают по уезду, материалы покупают ис Таболска, а другие сами приготавливают. И все оное мастерство исправляют своими семействами. А сверх того воспитывают покупных киргиских телят для продажи и имеют товары, принадлежащие для крестьян в изрядном количестве. В осеннее и летнее время стараются в ловле рыбы, к чему имеют отменной величины невода и протчие ловушки. Рыбу ж распродают в городе Тюмени и упражняются в

ловле горностаев и зайцов. В протчем старателны к отменному протвич домостроительству и опрятству, как к домоводству, так и ко одежде. Домов всех 82, а по ревизии душ 268.

12-е

Платящих экономических мужеска 231, женска 225, государственных мужеска 27257, женска 27112. Итогом всех мужеска 27488, женска 27337.

13-е

Заводов, фабрик и пилных мелниц не имеется, а деляют крестьяне толко одни дубленные кожи, некоторые из больших семейств выделывают передовых и подошвенных кож до ста, а другие и менее. Мелниц мучных во всем уезде водяных 250, ветреных 160.

14-е

Межевания не было, а примерно полагается квадратных верст пахотной земли 4500, сенных покосов 4000, лесных мест 3500, скотских выгонов 6000, неудобности, яко то солонешных степей, водяных займищных мест 20479, а подо всем уездом частию по назначенным, а таюже и обмежеванным границам всего 38479 квадратных верст.

15-е

Ярмонок в уезде не имеется, а бывает небольшой торг в селе Казанцове в воскресенье, в селе Ильине в понедельник, в слободе Красноярской в четверток, в селе Соколовском во вторник, в крепости Петропавловской каждодневно. В крепостях же Полуденной в пяток, Лебяжьей в среду, Становой в субботу, в деревне Большой Утечей в понедельник, в селе Бердюжьем в четверток, в селе Истошном в среду, в слободе Усламинской во вторник, в селѣ Арамашеве в субботу, в селе Малышкине в пяток, в селе Боровом в понедельник, в селе Фирсовом в четверток, в слободе Абацкой в субботу.

16-е

Упражняются по большой части в хлебопашестве и скотоводстве, а таюже в ловле горностаев и зайцов, а в редкости барсуков, волков и лисиц. Ловят таюже по озерам рыб. Живущия близ линии воспитывают покупных киргиских телят и распродают в своих селениях нарочно приезжающим купцам, а равно и вышеозначенной зверь, ловленную ж весною рыбу сушат и отвозят сами до города Тюмени и Пермского наместничества до Екатеринбурга и до Шадрина и то реткие, кои

посемьянисте. Ремесла имеют: для себя плотнишное, кузнешное, столярное и чепотное. Делают дубленные и сыромятные кожи. Отбивают для продажи хлеба в винокурные заводы Таболскаго и Пермскаго наместничества и по линии в крепости и редуты, под извозом купеческой клади в разные города означенных наместничеств.

Женской пол упражняется летом в полевых работах и огородных овощах, зимой же прядут лен и шерсть, ис коих и ткут для домашнего расхода, а частию на продажу холст, сукно и сукманину, крашенную разными красками, составляют онаю из разных земляных корней сами.

17-е

Отменных деревьев никаких нет. Звери отменные только бурундуки, величиною з белку, полосатые, имеют хвост, пышной и длинной, летяга, шерстью белая, величиною с ласку, и похожая на белку, хвост долгой и передние ноги с крыльями своей кожи, коими летает з березы на березу, а гнезда имеет в тех же берегах [так в тексте, видимо, следует читать «березах». — Прим. сост.]. Птицы обыкновенные, как то в лесах: малыя и большия ястребы, тетеревы, рябчики, совы, стерхи, соколы, беркуты, коих продают киргисцам для лову зверей, мышеловки, коршуны, дикия голуби, выпы, кокушки, куропатки и протчия мелкия птицы. А в болотах и по озерам лебеди, утки разных родов, гуси, разного рода кулики, полския курицы отменные, величиною бывают весом около 20-ти и 30-ти фунтов, гагары разных родов, цапли, аисты, скопы. Гады таюже обыкновенные, как-то: крысы, кроты, мыши, лягушки, нетопыри, змеи, ящерицы. Насекомые: строки, язвительные своим жалом шоршни, особливаго роду гнезда имеющие на лесах, пауты, комары, мошки, слепни, мухи, стрелки, кобылки зеленые и серые, сии последние вредны хлебу, муравьи и жужги, плавающие на горких и соленых водах.

18-е

Во обращении странных обычаев и особливаго в нравах, поведеньях, обрядах и образе жития не видно. Во обхождении ж о обращениях по большой части дома при всегдашнем земледельстве грубы, нерасторопны, неучтивы. Что же принадлежит до древних происшествий, то против сего имеют, может быть, какое

сходство, означенные церковные развратники, коих имеютца в уезде немалое количество, а в чем оно состоит — неизвестно. Покрой в платье у всех вообще почти обыкновенной. Живущие в крепости Петропавловской ташкинцы во обращении странных обычаев и особливые в нравах и обрядах жития по своему закону отменны против татар обычаем и нравом. Со временем имеют горячность и озартны в обрядах, и поведеньях с татарами различны, тем более, что употребляют всегда со всеми людьми учтивость и ласку, наблюдают постоянство. С татарами состоит в одном магометанском законе и развращения никаковаго во оном не имеют. Наречие у их уважительное с учтивостью, то есть речи высокие, потому что кроме того разумеют из них многие говорить, читать и писать по арабски и по персидски и упражняются почти всегда в торговле с азиатцами и российскими народами разными, привозимыми ими самими из города Ирбита и покупаемыми иногда у приезжающих российских купцов в крепости Петропавловской. Торг производят в той крепости и в городе Семиполатинске применовных дворах немецкими и российскими, а по большой части азиатскими, вымениваемыми товарами. Покрой платья у всех почти обыкновенной. Мужчины летом носят халаты по одному и по два, да и рубашки, наподобие халата. У богатых халаты и рубашки шелковые и полушелковые и тонкия киргиския армяки, а которыя поскудныя — бумажной саранжи и бязинные, также китайчетыя и дабовые. Опояски у богатых шелковые персидские, а у скудных бумажные бухарски, таюже и дабовые. На головах арачкины весьма против татар отменны — высоки и востроваты, не стеганные, а плетеные и сверху вышивные из разных шелков и к носке прочныя. Шапки наподобие турецких, высокие, только окол не разрезной, кверху весьма востроваты, на четыре косые угла. На ногах сапоги не у всех равные, у некоторых бухарские и киргисские, их рукоделия ис конских кож делаемых ими самими. Каблуки высокие, к пяте к низу узкие и вострыя, отдалившия назад без малова вершка по два и более. Почвы двойные, весьма толстой кожи, подбиты оные почти сплош нарочно делаемыми для того гвоздями, а каблуки подбиты ж железом и гвоздями.

Тихая осень. Октябрь 2003.
Фото Г.А.Крамора.

ми. Инные носят такового ж маниру из российских юфтей черные и красные, а другие называемые ими козловые ичиги, с туфлями, также обыкновенные российские сапоги. Ноги обертывают летом и зимою онучками белой бязи, а чулков никогда не носят. Зимою ходят в обыкновенных их покрою тулупах мерлушечных и лисьих лап, крытых китайкою, полшелковою саранжей и сукном, а у богатых — канфою и тонким сукном, однако ж под испод надевают обыкновенно халата по два, кроме рубашки, да сверху носят киргисские тонкие армяки своего покрою. И все то платье всегда у них шьют женщины. Покроем, против татар, всякое платье ширее, шапки зимние так, как у киргисцов, называемые ими кулакчин или тумак, верхи узкие и острые, подложенные в середине войлокам. Почти у всех зимние и летние — алого кармазинного сукна и верверетовые, частью из лисиц и лап лисьих и собольих, опушены по краям выдрю, а у летних околы почти у всех из выдры. Каковую одежду носят большого и малого возраста. Женщины ходят летом и зимою во обыкно-

венном платье, рубашках и куртках, в простые дни в выбойчетых бухарских и китайчетых, а также кисейных и фанзовых. В праздничные дни надевают богатые платье фанзовое, канфовое ординарное и двойное, тафтяное гарнитуровое и парчевое, убранные спереди нашитыми дорогими из жемчугу и маржану пуговицами и золотыми позументами, в ушах серги весьма большие золотые и серебряные из маржану, жемчугу и разных камней. На головах узкие перевяски, сверху белые косые платки кисейные и бязинные, на руках перстни со ставками на завитях, большие серебряные кольца, называемые ими блязгит.

19-е и 20-е

Заводов металных и минеральных, также мрамора и других камней никаких, а равно каменных и земляных угольев, торфу во всем Ишимском уезде не имеется.

Вариант 2

О городе Ишиме

1. Лежит под 56 градусом 10 минутами северной широты и под 87 градусами и 5 минутами долготы.

2. Отстоит от губернского города Табальска в 340, от уездных по смежности Кургана в 316-ти, Ялуторовска 226; Тары 384, Омска 333 и от пограничной с киргис кайсаками Среднею ордою крепости Святого Петра в 162 верстах.

3. Положение имеет при реке Ишиме по течению ея на левой стороне, на крутояре, которая течением с северозападной полуденной и восточной сторон обходя составляет луговая, а к северу городское местоположение, на холме, которого вышина при восточном берегу оной реки имеетца. Окружаетца с северной стороны плоской долиной и мелким безрезником, откуда и въезд в город со всех мест имеетца. С протчих же всех сторон луговыми и водопоемными местами.

5. Расположен по прожектированному плану продолговатую многоугольную фигурию в длину на версту двести пятьдесят сажен, в ширину, с северной стороны, на версту сто восемьдесят сажен, а к полуденному концу на сто шестьдесят сажен. Окружностью на четыре версты девятнадцать сажен.

6. Разделяетца строением на три части, ис коих в северной более жила находится, а между ими в середине на выши-

не означенного холма площадь, где назначено все казенное прочное строение, а также и временные ныне имеются.

7. Герб сего города представляет в верхней части щита герб Табольскаго наместничества, а в нижнем поле золотой карась, жалованной по открытию города в 1783 году, ныне царствующею императрицею великою Екатериною, в знак находящихся сего города в уезде множественному числа озер и в них особливаго лову сего звания рыб.

8. Сие селение прежде называлось Коркина слобода, а в котором точно году заведена, о том сведения по архиве не отыскалось. По объявлении ж старожиллов известно, што около ста двадцати лет на городском местоположении поселился крестьянин Коркин с товарищами для хлебопашества.

9. Означенная слобода Коркина и с принадлежащим ко оной дистриктом была под ведением бывшей Сибирской губернской канцелярии и управляема тогда управительской канцелярией. Во время яс 1735-го 1740-го годов до заведения ныне состоящей с киргис-кайсакми Среднею ордою линии по объявлению старожиллов претерпевало от этой орды разорении увозом людей в плен, которые в летнее время по разнице на работах в поле находились, а более ни о каких переменах не известно. А по высочайшему е. и. в. повелению ноября в 10 день 1782-го года к удобнейшему правлению открыт на основании изданнаго о устройении вновь губерний в 7-й день ноября 1775-го года учреждения и удостоен имени прав и преимуществ города, наименованнаго по названию реки Ишимом.

10. Достойных примечания зданий в городе по новости онаго не находится, толко как вновь начатая строитца о двух этажах каменная церковь во имя богоявления господня, ис коих нижняго этажу придел во имя святителя Николая отстроен старанием прихожан, каменные кладовые денежные погреба и винной подвал, помещающей в себе вина до ста десяти бочек. Городскаго укрепления никакого нет, как толко о северную сторону по означенной площади з берегу на берег значитца прежде бывшей ров, при котором ныне стоит трех сторонняя деревянная батарея с старыми чугунными пушками.

На оной площади временное казенное строение: деревянной на каменном фундаменте корпус, в котором нижняя расправа, казначейство и архив.

Деревянное:

городническое правление — [В оригинале не заполнено. — Прим. сост.]
духовное правление — [В оригинале не заполнено. — Прим. сост.]

соляной магазин — [В оригинале не заполнено. — Прим. сост.]

питейных домов — 2

торговых лавок партикулярной постройки — 28

богаделен партикулярной постройки — 2
Между обывательским казенного строения:

земской суд — 1

питейной дом — 1.

Домов партикулярных:

властей управляющих — 5

служащих по наместничеству, нижних чинов, отставных и протчаго звания — 71

купецких — 5

мещанских и цеховых — 40

церковнослужительских — 12

крестьянских — 116.

11. Приходов в городе один, в котором состоят и окольные деревни, церквей вышепомянутая каменная начата строитца с 1775-го года, при ней же деревянная построена в 1731-м году во имя святителя Николая з деревянною ж колоколнею.

При церкви священников — 4

диаконов — 3

в том числе неслужащей один

дьячков — 4

пономарей — 3.

12. Город населен разнаго звания людьми и веры гречаскаго исповедания, в числе коих при должностях находящихся:

купцов второй гилдии — 3

купцов третьей гилдии — 16

объявленнаго с них капиталау —

отставных разных чинов —

мещан и цеховых —

дворовых людей —

полских конфедератов крещеных —

крестьян, отчисленных в уезд —

священно и церковнослужителей —

присланных за вины на жительство —

а всего — [В оригинале все строки, кроме двух верхних, не заполнены. — Прим. сост.]

Между жителями во исповедании веры есть развратники, которые означаютца

наружностью толко той, што они в церковь не ходят, так же священно и церковнослужителей к себе в дома не принимают, в протчем остатки их сей секты и различия от православной церкви не известны.

13. Жители частию производят торг в лавках, которой состоит в продаже шелковых, бумажных российских, китайских и неболшей части ташкенских бумажных же не дорогих товаров, так же корновых сукон, обуви и в разных мелочах, принадлежащих малою частию для служащих по наместничеству чинов, а более для крестьянства. Оные товары получают Пермскаго наместничества из города Ирбита, губернскаго города Таболска и ис крепости Святаго Петра. Свой отвозят в те ж места, покупая в уезде сало и масло, зайцы и горностаи, а во оную крепость отвозят сукна, кожи, железные таганы, звериные ловушки, называемые капканы, и протчую всякаго звания мелочь, принадлежащую для ташкенцов и киргис и таковая отлучка по болшей части бывает в город Ирбит на 20000-ю сумму. Жители имеют ремесло: портное, чеботное, шапошное, столярное, плотнишное, кузнешное, слесарное, каменное и кирпичное, ис коих болше занимаютца в столярном, плотнишном, кузнешном и чеботном мастерствах и в них превосходятствуют, а крестьяне упражняютца в хлебопашестве и скотоводстве.

14. Ярманки в городе бывають 9-го мая и 6-го числа декабря в день святителя Николая и продолжаются не более двух дней, на которые приезжают торговля люди из городов — губернскаго Таболска, Тюмени, Ялуторовска и Тары, и сие собрание бывает по болшой части декабря 6-го числа с выборе означенными товарами и для покупки пышных товаров горностаев и зайцев, а крестьянство приезжают з белыми сермяжными и сырыми кожами з деревянною посудю, холстом, мочалом, лубьями, с серыми сукнами и с протчей мелочью, а в декабре со оным пышным товаром и с харчевыми припасами. Бывает съезд крестьянству и в каждое воскресенье с хлебом и с харчевыми припасами.

15. Фабрик не имеетца, а есть у городских жителей одна кожевня, в год делает по 60 кож, потребные к тому материалы получают из города Таболска и в самом городе Ишиме, распродают во оном же

городе и уезде, мастеровых на оной бывает по 3 человека. Одна мыля в год варит мыла по 70 пуд, потребные к тому материалы получают ис тех же мест и мастеровых людей бывает по столку ж. А распродают оное в городе и уезде. Одна салотопня, топит сала в год до 3000 пуд. Сало покупаетца в Ишимском, Тарском и Омском уездах и в помянутой крепости Святаго Петра. Оное сало отвозят Пермскаго наместничества в город Ирбит. Работных людей бывает по 5 человек.

Кирпишных сараев при городе в действии 13, кирпича выделываетца в год до 130000. Распродают в городе и уезде, а болшая часть выходит для вновь строящейся в городе Ишиме каменной церкви. Мастеровых людей бывает до 13 человек.

16. Нужные для пропитания и для житья вещи жители получают из уезда, а в протчем потребное покупают в выше означенных торговых лавках. Сады имеютца толка хмелевые, и то в редкости. В огородах овощи: капуста, свекла, ретка, горох, морковь, лук, тыква, чеснок, бобы и огурцы, а от части сего двух родов салат, укроп, дыни, арбузы, а сверх того табак в немалом количестве.

Об уезде

1. Граничит с Курганским, Ялуторовским, Табольским, Тарским и Омским уездами, а с полуденной стороны с кочующими киргизцами Средней орды. Простирается в длину от запада к востоку на 217, а в ширину от юга на север на 220 верст.

2. Положением своим занимает места увальные, посредственной вышины, а к линии солоношные степи.

3. Грунт земли черной и пыловатой, а в некоторых местах сутлинистой, серой и непещаной. Пашут землю, не здабривая назмом, плодородие земли бывает на увальных и новых землях в плодovitое лето по болшой части озимовой рже в девятую, а яровому в шестую, на выпашенных же землях в полы. Хлеб сеют рожь, ярицу, пшеницу, ячмень, овес, горох, коноплю, лен, сверх того репу.

4. Пахотные орудия сохи обыкновенныя, бороны железныя и деревянныя. Пошут лошадами, заложную новую землю раза по два, а некоторые и по три, то первые два раза сего года, а в последний

раз и сев бывает на будущий год. Начинают пахать под рожь первой раз около 23-го мая, а другой июня в половине, третий раз при котором сев августа с 1-го числа. Высеивается же на указную десятину ржи по четверти, а когда и по шести четвериков. Под яровой хлеб землю начинают пахать апреля около 23-го и мая около 1-го числа, а сев последней бывает около 9-го числа мая, высеивается же на указную десятину пшеницы и ярицы по четверте, овса три четверти, ячменю четверть четыре четверика, гороху и льну по шести четвериков, конопля две четверти, репы двенадцать ложек. Начинают жать озимовой хлеб около 1-го, а яровой около 15-го числа августа, а иногда и ранее. Оканчивают жатву около 15-го числа сентября, а иногда и ранее. Жнут серпами, а от случающихся засух бывает иногда яровой низок и редок, то оной косят литовками, а от ранних инеев и морозу хлеб иногда остается без жатвы и с тем в зиму уходит. Сушат хлеб на овинах, а которые будучи без печей подвержены пожарам. Молотят оной на открытых гумнах, а в некоторых местах и в молотильных сараях.

5. Лесу березового в северной половине сего уезда достаточно, а в полуденной хотя на солоношных степях и есть острова, только редки, и то уже остаются от селений недалеко, ибо не столько оной употребляется на строение, как вычерчивается под пашню и выбирается на весьма великия покотины и дрова с великим небрежением, ибо сия часть уезда уже чувствует в лесу недостаток. Лес же растет березовой, осиновою, тополевою, черемошник, ребинник, талник и остатки в четырех местах сосновых боров, которые уже вырублены и, кроме мелкова, и не сыскать невозможно и посему для строения и прочаго лес употребляется все березовой. Пахотными землями достаточны и заложная земля от селений отъезжая во излишестве имеется. Сенокосные ж луговые места только около реки Ишима, а около Вагая небольшие наволоки, в прочем от неразлития на оные луга внешней воды и от засухи сенокос бывает по большей части в дубравах и около займищ, которого скашиваетца довольно в разсуждении большого скотоводства. Жители же полуденного края сего уезда не такмо прокармливают скот свой, но и берут для прокармливания у купцов высатованного

скота при крепости Святого Петра, о которой ниже описание прилагается. Уборка же сена обыкновенная, коситца в июле месяце и убираетца в копны и мечетца в стоги и скирды.

6. Озер в уезде отменных пред прочими почитается по объявлению жителей ниже следующие... [*Список озёр пресных, солоноватых, горьких и рек не включён составителем.*]

8. Знаменитых урочищ во всем уезде не примечается, как только река Ишим, которая может быть наименование свое получила, значущагося по сибирской Ремезовской истории от ханскаго сына Ишима, пришедших жить на устье Ишимское с отцом своим ханом Ювашем с Красного Яру, што ныне имеетца Колыванской губернии в уезде Красноярском. Сия река знаменита была по всему наместничеству ловлею рыб, называемых язей, ныне же за маловодием и поставленными при устье в Тарском уезде запорами, Ишимской уезд имеет крайней недостаток.

9. Монастырей и пустынь в Ишимском уезде не имеетца.

10. Приходов в уезде 17, церкви все деревянные, выключая городской вновь строящейся каменной цуркви, при коих священно и церковнослужителей 76, их детей 84.

11. Помещичьих домов — 1
ево крестьян — 3
сверх того пашенных временных заимок — 3

да для содержания скота хуторов — 3
все оные владетца доволствуютца дикопорозжею государственною землею самопроизвольно

государственного ведомства
слобод — 4
сел — 9
по линии крепостей — 4
редутов — 7
деревень — [В оригинале не заполнено. — Прим. сост.]

в том числе ревизских — [В оригинале не заполнено. — Прим. сост.]
одноворок — 15.

А из всех оных знаменитейшая крепость Святого Петра по укреплению и обширности форштатнаго строения, так же и по торговле, ибо во оной состоит мена с ташкинцами, бухарцами и киргисцами. Расположена при реке Ишиме по течению на правом берегу, на увале и

Вечер на Дубыньском озере. Октябрь 2003. Фото Г.А.Крамора.

с подгорным фарштатом. Увал вышиною от водяного горизонта до 16 сажен. Окружающа с нагорной стороны степью, а с подгорной и зарешной луговыми и водопоемными местами. Крепость заложена в 1752-м году командующим генерал-майором Киндерманом с прочими Новой линии крепостями и редутами: для защищения от тогдашних набегов киргис-кайсаков. Она крепость регулярная шестиугольник по монире г. Вобана со всеми по регуле фортификации принадлежащими наружными и внутренними пристройками и имеющая пространства между противных себе крутин 73 сажени, которая совсем и отстроена в 1775-м году.

В одном из шести полуденном равелине церковь деревянная святых первоверховных апостолов Петра и Павла, построена в 1772-м году. К северу от крепостного укрепления на таковом же местоположении обнесено ретранжементом с одним северовосточным бастионом, в коем укреплении генералитетской дом со всем принадлежащим строением, а к подно на таковом же при главной крепости местоположении правианские магазины и меновой двор, состоящей из 120 купеческих лавок. И как сие строение, так же и вышеозначенной подгорной фарштат обнесен таковым же ретранжементом с одним полуденновосточном бастионом и тремя полуредутами, ис коих в одном нагорном въезд в крепость со степной стороны. Фарштат отстроен регулярными десяти длинными, а

восми поперешными улицами с канавами, при коих помещено разного звания жителей около 600 домов, между которыми площадь с торговыми лавками, кои ныне новым строением ко окончанию приходят. При полуденнозападном онаго обывательского строения конце сибирского драгунского полку полковничей дом, при коем все полковое строение, говбшпиталь, конюшни и все службы отстроены, и все оное примыкается к озеру пресному. Во оной крепости комендант и батальон воинских служителей, которой разделяется для содержания бригадной дистанции в прочии крепости и редуты сибирского полку. Бывает после лагерю эскадрон, так же и козачья команда.

Жителей по ревизии состоит... [В оригинале не заполнено. — Прим. сост.] Отставные и их дети прилежат к хлебопашеству и скотоводству и в промыслу рыб, а вообще у всех жителей ремесло кузнешное, чеботное, портное, столярное, плотнишное, скорняшное, серебряное, медное, и в действии одна кожевня, выделяет в год по 150 кож, в продажу употребляютца в крепости, материалы получают из города Таболска, Ишимского уезда, рабочих людей бывает человека по три. Для мены за границу товаров лутчей съезд бывает в июле месяце, в котором, так же и в августе, лутчая мена бывает, начинаещца же с последних числ мая и оканчиваещца в ноябре месяцах. Съезжаютца купцы переславские, калужские, курские, тюменские и табольские и двух сих, так

же и города Тары бухарцы, казанские татары и касимовские мурзы. Из за границы же ташкинцы, бухарцы и киргизцы.

Товары с российской стороны — жемчуг, маржан, сукна, кожи, чулун, железные для зверей ловушки, таганы и протчие мелочи, так же табак, сахар, канцелярное семя, льдры, бобыры и дорогие лисицы, хлеб, зеркала, иглы, кубовая краска, пуговицы, бисер, бархат, верверет и разная мелочи. На оные получают от ташкенцов и бухарцов серебро, канфицы или усы, фанзы и шелковые и бумажные халаты, выбойки, кисеи, чандары, бязи, дабы, пряденая и хлопчатая бумага. От киргизцов лошадей, рогатого скота, баранов, лисиц, корсоков, волков, куниц, зайцов, мерлушки, овчины, сырые кожи, армяки и кошмы. Высато вываецца же в год лошадей примерно до 5000, рогатого 4000, баранов 2000. Оной скот отправляетца в разные российские и сибирские города.

Сверх того в крепости съезд бывает из уезда крестьянству генваря 6-го и июня 29-го с хлебом, сырыми сукнами, а в генваре с харчевыми припасами. Такогова собрания бывает до 500 человек и продолжаетца до полдень. В крепости овоз садят и сеют такой же, как и в городе Ишиме, только урожаи превосходнее, а особливо арбузам, дыням и огурцам.

По означенной же крепости заслуживает особаго примечания деревня, называемая Гагарей Мыс, где ныне волостной суд, которой жители при изрядном хлебопашестве и скотоводстве некоторые имеют три мылны, варят мыла в год до 200 пудов, три кожевни, выделывают в год до 300 кож, которые распродают по уезду, часть материалов покупают ис Таболска, а другие сами готовят и всю сие мастерство исправляют своими семействами. Так же имеют кузнешное ремесло, сверх того содержат на корму киргизских телят, для продажи имеют товары, принадлежащие для крестьян в изрядном количестве, а в осеннее и вышнее время стараются в ловле рыб, к чему имеют отменной величины невода и протчие ловушки. Рыбу же распродают в городе Тюмене, упражняются же в ловле горностаев и зайцов, в протчем старательны к отменному против протчих домостроительству и отпрятству, как к домовому, так и ко одежде. Домов в деревне 82, а по ревизии душ 268.

12. [В оригинале не заполнено. — Прим. сост.]

13. Заводов, фабрик и пильных мельниц не имеется, а делают крестьяне только одни дубленые кожи, некоторые из больших семейств выделывают передовых и подошвенных кож до 100, а другие и менее. Мельниц мучных во всем уезде водяных 250, ветреных 160.

14. Межевания не было, а примерно полагается:

квадратных верст
пахотной земли — 4500
сенных покосов — 4000
лесных мест — 3500
скотских выгонов — 6000

неудобности, яко-то: солонешных степей, водяных и займищных мест — 20479
а под всем уездом всего — 38479.

15. Торжки бывают в нижеследующих селениях, а именно: в свободе Абацкой июня 29-го и генваря 6-го числа по одному дню, народного собрания бывает человек до 1000, в селе Фирстовом апреля 23-го и ноября 26-го числа по одному дню, народного собрания бывает в ноябре около 600, апреле около 300 человек, в волости Черемшанской июня 24-го и августа 29-го числа по одному дню, народного собрания бывает до 300 человек, в деревне Кошкаргайской ноября 24-го числа один день, народного собрания бывает до 600 человек, в селе Боровом ноября 8-го числа один день, народного собрания бывает до 400 человек, в слободе Устьламенской ноября 1-го числа до полдень, народного собрания бывает до 300 человек, в селе Арамашеве октября 1-го числа до полдень, народного собрания бывает до 200 человек, в селе Малышкином февраля 2-го дня до полдень, народного собрания бывает до 200 человек, в селе Медведевском мая 9-го и декабря 6-го числа до полдень, народного собрания бывает до 200 человек, в селе Истошном ноября 24-го числа один день, народного собрания бывает до 150 человек, в селе Бердюжьем июля 20 дня один день, народного собрания бывает до 300 человек, в слободе Красноярской в день святых Пятидесятницы и генваря 6-го числ по одному дню, собрания бывает до 800 человек, в селе Соколовом октября 1-го числа один день, собрания бывает до 900 человек, в деревне Бубынской октября 26-го один день, собрания до 400 человек, в деревне Красном Яру в день Воз-

несения господня ноября 24-го числа по одному дню, собрания до 300 человек, в деревне Елцовой июня 29-го дня один день, собрания бывает до 200 человек, в волости Афонкиной июля 8-го числа один день, собрания бывает до 300 человек, в селе Ильинском июля 20 дня один день, собрания бывает до 600 человек, в деревне Баландиной августа 26-го числа один день, а собрания бывает около 300 человек, в селе Казанцовом мая 9-го и декабря 6-го числа по одному дню, собрания бывает до 800 человек. Товары на всех оных торжках, а особливо в селах и слободах бывают привозимые из города Ишима и крепости Святого Петра, а в осеннее время и из города Тары, российский и китайский, как шелковые, так и бумажные, толко недорогие, так же корновые сукна, ленты, платья и разные мелочи и обувь. А крестьяне приезжают с холстом, серыми сукнами, а зимой и осенью с горностаями и зайцами, с салом, маслом, сырыми и дублеными и сыромятными кожами, лубом, мочалами, пенкою и прочим имуществом.

16. Упражняются жители по большой части в хлебопашестве, скотоводстве и домообзаводстве и в ловле зверей: горностаев, зайцов, ласки, а в редкости барсуков, волков и лисиц, ловят по озерам рыбу, а живущие блись линии кормят киргизских телят и распродают при своих селениях нарочно и приезжающим купцам, а равно и вышеозначенной зверь, ловленную ж весной рыбу сушат и отвозят сами до города Тюмени и Пермского наместничества до Екатеринбург и Шадринска, и то кой посемьянистее, а одинокие продают при своих местах приезжающим скупщикам. Ремесла имеют для себя плотничное, кузнешное, столярное и чеботное, делают дубленые и сыромятные кожи, отбывают для продажи хлеба в винокуренные заводы Табольского и Пермского наместничества и по линии в крепости и редуты, так же под извозом купеческой казды в разные города означанных наместничеств, но в редкости. Имеют при себе лошадей среднего состояния от 15-ти до 20-ти, рогатого по столку же, овец и свиней до 15, а по богачее лошадей по 50, рогатого по столку же, овец и свиней по 30-ти. В домовые же срочные работы до Таболска, Омска, хотя и бывают, только весьма редко. Женской пол упражняется летом в полевых работах и в сажании

огородных овощей, зимою же прядут лен и шерсть, из коих ткнут для домашнего расхода, а чистую и на продажу, холст, сукно и сукманину, крашеную красками, составляют оные краски из разных земляных кореньев сами.

17. Отменных деревьев ни каких нет, кроме вышеозначенных. Лекарственные травы по объявлению жителей употребляютца нижеследующие: палым большого росту збела, а другая каменной зверобой, ис которых делают припарку людям и скоту от летней поветрии или язвы, трава собачьи ягоды, которую пьют от падучей болезни, трава синей зверобой, которой поют детей от безсонницы, трава изгон, которую пьют от называемой красной грыжи, трава синей зверобой душиной и особливога роду, которую пьют от внутреннего реду, трава адамова голова и другая головная, которой пользуютца от головной ломоты, трава горлянка, которую пьют от боли в горле, трава стародубка, служит слабительным, трава овсяной зверобой, делает кровочистительное действие, трава крестовой зверобой, служит от ломоты, бывающей в костях, красокорь вилиценская и дождевой гриб со смолою ползуют от змеевика.

Звери отменные, толко бурндуки, величиною с белку, полосатые, имеют хвост пышной, и длинной, летяга шерстью белая, величиною с ласку, а похожая на белку, хвост долгой, такой же шерсти, имеет задняя и передняя ноги с кралями своей кожи, коими летает с березы на березу, а гнезда имеет в тех же березах.

Птицы обыкновенныя, как-то в лесах малые и большие ястребы, тетерева, рябчики, совы, стерхи, соколы, беркуты (коих продают киргизцам для лову зверей), мышеловки, коршуны, дикие голуби, выши, кокушки, куропатки и прочия мелкия птицы. А в болотах и при озерах лебеди, гуси разного сорта, утки разных родов, таковые же кулики, журавли, полския курицы трех сортов, ис коих первые отменной величины и бывают весом около 20 и 30 фунтов, гагары разных родов, цапли, аисты, стерхи, скопы, маргышки.

Гады также почти обыкновенныя, как-то: крысы, кроты, мыши, лугушки, нетопыри, змеи, ящерицы. Несекомые — строкля, язвительные своим жалом, шоршни, осы, шоршни особливога роду, гнезда имеющиеся на лесах, пауты, камары, мошки, слепни, мухи, стрелки, кобылаки, зеленые и се-

рья, сии последние вредны хлебу, муровьи, жужги, плавающие на горьких водах.

18. Во общежитии странных обычаев и особаиваго в нравах, поверьях, обрядах и образе жития не видно, во обхождении ж от обращения их по большой части дома при всегдашнем земледельстве отчасти грубы, нерасторопны, не учтивы и неуслужливы. Што же принадлежит до древних происшествий, то против сего имеют может быть, какое сходство означенные церковные развратники, коих имеетца в уезде некоторое количество, а в чем оно состоит, не известно. Покрой платья у всех вообще почти обыкновенной. Мужчины летом носят сермяжные, а зимою суконные, называемыя зипуны з борами, а означенные развратники в скопку. В праздники ж почти все имеют таковые кафтаны ис корноваго сукна и китайки, опояски домотканная крашеная шерстяная, а в праздничныя дни гарусныя цветныя, шляпы имеют круглыя с высокою тульею, а молодыя и с лентами. Зимою ходят того ж покрою в нагольных шубах, а в праздничныя дни крытыя сукном и китайкой. Обувь у всех кожаная, называемая чарки и сапоги, шапки, называемыя асички, чебаки и треухи, крытыя сукном и опушены мерлушкой и овчиной, а которые крыты верверетом, те опушены бобром. У развратников же шапки высокие, опушенные мерлушкой, так же сукном и верверетом. Рубашки холстяныя с косыми воротами, обшитыя снурками и с пуговицей, а по богачее носят александрийския с золотым галуном. Женщины же ходят летом, кои по богачее и в праздник, в сарафанах тафтяных и голевых, обложенные шелковыми кружевами, а кои понужней, в китайчатых и кумашных, в будни вообще носят сарафаны холщевые крашеные дубом и синим сандалом, подобрусники на головах носят стеганыя с платками шелковыми и набойчетыми, стаметные и фанзовые, а кои по богачее чепцы грезетовые, шитые и с позументом. И вообще ходят в праздник в козловых башмаках, а в будни в чарках. Зимою носят в праздник, кои побогачее, голевые и китайчетые шубы на заичем меху, серги в ушах со ставками средней величины.

Живут в домах деревянных из березового лесу, крытыя фашининником и скалою, а иные еще сверху прикрывают дерном в два ряда, а кои побогачее, имеют

дома из соснового лесу, крытые тесом и драньем, ибо оной лес достают из других уездов лошадами ста за два верст. У богатых дома с выведенными кирпичными трубами, а у нужных з деревянными дымниками, у богатых же с колодными окошками и такового ж расположения имеют чрез сени горницы по большой части холодные, у нужных же таковыя избы с тремя волоковыми на улицу окнами и двумя во двор, а при оных все имеют крытые соломою скотския двory, а анбары и на погребницы чрез улицу перед окнами. Опрятства и чистоты почти все в домах своих не имеют, разве в праздник, которые ими отправляютьца и празднуютьца пасха и рождество христово, а отменно храмовые приходския праздники.

В прочем есть весьма малая часть татар уроженцов казанских, кои во всем со оными исходствуют, вышедшия же в российское подданство ташкенцы, а живущие в крепости Святаго Петра закону махOMETанскаго, как и означенные татары, обращаютца в сатовке с киргизцами, точно на том же положении, как описано при крепосте. Дома имеют точные с татарскими, носят хааты, известные покроем, шелковые и бумажные, в летнее время по два, ис коих один вместо рубашки, в зимнее время имеют шубы; такового ж покрою, а шапки высокие подобны руским, только прямыя, опушенные бобром руским и камчатским, а старики, посвятившие уже себя всякому в законе воздержанию, надевают острые и высокие арачкины, обматывая белою кисеею, чем и составляют чалму. Но как они сею метериєю по смерти обматывают себя по закону вокруг, то носят на голове и называют по российски память смертная. Сапоги носят сафьянные, козловые и юфтовые, з долгими назид пятами. Жоны их имеют платье подобно татарскому, только плат белой обматывают на голове туесом.

19. Никаких сего звания заводов не имеетца.

20. О мраморе, земляных угольях и торфе не известно, а по реке Ишиму есть изредка камни плитами, серовики и камни, которые, пережигая, употребляют вместо извеси, а по берегам же Ишима и на солоношных увалах есть мелкой галешник. Однако все сие находитца блис линии, а не внутрь уезда.

*Сочинил уездной землемер
Василий Филимонов 1790 года.*

Староверы Каргаполовы и их окружение Из истории ишимского старообрядчества¹

Строительство Российской империи национального типа, начатое при императрице Екатерине Великой, было целенаправленно продолжено её внуком Николаем I. Цель его царствования нашла краткое отображение в известной триаде «Православие — Самодержавие — Народность». Автор этой идеологемы века — министр просвещения граф Уваров. Однако, столь чётко выраженная цель не облегчила задачи. Сложность формирования нации в полиэтничной стране усугублялась наличием в её базовой религии — православии — «раскола». К рассматриваемому времени от начала его возникновения насчитывалось уже более полутора веков.

На грани 30-40-х гг. XIX в. правительство решительно предложило руководству Выго-Лексинского общеземельства — оплоту беспоповщины, — перейти на начала единоверия². Позже те же предложения поступили в главные центры поповщины³ — Иргизским монастырям, Московскому Рогожскому кладбищу, Екатеринбургской общине⁴. Создание единоверческих церквей, как уже говорилось, мыслилось в качестве «мостика» для перехода в будущем всех староверов в официальное православие. Иргиз, Выг и его филиации на компромисс не пошли. К ним были применены административно-военные меры, после чего они перестали существовать как значимые центры оппозиции. Прочие организации, используя купеческие капиталы (взятки и подкупы), сдавались постепенно, формально принимая единоверие, по существу же, — под его прикрытием — оставались на прежних позициях: пытались приобрести «священство» посредством тайных прецедентных указов, а также за границами империи.

Екатеринбургская купеческая верхушка, в силу описанных уже обстоятельств, вынужденно пошла на компромисс⁵. Однако расчёт властей на то, что крестьянские староверческие организации восточных регионов беспрекословно под-

чинятся воле своей негласной метрополии, не оправдался. Староверы тюменско-тобольского региона не поддержали Екатеринбург.

Бывшие беглопоповцы очень оперативно, уже в 1840-м году, созвали в Тюмени собор, обсудили ситуацию и заявили о своём отрицательном отношении к единоверию. При этом они отказались не только от предлагаемого выбора священников из православных попов, но оставили и беглопоповщину. По решению собора отныне все требы предлагалось выполнять выборным «настоятелям». Необходимые для этого консультации, воду для крещения и дары для благословения они должны были получать у своих утвержденных на Соборе старейшин⁶.

Собор 1840 года выработал и письменно закрепил не только принципы отправления обрядности при отсутствии священника. Его участники подтвердили и даже ужесточили традиционные нормы бытовой культуры членов своих обществ. Они касались, в частности, отношения к инаковерующим⁷, употребления таких напитков, как пиво и чай⁸, типа одежды и внешнего облика членов общин и, в особенности, воспитания молодого поколения⁹. В постановлениях собора излагались также условия брачения («с благословения родителей»), процедура наказания за браки, совершённые (по необходимости) в «еретической церкви»¹⁰. Несмотря на то, что реально беглопоповцы обращались к практике «беспоповщины»¹¹, съезд подчеркнул своё историческое единство с «уральскими христианами и керженскими, со стародубскими и иргизскими..., города Екатеринбург, шарташскими и всех заводов». Были утверждены также имена и даты поминовения «святых» — умерших популярных учителей поповщины¹².

В описанных событиях отразилась кризисная ситуация, охватившая поповщину. Кроме отсутствия священников, она проявлялась и в небрежном соблюдении канонических для данного направления норм быта. И то и другое было чревато

*Крест напрестольный малый.
Старообрядческое литьё. XIX век.
Из частного собрания.*

постепенной децентрализацией ещё недавно крепкого согласия. Напоминая о необходимости строго следовать традиции, бывшие беглопоповцы дистанцировались также (особенно в отношении браков) от многоликкой беспоповщины, но, упрощая обрядность, сближались со своими оппонентами.

Основная причина кризиса заключалась, конечно, в набравших скорость процессах экономического развития. Они сопровождались социальной диверсификацией (разносторонним развитием) общества, кристаллизацией интересов социальных (в том числе социокультурных и социоэтнических) групп и, соответственно, теоретическим и догматическим размежеванием. В решениях собора оговаривалось, что отказ от священства дело «несамоохотное», временное. Не исклю-

чено, что староверы тешили себя надеждами на продолжение диалога с будущим монархом Александром II, всего тремя годами ранее осевшим своим пребыванием — первым из династии Романовых — Тюмень и Тобольск. Однако нет ничего более постоянного, чем временные установления. История согласия «стариковщины» или «часовенных»¹³ лишний раз напоминает об этом. Оно дожило не только до революции, но, можно сказать, — до наших дней¹⁴.

Тюменский собор — одно из знаковых событий культурно-исторического процесса на пространстве Евразии. Оперативность этого мероприятия, также как и одномоментная подача наследнику в 1837 году «наказа», обнаруживает наличие у староверов Урала и Сибири до 40-х гг. XIX ст. мощной самоорганизации. И это при том, что в отличие от полицейско-бюрократической машины, государственной и церковной, — действовавшей путём авторитарности и силы, — этот институт использовал принцип добровольности — «мирского совета» — и убеждения фактами из истории «истинных христиан».

Поразительно и то, что эта неформальная самоорганизация представляла собой разнородную в этническом, сословном и социальном плане массу населения и была рассредоточена на пространстве, сравнимом со всей Европой и даже Северной Америкой. Уже самый этот факт — убедительное свидетельство того, что староверие на определённом этапе своей истории действительно выступало той социокультурной средой, в которой происходила кристаллизация типологических черт национального характера, преимущественно в религиозной и этнокультурной сферах. С этой точки зрения, в так называемом «крестьянском монархизме», снисходительно именуемом историками «наивным», пора увидеть не только символ веры, но и глубокое, вполне рациональное убеждение в необходимости для такой страны, как Россия, единой и крепкой политической воли.

У историков пока нет чёткого ответа на вопрос: почему верховной власти Российской империи не удалось использовать в интересах национального строительства этот накопленный на окраинах

мощный потенциал демократической самоорганизации массы и её «идейных наработок»?

* * *

Реакция ишимцев на события конца 30-х — начала 40-х гг. XIX в. пока не нашла освещения в исследовательской литературе. Нам не удалось выяснить, как складывались их отношения с екатеринбургской метрополией после принятия старшинами предложения создать единовременные приходы на условиях выбора священника из православного клира.

Вместе с тем, мы тщетно искали представителя ишимской поповской общины и в числе тех, кто поставил свои подписи под решениями Тюменского собора. Это тем более загадочно, что ишимцы, как мы увидим далее, были тюменцам не только соседи, но и «родственники» в прямом смысле слова.

На грани XVII-XVIII столетий колониционный фронт от границ Тюменско-Тобольского района стремительно продвинулся в Приишимье. Поэтому нет ничего удивительного, что часть тюменцев оказалась на Ишиме. В числе 30 фамильных прозвищ ишимских староверов, которые дали политический урок наследнику императорской короны, «тюменские» составили более половины. Это: *Баженов, Барсуков, Бобрызов, Васильев, Денисов, Еруков, Журавлев, Каргаполов, Копытов, Кошкарлов, Саранчин, Сорокин, Сысолетин, Тюринов, Устюжанин, Черкасов, Чешков, Чмутин*¹⁵.

Тюменцы, очевидно, переместились на Ишим «земляческими» коллективами, а, может быть, даже целой староверческой общиной. Во всяком случае, «на Тюмени» *Баженовы, Падрывловы и Яруковы* в 1700 г. жили в одной деревне — *Антипиной*; *Тюриковы, Сысолетины, Каргапольцовы* — в *Сунгуровой*; *Жаравлевы, Устюжанины, Кошкарловы* — в *Гилевой*; *Устюжанины и Чешковы* — в *селе Кармацком*. Родом из самой *Тюмени*, кроме *Василия Каргапольца*, были посадские люди *Ржаниковы (Ржанины), Устюжанины и Черкасовы*, а также бобыль *Кохшаров* и казачьи дети *Саранчины*. Некоторые семьи *Сысолетинных*, а также *Черкасовы и Васильевы* в недавнем прошлом были крестьянами *Тюменского Спасо-Преображенского* монастыря.

Старообрядческий канонник. Перепечатан из нескольких отдельных брошюр. Московская старообрядческая книгопечатня. Тексты отпечатаны в 1909-13 гг. с рукописей XVIII в. Из фондов ИИМК.

Логично предположить, что уходы из-под Тюмени на Ишим были обусловлены не только жестокими расправами с «раскольниками», но, уже и тогда — идейными и догматическими расхождениями в среде самих староверов. Как мы увидим далее, не было однозначным у них, в частности, отношение к искупительной жертве в виде «огненного крещения». Не исключено, что именно в этой связи Ишим и Приобье, объединённые, в свою очередь, весьма тесными демографическими связями, оказались вне поля зрения авторов тюменских «родословий» — своеобразных летописей подвигов духовных учителей. История взаимоотношения «элиты» и рядовой массы и на Ишиме, и в Приобье остаётся пока на уровне сбора фактов и потому полна любопытных загадок. Они касаются как персоналий, так и в целом конфессиональной обстановки и, в частности, в эпоху активного «введения» здесь единоверия.

Некоторую базу для реконструкции Ишимской ситуации дают фрагменты из двух судебных расследований конца 30-х — начала 40-х гг. XIX в.

Первый фрагмент следственного дела об ишимских раскольниках представлен копией постановления Комитета Министров от 12 июня 1839 г., присланной из Министерства внутренних дел генерал-губернатору Западной Сибири и тобольскому гражданскому губернатору¹⁶.

*Крещение (Богоявление) Господне.
Литая икона. XIX век.
Из частного собрания.*

Постановление состоит из 4 пунктов. Один из них касается судьбы культового здания, а три представляют заключения по персональным делам членов старообрядческой общины ишимцев:

1. «Крестьянина Каргополова, который при вступлении в брак венчан единоверческим священником, но не исполнил обещания быть в единоверии (судим за раскол и допущение крестить свою дочь женой Денисовой), — выдержать в тюрьме один месяц и уволить в свое местожительство как необвиняемого в распространении ереси. Поручить [попечение? — Т.М.] за ним приходскому священнику».

2. «Женку Денисову, погружавшую в воду новорожденных детей Каргополова и Сысолетина, как значится, по тяжкой болезни тех младенцев, — не подвергать за это никакому взысканию».

3. «Егора Сысолетина, раскольника, обязать подпиской — родившегося у него младенца, крещенного священником Малаховым, непременно воспитать в православии или единоверии».

4. «О часовне в деревне Окуновой сделать изыскание — если построена до 17 сентября 1826 года, то оставить, а в противном случае запечатать на основании постановления о ней 5 марта 1839 г.»

Несмотря на лаконичность, документ интересен, прежде всего тем, что назы-

вает фамилии ишимцев (к сожалению, почти без имён). Как видим, все они принадлежат семьям активных членов общины, поставивших свои подписи под документом 1837 г.: Каргополовых, Денисовых, Сысолетиных. Из первого пункта следует, что один из Каргополовых вынужден был мнимо принять единоверие из-за необходимости юридического оформления своего брака. Ситуация типичная для начала 30-х гг. XIX в. Когда вышел указ о запрете принимать беглых священников, староверам приходилось постоянно поступаться нормами общепринятой для них морали. Тюменцы, как было предписано Собором, такой «грех» замазывали три года.

Интересен и другой момент — крещение новорожденных младенцев в общине осуществлялось уже по правилам «стариковщины», причём в роли требоисправителя выступал даже не «старик», а «старлица». По-видимому, это была «новация», так как в «повестке» Тюменского собора вопрос о возможном исполнении треб женщинами не обсуждался. В целом же очевидно, что ишимцы, оставшись без главного культового центра — Окунёвской часовни — и без надежды залучить «самоприходящего» священника, перешли к практике культового самообслуживания и социально-юридического лавирования — показного принятия единоверия.

Фрагмент из следующего судебного дела показывает, что такая ситуация их не вполне устраивала, — инициативу поиска священника взяли на себя именно Каргополовы в лице Василия Васильева. Из материалов дела видно, что поп был найден и некоторое время исправлял у ишимцев требы. Весьма любопытно, что уже при наличии в округе единоверческой церкви, среди местных жителей донощиков не обнаружилось. Беда пришла с неожиданной стороны и, видимо, застала ишимских руководителей раскола врасплох.

Упомянутое судебное дело было начато, как следует из переписки Канцелярии Министерства Внутренних дел и генерал-губернатора Западной Сибири, по инициативе МВД. В 1844 г. его чиновники производили в Москве следствие

«о противозаконной торговле раскольническими книгами» и в ходе обыска выяснили, что «подобною торговлею занимался также крестьянин Василий Каргополов в Ишимском округе Тобольской губернии»¹⁷.

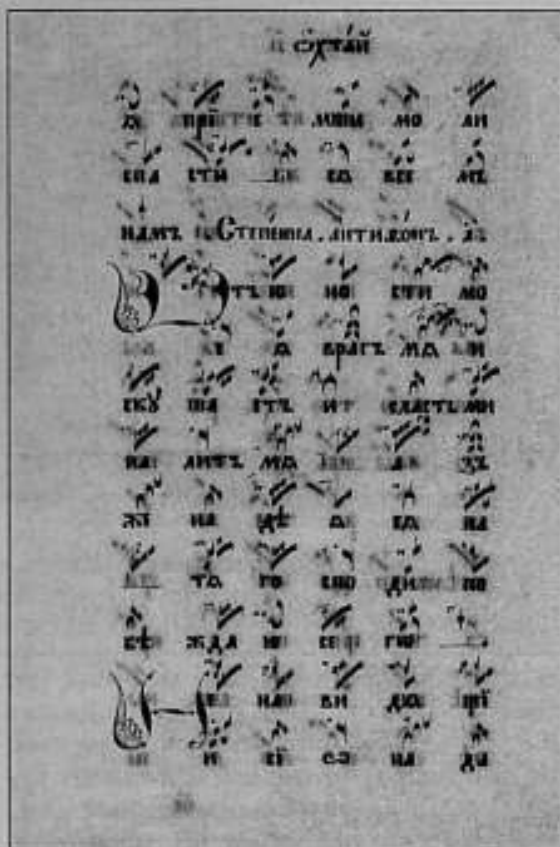
В связи с этим было тотчас предписано ишимскому исправнику Попову произвести обыск у Каргополова. По совершении его, как следует из донесения Попова, обнаружилось следующее.

1. Хотя Каргополов «заперся» в предъявленном ему обвинении, но в его доме, в ящике найдено 16 книг. Этот крестьянин за 10 лет собрал со старообрядцев до 2 тыс. рублей ассигнациями и «ездил в Москву под видом ходатайства о дозволении *нерукоположенному священнику исполнять требы по раскольничьим обрядам*, откуда возвратясь с книгами, исполняет [теперь — Т.М.] по ним раскольничьи обряды. Совратил родных братьев, Дорофея и Савелия и внучат [к сожалению, не названы — Т.М.] не присоединяться к единоверческой церкви».

2. «Московский удельный крестьянин Иван Никитин, у которого не оказалось паспорта, *отправляет в деревне Старорямовой в раскольничьей часовне богослужение*, имея в помощниках крестьянина той же деревни Семиона Журавлева. Никитин сам *составляет раскольничьи книги и занимается противозаконной торговлей*. В часовне той есть составленные им самим книги, а в бывшей его квартире, в доме Семиона Журавлева отысканы им же написанные 2 листа и книги для пения по нотам в праздники, а *также разные принадлежности для письма*. Сверх того найдена раскольничья псалтырь и 7 разных книг, из которых две принадлежат Журавлеву, а 5 часовне».

3. «В упомянутой часовне, устроенной, хотя и до 13 сентября 1826 года, но без особого дозволения иметь в ней престол, посредине стоит неподвижной налой, покрытой пеленой, в виде церковного престола, на котором поставлено Евангелие и крест, и подле клыросов две хоругви [с] изображением святого Богоявления и Преображения».

Засвидетельствовав данные обстоятельства, исправник Попов распорядился запечатать часовню, книги отдать в волост-

Лист богослужебных распевов. Старообрядческое крюковое нотное письмо. Рукопись. XIX век. Из «собрания Геннадия» (архив Богоявленского собора).

ное правление; купленные же в Москве книги передать священнику единоверческой церкви — на хранение. Каргополов и Никитин были арестованы и отправлены в тюремный замок.

После всех этих событий тобольский губернатор отдал распоряжение подробно исследовать открывшиеся обстоятельства. Одновременно он просил генерал-губернатора обратить особое внимание на заслуги Попова¹⁸. Следствие о Каргополове и Никитине было завершено 5 сентября 1844 г. и поступило для рассмотрения и решения в Ишимский окружной суд. Из материалов его следует, что:

1. Каргополов и Никитин (очевидно, не дожидаясь окончательного решения) дали подписку вместе с семьями присоединиться к единоверческому приходу, центр которого находился в селе *Травинском*¹⁹. Одновременно с ними старообрядцы деревень *Старорямовой* и *Окунёвой*, — «все до одного человека», —

Трёхстворчатый складень «Христос-Вседержитель с избранными святыми» (Христос-Вседержитель с предстоящими). Старообрядческое литьё. XVIII век. Из частного собрания.

и, кроме того и ещё двух деревень (не сказано каких — Т.М.) присоединились к единоверию «добровольно», а старообрядцы деревни Гагарьевского Мыса передали единоверцам молитвенный дом.

2. Все изъятые книги по распоряжению МВД местные власти переслали в «раскольничьих вещей комиссию»²⁰. Комментарий к ним гласит: «книги... писаны полууставом для пения по нотам, или, как выражаются раскольники, — по крюкам, — с заглавными листами: 1. «Творение преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина»; 2. «Преподобного отца нашего Симеона Столпника»; 3. Книга переплёт, который оторван — «о малой вечерне». Относительно первой книги сказано также, что она «куплена.. Никитиным в Москве, переплетена и отдана в часовню деревни Старой Рямовой».

Найденные в помеченных книгах 5 отдельных листков представляли:

1. «Удостоверение о крещении девицы Барсуковой раскольническим попом Петром, проезжавшим в 1822 году, составленное 18 января 1843 года»;

2. «Ирмос Введению Богородицы для нотного пения»;

3. «Молитву пресвятой Деве»;

4—5. «Разные молитвы писанные вчерне».

Следственные материалы были отосланы в МВД. Через некоторое время оттуда пришел запрос относительно поведения Каргаполова и «раскольников, при-

соединившихся к единоверию». Из ответа тобольского губернатора статского советника Энгельке следовало, что Каргаполов и Никитин сначала были отпращены в Тобольск для увещания с целью присоединения их к Травинской единоверческой церкви, а затем отданы под надзор сельских властей. Очевидно, ситуация устраивала МВД, и по его распоряжению и «Высочайшему повелению» дело прекращено в апреле 1845 г.

Между тем, не прошло и трёх месяцев, как Ишимский окружной суд сообщением от 21 июля уведомил губернатора, что Каргаполов «отказался от единоверия», заявив, что «такового желанья не изъявляя». Эти сведения поступили от единоверческого священника села Травинского Якова Виноградова от 2 июля 1845 г. Он писал, что «крестьяне Иван Андреев Никитин с семьей и крестьянин Укутуйской²¹ волости деревни Окуновой Василий Васильев Каргаполов... как и его братья, отказались принять единоверие и у исповеди не бывают». Одновременно обнаружилось, что «многие из числа обратившихся [к единоверию — Т.М.] переменяли усердие свое и расположение к святой церкви и, видимо, имеют намерение уклониться опять в раскол». В связи с этим губернатор полагал, что дело Каргаполова необходимо вновь возобновить.

На этом судебные материалы, сохранившиеся в РГИА, обрываются. Несмот-

ря на отрывочный характер, заключённая в них информация даёт основания к некоторым реконструкциям. Ишимская поповская самоорганизация действовала в рамках самостоятельного устава, независимо как от екатеринбургских, так и тюменских поповцев. Какое-то время она продолжала традицию беглопоповщины, принимая у себя беспаспортного «крестьянина» Никитина, исполнявшего в Старорямовской часовне, обращённой в малую церковь, роль священника²². Не исключено, что сам Василий Каргаполов выполнял обязанности наставника и, возможно, готовился к принятию священнического сана (совершал какие-то обряды). На нём же лежали все функции по организации жизни общины, включая и связи со своими единоверцами за её пределами, в частности, очевидно, с московской общиной Рогожского кладбища.

Судя по всему, Василий, как и его братья, были «торгующими» крестьянами, что облегчало им выполнение взятых на себя обязанностей. Именно в Москве они «добыли» священника, и каким-то образом беспаспортного человека доставили на Ишим вместе с библиотекой запрещённых книг. Большая их часть, по-видимому, представляла конволюты, т.е. выписки из разного рода литературы, регламентирующей процессы священнической службы и обрядности. Не случайно отмечено, что книги Никитиным и Журавлёвым «составлялись». Похоже, что в доме последнего был создан скрипторий — мастерская по переписке книг, очевидно, в целях их продажи наставникам других староверских общин. Журавлёв, по-видимому, как и Каргаполов, был в обществе наставником.

Весьма любопытно, что образцы книг для переписки были закуплены на общественные сборы. Каргаполов, как видно, пользовался большим авторитетом у своих земляков — полностью доверяя его тактике, четыре селения создали у властей иллюзию перехода в единоверие только для того, чтобы освободить своего руководителя от преследований.

Нет никакого сомнения и в том, что уверенная позиция Каргаполовых была обусловлена их связями с какими-то влиятельными покровителями. Наиболее вероятно, — с купеческой династией

Ѡ крѣпѣніи ѿнокомъ ѿли про
 еголоудіномъ . белікіа нѣ
 жды радн . По ѡбычнѣ начѣ .
 За мѣтвѣ стѣхъ оцѣ на
 шихъ , гдѣ ѿ хрѣтѣ снѣ бжѣн ,
 помнѣдѣ нагѣ , ѿмнѣ . Црѣ
 нѣнын ѡутѣшителю , дшѣ
 ѿстнннннн , ѿже вгздѣ сын ,
 ѿ вѣлѣ ѿполнѣл , сокрѣвнцѣ
 блгѣхъ , ѿ жнзні подѣте
 лю , прѣднѣ ѿ вѣлѣсѣ в ны ,
 ѿ ѡчнѣстн ны ѿ вѣлѣсѣ квѣр
 а рад

Начало последования крещения
 мирским чином, составленного
 беспоповцами. Лист из
 старообрядческого канонника.
 1909-13 г. Из фондов ИИКМ.

Поповых, развернувшими в указанное время в Западной Сибири добычу золота. Их многочисленные прииски, в том числе прииртышские (в районе современного Экибастуза) нуждались в поставках хлеба и мяса, сала и кож, пеньки и холста. Все эти продукты в больших количествах производили ишимские крестьяне. Их потребителями выступали не только прииски, но также жители казахской степи и крупного города Омска. Благодаря своим экономическим связям, центром которых выступала знаменитая ярмарка, Ишимский округ уверенно превращался в крупный очаг сельскохозяйственного производства и торговли, независимый от Тюмени и Тобольска.

Кроме названных объективных факторов, которые способствовали выдвижению богатых крестьян-торговцев Каргаполовых на роль руководителей коммер-

ческой корпорации, скреплённой узами религиозного единомыслия в рамках целого округа, имелись предпосылки и субъективного плана. Представители фамилии Каргаполовых выступали в роли самостоятельных идеологов и организаторов в структурах сибирской конфессиональной оппозиции уже не в первом поколении.

* * *

Каргаполовы пришли в Сибирь с Русского Севера. Об этом говорит и фамильное прозвище-меморат и некоторые сведения из письменных источников. Как уже сказано выше, прежде чем появиться на Ишиме, Каргаполовы проживали в Тюмени и её окрестностях. Здесь их именовали с характерным для северян «оканьем» — либо «Каргупольцами», либо «Каргупольцевыми». Согласно документам 1698 и 1700 гг., в Тюмени и её округе насчитывалось таковых до 5 семей. В деревне Сунгуровой проживала, в частности, братская семья «пушкаря» Микишки (Никиты) Яковлева Каргупольца. Год зачисления его в службу в документе отсутствует, как и у прочих сибиряков-старожилов. Замечателен Никита был тем, что три его брата (20, 19, 10 лет) носили одно имя — «Ивашко». Очевидно, что в такой ситуации разобраться в генеалогии потомков этой семьи историк (также, как в свое время фискалам и сыщикам) вряд ли удастся.

Из прочих Каргупольцевых двое, — Иван Михайлов и Федот Григорьев, — показали себя «родом каргупольцами», а один, Иван Максимов пояснил, что он «родом русских городов, тяглового отца сын». Этот Иван пришел в Сибирь в 1670 г. и к 1700 г. имел четырёх сыновей — Ивана 20 лет, Якова 18, Семёна 17, Матвея 15 лет. Последний тюменец из носителей фамилии-мемората — «Васька Иванов Каргупольец» появился в Сибири в 1683 г. Он называл себя выходцем из города «Колмогор». К сожалению, в документе не указан его возраст.

Состояли ли тюменские «каргупольцы» в родстве или были всего лишь земляками, получившими фамильные прозвища по месту выхода, рассмотренные документы не рассказывают. Из числа названных тюменцев гипотетически на роль предка ишимского «раскольника» Васи-

лия Каргаполова «тянет», конечно, последний — Василий Иванов. Хотя бы уже потому, что своим предыдущим местом жительства он назвал Колмогоры — историческую столицу Поморья. Отсюда Сибирь получала не только миграционные потоки (значимые не столько своим числом, сколько социальной активностью), но и мощные идейные импульсы, весьма опасные для официального православия. Не случайно основной «толк» беспоповцев именовался «поморщиной»²³.

Василий Каргупольец в отличие от своих однофамильцев-земледельцев, живших в деревнях (Кокшаровой, Кулиге, Мохиревой), числился «на Тюмени» в посаде. Пашни он не пахал, «кормился» портняжным ремеслом²⁴. Деталь для биографии немаловажная, предполагавшая большой круг знакомств, и, как правило, грамотность. И, наконец, обращает на себя внимание традиция родового именника. Она запечатлена не только в имени, но и в отчестве ишимского Каргаполова — Василий Васильев. А ведь к моменту описываемых ниже событий после переписей начала XVIII столетия сменилось не менее 6-7 поколений.

Из числа названных выше тюменских деревень, откуда переселились на Ишим тюменцы, некоторые вошли в историю Западной Сибири конца XVII — начала XVIII вв. как центры исключительно драматичных событий. Гилёва («на Кармаках») известна, в частности, тем, что в её окрестностях находился скит авторитетного «расколоучителя» инока Авраамия Венгерского²⁵, разгромленный в 1702 г. Этот духовный учитель разыскивался перед тем десять лет. Ему инкриминировались призыв к массовому отказу от присяги царевичам Ивану и Петру, а также инициация Утяцкой гари (1682 г.), в которой погибло до 400 человек. Между тем известно, что А. Венгерский и его сподвижник Иван Кодский были как раз противниками самосожжения и покинули Утяцкую слободу накануне трагедии. При розыске старцев «на дальних Кармаках» жители Гилёвой в 1683 г. побили прибывшую в деревню команду стрельцов, возвратили конфискованные ею книги, иконы, два ящика «писем», а также высвободили из-под ареста их вла-

дельца Ивана Коробейникова. При аресте Авраамия у него была также изъята большая библиотека, в её составе имелась «Книга Кирилла Иерусалимского» (М., 1644). Последователи Авраамия использовали её в своих проповедях в качестве подтверждения наступления времён Антихриста.

Есть некоторые основания предположить, что сподвижником и, возможно, эмиссаром Авраамия был некий старообрядческий наставник — старец Каллистрат, арестованный в конце 1730-х гг. в Приобье. Действовал этот старец, по одним сведениям, в районе речки Лосиха (под будущим Барнаулом), где им был основан скит близ деревни Новой Шадриной, по другим — в ведомстве Бердского острога на реке Бердь, в пустыни близ деревни Беловой. Наконец, третий источник называет местом его жительства район реки Чумыша, между реками Лосихой на юге и Бердью на севере.

По одной из версий, Каллистрат пришел в Приобье из Якутска, куда он был сослан из Москвы по результатам следствия Конторы тайных розыскных дел в начале 30-х гг. XVIII в. Известно, что он был в прошлом священником и имел двойное прозвище — Каргаполов/Холмогоров. Где он служил, в литературе не сообщается, но ясно, что был уличен в «раскольнической ереси», а, возможно, и в её пропаганде. После лишения священнического сана и наказания кнутом он дошел с партией ссыльных до Якутска и в 1733 г. должен был далее следовать в Охотский острог. Однако, под предлогом его немощности, местные власти оставили старца руководить церковной школой (!) в Спасском монастыре (!!), и зачислили в состав причта в дьячки (!!!). Воспользовавшись свободой, Каргаполов бежал и оказался в Приобье. Остаются загадкой удивительные перипетии судьбы ссыльного раскольника в Якутске и то, как смог немощный старик самостоятельно, без паспорта преодолеть столь неблизкий путь из Якутии до Алтая.

У окрестного населения Каргаполов стал известен под именем старца-пустытника Каллистрата, выполнявшего требы по старым обрядам. В конце 30-х гг. доведенные до отчаяния карательными

*Икона Божией Матери «Казанская».
Литьё. XIX век.
Из частного собрания.*

отрядами, сысками и поборами приобские старообрядцы решились на крайний шаг — собравшись в Новошадринском скиту в составе 300 (по другой версии 500) человек предались «огненному крещению», предварив его «сказкой» — протестным посланием светским и церковным властям. Событие это датируется 7 ноября 1739 г.²⁶

В организации Новошадринской гари тобольские власти подозревали в числе других и старца Каллистрата. Правда, было установлено, что он ушел с места будущей трагедии за три недели. Возможно, бывший священник оказался противником замышляемого самоубийства, так же, как в своё время и Авраамий Венгерский. Тем не менее, Каллистрат был найден и арестован. Во время допроса в Кузнецке, будучи «слегка» стегнут «батошкой», он выронил из-за пазухи кожаный мешочек, в котором сыщики нашли старообрядческие сочинения и выписки из упоминавшейся выше «Книги Кирилла Иерусалимского». Ввиду данных совпадений и появляются первые основания к вопросу — не был ли этот человек если не эмиссаром, то последователем учения Авраамия?

Старика пытали, и он назвал фамилии тех, кто собирал приобский народ в лес-

ную пустынь: Семёна Шадрина, Дементия Бурмакина и Данилу Короля с детьми. Носители всех трёх фамилий, судя по упомянутым тюменским источникам, были, как и Каргаполов, выходцами из-под Тюмени. Записные раскольники Шадрины, кроме того, хотя и по более поздним документам, известны как ишимцы, проходившие по делу беспоповца Понкина-Братцева.

Старца Кааллистрата сибирские власти отослали для следствия в Москву и там след его потерялся. Семён Шадрин был схвачен при попытке бежать из горящей избы через подземный ход и также отправлен для следствия в Москву. Остаётся тайной, как ему удалось вырваться из московских тюремных застенков. Он вновь возвратился на Алтай, и, подобно Каргаполову, жил и учительствовал под именем «святого отца Якова Степановича»²⁷. Последняя гарь в Приобье — Чаусская — была опять же делом его рук (1756). Он вновь пытался ускользнуть из пожарища, но на этот раз ему всё же пришлось принять искупительную жертву вместе со своими «духовными детьми».

Во время следствия в Москве Шадрин, как полагает Н.Н.Покровский, намеренно путал в своих показаниях реалии с вымыслом. По его версии инок Кааллистрат был прежде крестьянином расположенной на реке Чумыш деревни Босой²⁸. Затем, якобы отправившись в Заволжье, в Муромские леса к известному старообрядческому учителю Софонтию, получил от него посвящение в монашеский чин. Софонтий (1637-1710) был первым священником из никонианской церкви, принятым на Керженце в качестве староверческого²⁹. С данного момента у поповцев началась практика приема беглых попов, или «беглопоповщина».

После разгрома керженских скитов в 10-20-е гг. XVIII в. одно из согласий поволжской беглопоповщины мигрировало «на Урал и в Сибирь», где получило название «софонтиевщина». «По преданию Софонтий приезжал на Ирюм³⁰, где встречался с иноком Авраамием Венгерским». И, как сообщается в одном из тюменских «родословий» всё «согласно у них было, и благословил их

нужды править»³¹ — то есть, исправлять у староверов-поповцев необходимые требы.

Именно такого рода деятельностью занялся бежавший из Якутска на Алтай Каргаполов. Однако, как и в случае с А.Венгерским, она была прервана сторонниками более радикальных форм борьбы за свободу вероисповедания. Н.Н.Покровский полагает, что в том случае, если Шадрин не лукавил в своих показаниях, то «Каргаполова тогда следует признать другим, отличным от Кааллистрата, участником событий» в Приобье³². Однако, обращает на себя внимание тот факт, что в числе подписавшихся под «сказкой» приобцев фамилия Каргаполова отсутствует. К тому же другие источники, как упомянуто, «знают» старца Кааллистрата еще и как пустынножителя на реке Берди. Здесь он пользовался большим авторитетом у староверов ближних и дальних деревень. «Назидая старших, Кааллистрат не отказывался брать к себе детей для обучения их грамоте»³³.

Очевидно, именно это обстоятельство и дало вполне резонный повод к отождествлению личности ссыльного попа Каргаполова и «расколоучителя» Кааллистрата. В приводимых фактах нет противоречия. Перед нами обычная для первой половины XVIII века картина функционирования сети тайных скитских убежищ, расположенных на значительном пространстве, но объединённых между собою невидимыми для властей связями. Благодаря им староверам удавалось иногда десятки лет спасать своих духовных учителей от ареста.

Появление Каргаполова именно в Приобье, как изначально, так и после бегства из Якутска, также не выглядит надуманным. В первом очерке говорилось о том, что в начале XVIII в. здесь поселилась большая группа «ишимцев». Их руками в 1713 г. был построен, в частности, Чаусский острог (близ нынешней Кольвани). Позже часть ишимцев поднялась вверх по Оби и основалась на упоминавшихся речках Берди и Чумыше. На Берди существовал, в частности, скит ишимца Исаака Пашина «с прочими» и убежище беглого священника Спиридона Наумова. Последний совершал, как и Каргаполов, необходимые требы у поповцев

Старообрядческая псалтирь с образом царя Давида.
Единоверческая типография при московской Троицко-Введенской церкви.
1867. Из частного собрания.

и «входил в частые сношения с учителем Кааллистратом»³⁴.

На Чумыше, территория которого входила в ведомство Белоярской слободы, располагавшейся южнее Бердского острога, авторитетных ишимцев представляла известная в Зауралье семья Тагильцевых/Фунтиковых. Родом они были из Архангелогородской провинции, т.е. также из Поморья. Миграционная волна принесла их вначале на Тагил, где они приобрели свою вторую фамилию, а позже на Ишим. Известно, что на Чумыш они переселились из Ировской деревни Абацкой слободы. При этом своему новому поселению дали также меморативное название — деревня Ировская (позже — Усть-Чумышская). Уже в момент первой переписи (1719 г.), по данным Ю.С.Булыгина, в ней насчитывалось 17 дворов. Следовательно, чумышская Ировская была основана еще до страшных событий в Ировской на Ишиме. Очевидно, само название приобской деревне было дано не случайно — для ишимских староверов оно стало знаковым на миграционных путях из Ишима в Приобье. Бывшие жители Коркиной слободы Казанцевы, придя на Чумыш, основали по

соседству с Ировской деревню Казанцеву (она же Зайцева), а выходец из Абацкой слободы Роман Язов — деревню Язову³⁵.

В начале 20-х гг. XVIII в. «близ Езовой на реци Чумыши на острове» выговский беспоповец Иван Семенов Митрофанов завел старообрядческую обитель. Вскоре она была разгромлена военной командой, а её обитатели увезены в Тару и казнены. Иван Семёнов, бежав в деревню Елунину, организовал там крупнейшее в Приобье самосожжение, в котором погибло до 600 человек³⁶. Этот Иван был братом известного расколоучителя Гавриила Семенова — эмиссара всё того же беспоповского Выга, подвизавшегося вначале в скитах близ Тюмени, а около 1715 г. в «новозаведенной пустыни» на Ишиме. Располагалась она «в непосредственной близости от Тары и поповского скита Сергия»³⁷.

Таким образом, «расколоучительство» кого-либо из представителей клана тюменских Каргаполовых в Приобье на грани 30-40-х гг. XVIII столетия вполне вероятно. Имеет под собой основания гипотеза и о его (предварительном) посвящении на Керженце, и его возмож-

ном эмигрантстве от беглопоповщины и даже непосредственно от патриарха тюменской софонтиевщины — Авраамия Венгерского. Именно в Приобье оказалась к этому времени сосредоточена значительная масса мигрантов тюменского и ишимского происхождения.

Новое смещение миграционного фронта произошло в результате, во-первых, преследований староверческого населения на Керженце в Поволжье (конец 1710-х — 1720-е гг.) и почти одновременно — розыска на Таре (20-40-е гг.), затем — «раскольнической выгонки», организованной В.Н.Татищевым на Уральских заводах Демидовых (1730-е гг.) и обострения отношений между Тобольским архиерейским домом и староверами. Поводом к последнему послужила их массовая запись в двойной оклад во время проведения второй ревизии (1743-1745 гг.). Очевидно также, что динамика миграций в Приобье усилилась в связи с открытием на Алтае заводов А.Демидова (1729 г.). Здесь действовали два его известных приказчика, покровительствовавшие «раскольникам». Не исключено, что жестокие самоубийства староверов, организуемые в Приобье преимущественно беспоповскими наставниками, были делом конкурентов Демидовых, — противников усиления их роли на Алтае. Эта сторона истории «раскола» остаётся совершенно не затронутой исследователями. Не поставлен вопрос и о том, с помощью каких психотропных средств удавалось «фанатам» самоубийств воздействовать на психику сотен своих жертв³⁸. Нет сомнения, что они пользовались чем-то подобным, примером чему служат выразительные обстоятельства деятельности Г.Мороки³⁹.

Староверы как беспоповского, так и поповского направлений пережили «антихристовы страсти» петровского и послепетровского времени. Оставаясь при изначальных религиозных убеждениях, обе ветви «раскола» несколько смягчили свои взаимоотношения с окружающим миром и даже в определенном смысле «сблизились», если не в теории, то в практике обрядности и соответственно — организации быта. Постепенное сокращение «штата» беглых попов заставило даже софонтиевцев (беглопоповцев) смириться

с участием не имеющих священства и перейти на начала «стариковщины».

В 20-е гг. XIX ст. в период «свободного отправления веры» поповщина вновь на короткое время обратилась к практике беглопоповщины. Однако вскоре после воцарения Николая I началась эпоха обращения староверов в лоно официального православия через так называемую Единоверческую Церковь. Массовые обращения к единоверию, как правило, были мнимыми. В этих условиях практика исполнения обрядов богослужения, крещения, причащения, отпевания умерших «искусными стариками» снова оказалась актуальной. Высшие церковные иерархи вполне осознавали малую результативность избранного направления конфессиональной политики правительства. Екатеринбургский епископ образно отозвался, в частности, об одном из таких обращённых приходов — «гнездо раскола... личиной единоверия прикрываемое». Эта характеристика, как мы могли видеть из фактов дела о Василии Каргаполове 1840-х гг., вполне применима и к ишимской старообрядческой организации. Продолжая традиции своих предков и земляков, возможно, и в лице погибшего более ста лет назад в 1740-е гг. в тюремных застенках Москвы священноинока Каргаполова/Холмогорова, ишимцы, не изменяя своим убеждениям, постепенно, в соответствии с обстоятельствами времени, вырабатывали тактику гибкого взаимодействия с церковной и светской бюрократией.

Примечания

1 Продолжение. Начало см.: Коркина слобода. — Вып. 6. — Ишим 2004. — С. 15-29.

2 *Единоверческая церковь — одно из течений поповского направления старообрядчества, находящееся под юрисдикцией Русской Православной Церкви (РПЦ). Единоверческое движение стало формироваться в 1780-е гг. с разрешения российских властей в ответ на ходатайство старообрядцев-беглопоповцев; официально Е.ц. была учреждена в 1800 г. Единоверцы, сохранив старую обрядность и верность дореформенным богослужебным книгам, приняли руководство РПЦ, епископы которой стали рукополагать для Е.ц. священников. Т.о., единоверцы занимают промежуточное положение

ние между старообрядцами и РПЦ. Сами себя они иногда называют православными старообрядцами». (Казмина О.Е. Единоверческая церковь // Народы и религии мира. — Москва, 1999. — С. 727.)

3 ***Поповцы** — одна из двух основных групп старообрядчества, приемлющая все семь таинств православия. Поповское направление зародилось одновременно с расколом и окончательно оформилось в последнее десятилетие XVII века. Старообрядцам-поповцам не удалось сразу создать свою иерархию, поскольку епископы, сохранившие старую веру, вскоре после раскола были либо посажены в тюрьмы, либо погибли, либо в конце концов приняли церковную реформу, так и не успев рукоположить новых епископов, которые могли бы потом возводить в сан новых иереев и архиереев. Поэтому старообрядцы-поповцы вынуждены были принимать священников, перебежавших из РПЦ, получив за это название «беглопоповцы». (...) Впоследствии часть старообрядцев-беглопоповцев перешла под юрисдикцию РПЦ, сохранив дореформенную обрядность, другая после серии неудачных попыток создала свои собственные иерархии, третья же из-за постоянной нехватки священников вынуждена была перейти в беспоповщину.

По догматике старообрядцев-поповцы не отличаются от православных, однако придерживаются при этом старой культовой обрядности. Для поповцев характерно активное участие в церковных делах не только высшего церковного руководства, но также приходских священников и мирян. (...)

(Современные) старообрядцы-поповцы делятся на три основные группы: единоверцев, сторонников Русской Православной Старообрядческой Церкви (Белокриницкая иерархия) и приверженцев Русской Дредеправославной Церкви». (Казмина О.Е. Поповцы // Народы и религии мира. — Москва, 1999. — С. 794.)

4 Три центра поповщины связывали сложные организационные и в то же время конкурентные отношения. Екатеринбургские старшины получали попов из Иргиза, а он являлся филиалом Рогожской общины в Москве. С упадком Иргиза Екатеринбург, используя независимые от Москвы капиталы, пытался создать на базе своих, урало-сибирских общин, второй автономный центр поповщины. — Никольский Н.М. История русской церкви. — М., 1988. — С. 320, 321, 326, 343 и др.

5 Байдин В.И. Новые источники по организации и идеологии урало-сибирского старо-

обрядчества в конце XVIII — первой половине XIX в. — Сибирское источниковедение и историография. — Новосибирск, 1980. — С. 96-100.

6 Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья. — Екатеринбург, 1993, Т. 2. — Вып. 1. — С. 22-23; Вып. 2. — С. 46-56. Материалы данного тома, как и предыдущего (Т. 1. — Вып. 1-2. — Екатеринбург, 1991) переизданы. См.: Духовная литература староверов Востока России XVIII — XX вв. Новосибирск, 1999.

7 «С никовьянами и единоверцами дружны не имети, в питии и ядении, и поклонами не сообщаться».

8 «Пива хмельного не варити», «чай... в дома свои не заносити и не пити».

9 «Иноземного одеяния не носити», «брады не брити», «матерными словами не ругатися», «детей учити страху Божию», в церковные праздники хороводы не водить, «бесовские песни» не петь, с гор не кататься, качели не устраивать и т. п.

10 Виновные караются «церковной казнью» — трёхлетней епитимьей.

11 ***Беспоповцы** — одно из двух основных направлений старообрядчества, последователи которого не имеют духовенства. Когда после раскола старообрядцы столкнулись с проблемой нехватки священников, то часть из них стала принимать беглых священников из РПЦ (беглопоповцы), другая же часть решила вообще отказаться от священства, мотивируя свой отказ тем, что у плохой, с их т.зр., «никонианской» церкви не могут быть хорошими священники». Окончательно направление сформировалось в конце XVII в., на соборах новгородских старообрядцев-беспоповцев, где, в частности, «было провозглашено, что в мире окончательно воцарился Антихрист, благодати больше не существует, священство перевелось, что не даёт возможности совершать таинства причащения и брака. (...) Из всех таинств оставлены были только таинства крещения и покаяния (...)». «Для беспоповцев была характерна вера в скорый конец света и второе пришествие Христа. Именно поэтому среди его сторонников получили довольно широкое распространение «гари» (самосожжения), которые рассматривались как единственный способ спасения от царства Антихриста.

Руководство беспоповскими общинами осуществляют «наставники», «уставщики» и «начетчики». (...) Решения беспоповских соборов 1692 и 1694 гг. не были признаны всеми ста-

рообрядцами и потому беспоповское направление разделилось на разные согласия и толки: Часовенное, Поморское, Федосеевское, Спасово согласия, Филипповский, Страннический и др. толки». (Казьмина О.Е. Беспоповцы // Народы и религии мира. — Москва, 1999. — С. 692-693.)

12 Цит. по: Памятники литератур и письменности... Т. 2. — Вып. I. — С. 23.

13 «Часовенное согласие — одна из групп старообрядцев. Образовалась в 1-й половине XIX века, выйдя из недр беллопоповства. Постоянно испытывая трудности со священниками, а во время гонений на старообрядцев, в период царствования Николая I, вообще оказавшись без них, группа старообрядцев-беллопоповцев, живших в районе Витебска, решила вовсе отказаться от иереев и заменить их наставниками, или уставщиками (из мирян). Богослужения стали проводиться в часовнях (откуда и название согласия). Т.о., часовенные фактически превратились в беспоповцев, хотя и не причисляют себя к ним. (...) Богослужебная практика сторонников Ч.с. во многом сходна с принятой у других старообрядцев-беспоповцев. Истинным таинством часовенные считают только крещение, выполняемое руководителем общины. Брак, исповедь и причащение считаются по своему статусу ниже крещения». (Казьмина О.Е. Часовенное согласие // Народы и религии мира. — Москва, 1999. — С. 873.)

14 Высказывается мнение, что поповцы употребляли термин «часовенные» в качестве самоназвания (так как их культовыми центрами были часовни), а в иноверном окружении согласие именовалось «стариковщина» — «по особенностям их обрядовой практики» — Памятники литературы и письменности... Т. 2. — Вып. 1. — С. 43.

15 Для идентификации фамилий использованы налоговые документы, в которых отражено все мужское население Тюменского уезда: «Тюменский дозор» 1700 г. и «Переписная книга» посада города Тюмени 1698 г. — РГАДА, ф. 214, кн. 1276, лл. 4—681 об.; кн. 1173, лл. — 1—218 об. В тюменских документах часть названных фамилий — Журавлев, Тюринов, Бобрызов, Еруков, Кокшаров — записаны, как Жаравлев, Тюриков, Пабрызов, Яруков, Кошкаргов. Но, как видно, они легко узнаваемы — их изменения вызваны лишь различным отображением на письме звукопроизношения. Возможно, что такие фамилии, как Ржавин и Доронин, также были в среде ишимцев преобразованы из тюменских фамилий

Ржавинов (Ржавин) и Дорогин. И в этом случае удельный вес ишимских староверов, ведущих свое происхождение из-под Тюмени, увеличивается более чем до 60 %.

16 ГАОО, ф.3, оп. 13. д. 18078. лл. 1 — 22 об.

17 РГИА, ф. 1284, оп. 200, д. 141, на 59 лл.

18 Заслуга исправника состояла не только в «разоблачении раскольников», но и в том, что он добился «удовлетворительного положения» со сбором податей. В его ведомстве «к 18 марта осталось недоимки за прежний год только 1438 руб. 73 и 3/4 коп. и оклада за первую половину сего года только 19 руб. 60 коп. серебром, тогда как в других смежных округах недоимки состоят от 5 до 44 тыс. руб.»

19 Церковь во имя святителя Николая Чудотворца в селе Травнинском Ишимского уезда (ныне с. Дальне-Травное Казанского района Тюменской области). — Прим. ред.

20 Эту комиссию возглавлял Н.И.Надеждин, чиновник МВД и учёный, собиравший материалы о «русском расколе» по собственной программе. Аналогичной деятельностью одновременно занимался П.И.Мельников, в будущем известный писатель (Андрей Печёрский), автор диалогии о раскольниках «В лесах» и «На горах».

21 Укузской. — Прим. ред.

22 В официальных документах таковых запрещалось именовать священниками.

23 «Поморцы — наиболее умеренное согласие среди беспоповцев, другое название группы — даниловцы. Возникло в Поморье вскоре после раскола. В 1695 году бывший дьяк Данила Викулин основал на реке Выге первое общежительство (общину) поморцев. (...) От своих последователей поморцы требуют полного разрыва с РПЦ и переходящих к ним из православия обязательно перекрещивают. Таинства поморцы делают на «нужно-потребные» (крещение, покаяние и причащение), абсолютно необходимые для спасения, и «потребные» (все остальные), без которых, по их мнению, спасение возможно. Совершают таинства миряне. Первоначально поморцы отвергали брак, но затем различные их группы стали относиться к браку по-разному. (...) Литургии у поморцев, как и у других беспоповцев, нет. Однако у них имеются богослужения, которые совершаются в часовнях и проводятся наставниками (в народе их нередко называют попами, хотя они и не имеют священного сана)». (Казьмина О.Е. Поморцы // Народы и религии мира. — Москва, 1999. — С. 794.)

24 В документе сказано — «кормится работою, шьет портное».

25 Бывший тобольский сын боярский Алексей Иванович Венгерский. При пострижении (1658 г.) принял имя Авраамия. После ареста в 1702 г. был заключен в Тобольский Знаменский монастырь, откуда бежал. Год смерти в литературе не называется. — Памятники литературы и письменности ... Т. I — Вып. 1. — С. 12, 13, 22 — 24.

26 См. подробно: Покровский Н.Н. Антифеодалный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. — Новосибирск, 1974. — С. 118-127.

27 Смена имени у расколоучителей была, как правило, результатом перекрещивания.

28 В работах по истории заселения равнинного Алтая такой деревни отыскать не удалось.

29 Памятники литературы и письменности... — Т.1 — Вып. 2. — С.105.

30 Речка Ирюм — малый приток Исети к югу от Тюмени — Прим. Т.М.

31 Там же. — С.32, 105.

32 Покровский Н.Н. Антифеодалный протест ... — С. 121.

33 Беликов Д.Н. Старинный раскол в пределах Томского края. — Томск, 1905. — С. 18, 30.

34 Там же.

35 Эти сведения были введены в литературу краеведом — потомком Казанцевых. См.: Казанцев В.И. Социально-экономическая ис-

тория Нижнего Причумышья в XVIII в. — Нижнее Причумышье. Очерки истории и культуры. Материалы краеведческой научно-практической конференции. — Тальменка, 1997. — С. 66-72; См. также: Булыгин Ю.С. К истории населенных пунктов Тальменского района (20-40-е гг. XVIII в.). — Там же. — С. 59-65.

36 Покровский Н.Н. Следственное дело и Выговская повесть о Тарских событиях 1722 г. — Рукописная традиция XVI — XIX веков на Востоке России. — Новосибирск, 1983. — С. 69.

37 Там же, с. 64. Скит был разгромлен в ходе тарского следствия, а о судьбе пустыни в литературе сведений нет.

38 Согласно подсчетам А.Т. Шашкова, «за период с 1679 по 1715 гг., т.е. за 36 лет, произошло более 20 самоожжений, в которых погибло по меньшей мере четыре с лишним тысячи человек — цифра для Урало-Сибирского региона, сравнительно малозаселенного в те времена, весьма внушительная. Львиная доля как самих самоожжений, так и сгоревших, приходилась в основном на несколько районов Тобольского, Тюменского и Томского уездов». — Шашков А.Т. Старообрядческие самоожжения на Урале и в Сибири в XVII — XVIII вв. — Сургут. Сибирь, Россия. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 400-летию г.Сургута: докл. и сообщ. — Екатеринбург, 1995 — С. 134—157.

39 О ней рассказано в преддущем очерке.

Культура края

К.В. АРТЮХОВ

Прапрабабушкин альбом

В декабре 2004 года мне и моим друзьям-краеведам — Надежде Проскуряковой и Геннадию Крамору, довелось побывать по «ершовским делам» в Санкт-Петербурге. В гостинице «Наука» на улице Миллионной — месте нашего проживания, состоялась встреча с Константином Валентиновичем Артюховым и запись его рассказа о Жилиных — знакомых и родственниках Ершова по Тобольску. Будучи исконным петербуржцем и потомком Жилиных Константин Валентинович бережно хранит семейные реликвии: записные книжки, старинные портреты-миниатюры, альбом прапрабабушки Анны Петровны Жилиной со стихотворным автографом П.П.Ершова и его письмо к Анне Петровне в имение Успенское под Ярославлем.

К.В.Артюхов интересуется не только своим родом, к которому принадлежат Михаил Аврамов, первый типограф Петербурга, Гавриил Кропотков, участник Полтавской битвы, Афанасий Ушаков, участник Бородинской битвы, но и русской культурой XVIII-XIX веков в целом. Являясь режиссёром творческого объединения «Лентелефильм», а также студии «Арион» при Всероссийском музее А.С.Пушкина, он создал серию документальных фильмов о шедеврах петербургской архитектуры: «Большой приём во дворце», «Екатерининский дворец», «Петродворец», «Статуи над городом». Значительное количество кинолент Артюхова посвящено замечательным личностям, судьбы которых связаны с городом на Неве: художнику, графику, театральному критику Александру Николаевичу Бенуа, архитектору Николаю Евгеньевичу Лансере, художнику Зинаиде Евгеньевне Серебряковой («Дом Бенуа»), академику Дмитрию Сергеевичу Лиха-

чёву (трилогия «Поэзия садов», «Монрепо», «Забывшие места»), поэту Гавриле Романовичу Державину («На берегу реки Фонтанки»). А в фильмах «Мой прапрадед Пушкин», «Машка, Сашика, Гришака, Наташка», «Странная жизнь Аннибала» нашла своё отражение ещё одна тема: предки и потомки А.С.Пушкина.

Последний фильм этой группы имеет характер кинематографического «расследования», в нём выясняется место рождения прадеда Пушкина — Ганнибала, традиционно считавшегося эфиопом. Профессор Дьедоннэ Гнамманку опроверг эту версию, обратившись к документу XVIII столетия. В прошении к императрице Елизавете Петровне о признании дворянства Ганнибал писал, что отец его был владетельным князем в африканском городе Лагоне, ему же принадлежали ещё два города. Гнамманку вспомнил, что в Камеруне, на южном берегу озера Чад, есть место под названием Лагон, где по-прежнему сохраняется султанат и правит та же династия, что и во времена Ганнибала. И съёмочная группа во главе с Артюховым отправилась в Африку.

В настоящее время в планах Константина Валентиновича работа над новой кинолентой. В марте этого года он вместе со своей группой побывал в нашем городе, принял участие в конференции, посвящённой 190-летию со дня рождения П.П.Ершова, и приступил к съёмкам сибирской части фильма об авторе «Конька-горбунка» в селе Ершове (бывшей деревне Безруковой), Ишиме и Тобольске.

Занимаюсь я прошлым своей семьи давным-давно, потому что у меня к этому есть какая-то наследственная жилка или, сказать по-другому, генетическая

Силуэт Натальи Дмитриевны Фонвизиной в альбоме А.П.Жилиной (Вилькен). 1841. Из архива автора.

предрасположенность. У нас сохранялись дедушкины родословные росписи, всевозможные записные книжки с заметками, письма. И помогло ещё то, что много документальных материалов находилось у моего дяди в Киеве. Дядя — Николай Николаевич Ушаков, был довольно известным поэтом, но его беда заключалась в том, что он жил в Киеве и являлся русским поэтом на Украине. Живил он в Москве, а у него была дружба с Асеевым, Сельвинским, Маяковским, то, вероятно, его известность была бы большей. Но в Киеве его уважали, хотя потом немного подзабыли. Интересно, что родился он 6 июня (по новому стилю) 1899 года, то есть через 100 лет после Пушкина, и боялся 1937 года. А умер он не в 1937, а в 1973 году.

Как уже говорилось, у дяди Коли было очень много документов. И что сразу меня привлекло — это прапрабабушкин альбом. Владелица альбома — Анна Петровна Жилина, в замужестве Вилькен. Свой альбом Анна Петровна создавала в Тобольске, куда она прибыла вместе со своим отцом — Петром Дмитриевичем.

А отец её — личность весьма интересная, впрочем, интересны все судьбы человеческие, когда больше в них вникаешь.

Пётр Дмитриевич Жилин был гусаром Павлоградского полка, героически проявил себя во время войны 1812 года, служил адъютантом у знаменитого генерала Платова. Он прошёл всю кампанию до Парижа и обратно и потом снова до Парижа и обратно — в наполеоновских войнах. У него было много наград, например, орден Почётного легиона, но уже королевский. Он и масоном был, недавно вышел толстый том о русском масонстве, и я его там видел.

А вырос он в семье своего отчима Михаила Антоновича Шишкова, который с 1808 по 1810 гг. был в Тобольске губернатором. И Пётр Дмитриевич также находился там вместе со своей мамой. И в Тобольске он познакомился с Марьей Александровной Павлуцкой, молодой девушкой, сватался к ней, но она ему почему-то отказала. Пётр Дмитриевич уехал, женился на прапрабабушке Анне Николаевне Степановой, у них родилось четверо детей: Анна Петровна, Софья Петровна, Марья Петровна и сын — Александр Петрович. Анна Николаевна очень рано умерла, в двадцать девять лет, от чахотки. У меня сохранился её портрет — единственный из многочисленных больших портретов, которые находились в имении Успенское под Ярославлем. Кстати, с этим портретом связана следующая история. Когда я представил его на выставке частных коллекций в Манеже, в Ленинграде, то моей подрастающей дочке говорили: «Катя, в Манеже есть портрет на тебя очень похожий!».

Совершенно случайно в магазине я увидел книгу, изданную в Петербурге в 1908 году, «Семейная хроника в письмах матери, отца, братья, сестёр, дяди Д.И. Менделеева. Воспоминания о Д.И. Менделееве его племянницы Н.Я. Губкиной (урождённой Капустиной)». В ней оказались письма М.Д. Менделеевой за 1829–1830 гг. к разным лицам по поводу женитьбы старинного друга их семьи Петра Дмитриевича Ж-на на Марье Александровне П-ой, то есть Жилина и Павлуцкой. Выяснилось, что Пётр Дмитриевич, овдовев в 1829 году, послал через Марью Дмитриевну письмо Павлуцкой

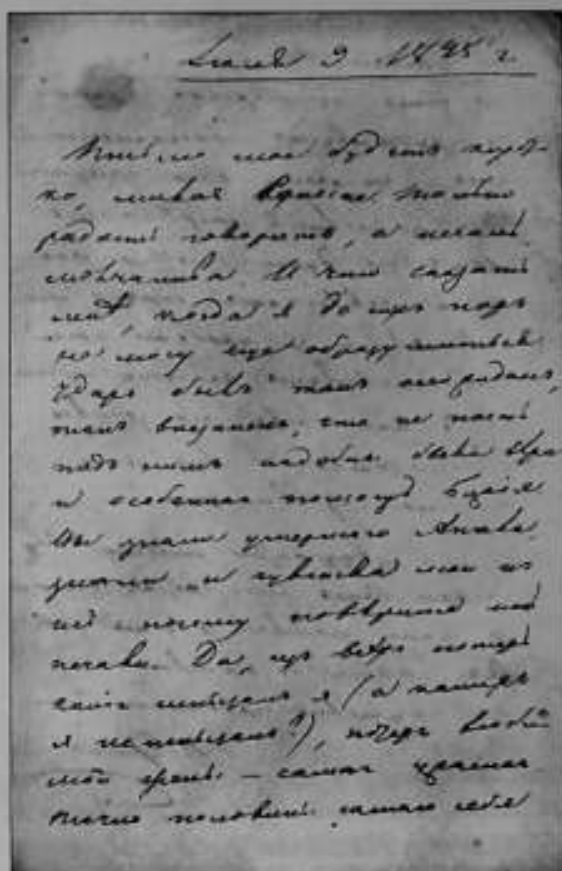
с предложением. Она же, любя его все эти годы, считала себя связанной обетом не выходить замуж, отказалась от света, обратилась к религии и вместе со своей родственницей Екатериной Фёдоровной Непряхиной тратила немалые средства на богоугодные дела. Как показала переписка, после некоторых сомнений Марья Александровна всё же дала согласие на брак. Так Пётр Дмитриевич оказался в Тобольске вместе со своими детьми.

Пётр Дмитриевич и Марья Александровна обвенчались и жили счастливо в Тобольске с 1830 по 1854 гг., то есть до самой смерти Жилина. Продолжалась их дружба с Менделеевыми, а когда у Марьи Дмитриевны в 1834 году родился последний ребёнок — сын Дмитрий, будущий великий химик, Марья Александровна Жилина стала его крёстной матерью. Пётр Дмитриевич дружил с Ершовым, декабристами, прибывшими в Тобольск из Восточной Сибири, особенно с М.А.Фонвизиным и И.И.Пушкиным, а его дочери — с Натальей Дмитриевной Фонвизиной. В альбомчике Анны Петровны есть силуэт Натальи Дмитриевны и стихотворение, которое она написала, а также четверостишие, вписанное рукой И.И.Пушкина и датированное 4 января 1841 года:

Зачем ты странника узнала?
 Вся жизнь его загадка для тебя.
 Ты с тайн его не скинешь покрывала,
 Не встретишь с ним ты
 радостного дня.

Иван Иванович приехал в Тобольск из Ялуторовска, и они встретились у Фонвизиных, сидели на диване, Анна Петровна рассказывала ему о каких-то своих мечтаниях, печалях, а Пушкин потом спрашивал у Натальи Дмитриевны: «Как там поживает «нервическая барышня?»

В этом альбоме ещё много тайн, нерасшифрованных фамилий, имён, но стихотворение Ершова определить нетрудно, так как известны два других, опубликованных почти во всех сборниках его произведений — «В альбом С.П.Жилиной» и «На отъезд А.П. и С.П.Жилиных». Стихотворение из альбома Анны Петровны, датированное 30 сентября 1840 года, можно рассматривать как второе или первое в этом своеобразном лирическом триптихе:

Письмо П.П.Ершова к А.П.Жилиной.
 9 июля 1845. Из архива автора.

О нет, напрасны укоризны
 На бедность чувств, на тягость жизни!
 Безумной мыслию тот Небо искушал,
 Кто жизнь обрёл лишь на мученье
 В себе самих мы носим утешенье:
 Три перла чудные Благой нам завещал.
 Те перлы блещут светом рая;
 На них небесная печать —
 Горит святая благодать,
 И с них течёт незримо нить золотая,
 С землёю небо сочетая.

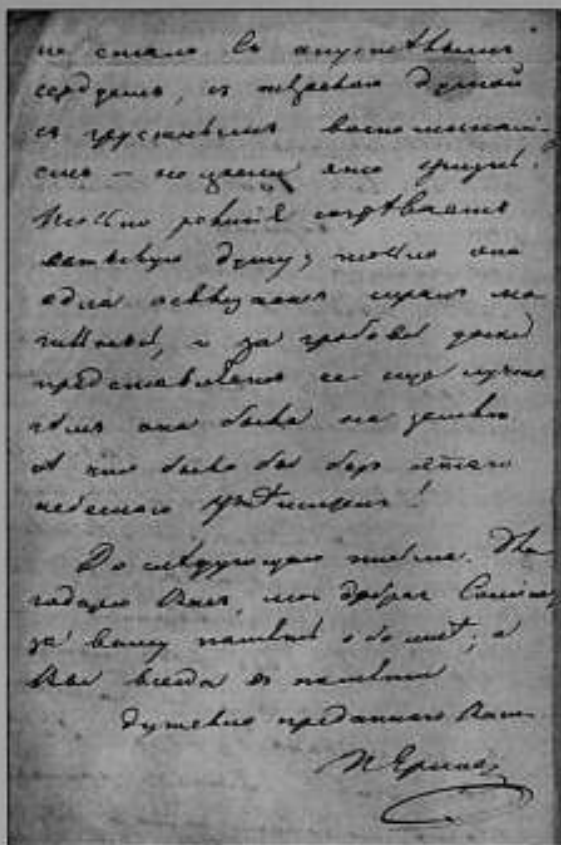
.....
 Счастливица! В богатстве

чувств своих

В своей душе Вы все найдёте их.
 Как часто Вы, в часы печали
 Надеждой душу украшали!
 Как часто в сладостных слезах
 Вам Вера ангелом являлась,
 И в ярких, радужных цветах
 На грани слёз чудесно отражалась!
 Придёт пора — быстрей

польётся кровь,

Блаженством сердце просияет, -
 И Небо свыше увенчает
 Святую, чистую Любовь.

Оборотная сторона письма
П.П.Ершова к А.П.Жилиной.
9 июля 1845. Из архива автора.

В моём архиве хранится письмо Ершова, отправленное из Тобольска в имение Успенское, находившееся вблизи села Середы Даниловского уезда Ярославской губернии. Надо сказать, что Успенское принадлежало М.А. Шишкову, переходило по женской линии и было унаследовано Анной и Софьей Петровной. Сёстры Жилины в июне 1841 года покинули Тобольск, чтобы вступить во владение этим имением. И вместе с тем Анна Петровна должна была выйти замуж за Георгия Замыцкого, об этом сообщается в переписке Фонвизиных и Пущина. Пущин пишет, что «нервическая барышня» собирается замуж за Замыцкого и дай Бог ей счастья. Все были рады этому, так как сестёр очень любили в Тобольске. Но потом свадьба расстроилась, какая-то кошка пробежала между Замыцкими, чьё имение было недалеко от Успенского, и Жилиными. И Анна Петровна вышла замуж за Ивана Христиановича фон Вилькена. Прожили они недолго,

потому что она вслед за своей мамой умерла в раннем возрасте, тридцатилетней, оставив двоих детей — сына Михаила и дочь Машу.

В имении Успенское до 1929 года сохранялись семейные портреты, о которых уже рассказывалось, а также миниатюры. Все портреты, кроме единственного — Анны Николаевны Жилиной (урождённой Степановой), пропали, а миниатюры взял себе дядя Коля, теперь они у меня. Среди них и миниатюра Анны Петровны работы неизвестного художника. И, конечно, целая пачка интересных писем, обращённых к Анне Петровне. Например, письма Сонечки Муравьёвой, дочери Александра Николаевича Муравьёва, с которой дружила Анна Петровна. Сонечка пишет о жизни в подмосковном имении Долголядьё, о том, как разыгрывали они спектакли, как она ездила в Италию. Письма тоже достойные будущей публикации.

И там же есть письмо П.П.Ершова от 9 июля 1845 года, в котором он сообщает о смерти своей жены [Серафима Александровна Протопопова, в первом браке — Лещёва, во втором — Ершова, умерла 25 апреля 1845 г. — Т.С.]:

Письмо моё будет коротко, милая Cousine. Только радость говорит, а печаль молчалива. И что сказать мне, когда я до сих пор не могу ещё образумиться. Удар был так неожидан, так внезапен, что не пасть под ним надобны были вера и особенная помощь Божия. Вы знали умершего Ангела, знали и чувства мои к ней: почему поверите моей печали. Да, из всех потерь, какие испытал я (а каких я не испытывал?), потеря любимой жены — самая ужасная. Точно половины самого себя не стало. С опустелым сердцем, с тяжкою думой, с грустным воспоминанием — неужели это жизнь?

Только религия согревает остывшую душу, только она одна освещает мрак могильный, и за гробовой доской представляет её ещё лучше, чем она была на землю. А что было бы без этого небесного утешения!

До следующего письма. Благодарю Вас, моя добрая Cousine, за Вашу память обо мне; а Вы всегда в памяти душевно преданного Вам
П.Ершова.

Ершов называет Анну Петровну кузиной. Почему? В этом ещё предстоит разобраться, и зацепки есть: мой дедушка Константин Яковлевич Ушаков и муж его сестры Софьи Яковлевны Платон Петрович Соколов подписывали все миниатюрные портреты. И почему-то Марью Александровну Павлуцкую назвали Протопоповой, то есть фамилией родственников Ершова по первой жене. Между Павлуцкими и Протопоповыми должны быть родственные связи.

Меня очень интересует эта связь Ершова с нашей семьёй. Я бы хотел найти потомков Софьи Петровны Жилиной. Как уже упоминалось, ей было посвящено стихотворение Ершова «В альбом С.П.Жилиной», в каком-то смысле пророческое, он посулил Софье Петровне долгую и счастливую жизнь:

<...>

*Да, Вас судьба благословила,
Вам душу мирную дала,
Во взоре ясность засветила
И в сердце радость низвела.
Вам суждено без непогоды
Земное море пережить,
Цветами дней отметить годы
И, быв любимой, жизнь любить.*

И это сбылось, она вернулась в Тобольск, вышла замуж за генерала Николая Ивановича Горского, родила четверых детей: Надежду, Сергея, Анну и Константина. И где-то должен быть её альбом...

Была семья и у брата Анны Петровны и Софьи Петровны — Александра. О нём известно, что он дружил с поэтом Н.А. Некрасовым. Дочь Анны Петровны — Маша Вилькен в юности даже бывала вместе с семьёй дяди у Некрасова в имении Карабиха и оставила свои воспоминания об этой поездке. Пишет она, к примеру, о том, как во время обеда кормили собак поэта: одна сидела за общим столом, а для другой был накрыт отдельный столик. Некрасов даже подарил Марии Ивановне свою книжку. Томик со стихами долго хранился в семье, а потом дядя Коля преподнёс его в дар музею в Карабихе, где книжку благополучно потеряли.

Возвращаясь к отцу Анны Петровны — Петру Дмитриевичу Жилину, хотелось бы также сказать, что у него был неплохой почерк, которым он аккуратно переписывал сочинения М.А.Фонвизина с социалистической тематикой. Они опу-

бликованы в иркутском двухтомнике писем и сочинений М.А.Фонвизина в 1979, 1982 гг., в серии «Полярная звезда», туда я и давал портреты Петра Дмитриевича и Анны Петровны Жилиной (Вилькен).

Кстати, в Тобольске были и другие Жилины. Например, чиновник Лев Фёдорович Жилин и его сын, тоже чиновник, а также художник-любитель Александр Львович Жилин, снимавший копии с акварелей декабриста Н.А.Бестужева. Но они не были связаны с нашими Жилиными. Это разные однофамильные семьи.

А вот ещё одна любопытная история: мама Петра Дмитриевича — Марья Петровна, в первом браке Жилина, во втором — Шишкова, имела двух сестёр.

Одна вышла замуж за Плещеева, а младшая — Марфа Петровна, за вдовца Петра Сергеевича Трубецкого и первое время воспитывала его сына — будущего декабриста Сергея Петровича Трубецкого. А потом у неё родился сын Никита. Никита был женат на Александре Александровне Нелидовой — племяннице Екатерины Ивановны Нелидовой. Никита был знаком с Пушкиным, даже выиграл у него какие-то деньги. И Александра Александровна тоже была связана с Пушкиным. В собрании сочинений поэта приводится её записка 1836 года со словами: «Приглашаем дорогого Пушкина отобедать у нас».

Много всяких интересных связей... К примеру, брат Петра Дмитриевича — Алексей Дмитриевич Жилин был известным композитором. В шестилетнем возрасте он ослеп. И когда отчим М.А.Шишков стал губернатором в Тобольске, туда вместе с матерью поехал Пётр Дмитриевич, а Алексей остался в Петербурге и преподавал музыку в институте слепых. Он автор романсов. В свой фильм «На берегу реки Фонтанки» о жизни Державина я включил его романс на стихи Гаврилы Романовича «Мечта»:

<...>

*Тоскует сердце! Дай мне руку,
Почувствуй пламень сей мечты.
Виновна ль я? Прерви мне муху:
Любезен, мил мне ты.*

Стихотворение было написано в 1794 г. и посвящено будущей второй жене Державина — Д.А.Дьяковой [публикация этого стихотворения в «Новейшем пол-

ном и всеобщем песеннике» за 1818 год сопровождалась примечанием: «Песня знаменитого певца». Музыка восхитительная». — Т.С.]. Когда я снимал фильм о Державине, то договорился с певицей Мариинского театра Галиной Сидоренко, она выучила этот романс и исполнила в маленьком театре музея Державина на Фонтанке. Об Алексее Дмитриевиче я также собираю материалы и всё время хочу написать опровержение, потому что в литературе о нём говорится, что он родился в 1767 году, а это ошибка, так как его мама родилась не ранее 1765 года.

По найденным мною документам известно, что Алексею Дмитриевичу Жилину в декабре 1811 года было 24 года, то есть он родился в 1787 году.

В кино, к сожалению, я всегда избегал тем семейных. У меня фильмов безумное количество — восемьдесят или девяносто, и все они культурологического плана. А сейчас я хочу снять фильм о Петре Ершове, который будет называться «Сибирский сказочник», используя прапрабабушкин альбом.

Предисловие и подготовка к публикации — Т.П.Савченкова.

Н.В. ДЕНИСОВ

Последняя сказка

Глава из книги «На закате солончаки багряные»

В предыдущем выпуске альманаха читатели «Коркиной слободы» могли познакомиться с творчеством тюменского писателя Николая Денисова — нашего земляка, родившегося в селе Окунёве Бердюжского района. Тогда мы представили вашему вниманию главу «На закате солончаки багряные» из одноимённой книги, вышедшей в 2003 году в городе Екатеринбурге. К сожалению, книга эта малодоступна из-за небольшого тиража, и у нас нет возможности переиздать в нашем альманахе это яркое повествование о детстве и взрослении окунёвского мальчишки в непростые послевоенные годы. И всё же в этом номере мы публикуем ещё одну главу, тематически перекликающуюся с некоторыми материалами выпуска.

Обдавая прохладным дуновением, прогрохотал, прокатился по небу в своей чугунной упряжке Илья-пророк. Высоко в потемневших облачках с глухим стукотком (наподобие рассыпанного из решета гороха) застучали, как по деревянному настилу, отдаленные мелкие громы.

Над Васильевскими воротами, а может, и в дальней стороне, над Тундровским увалом, упряжка Ильи дала крутой разворот, нагнала фиолетовых туч, всё ещё высоко клубящихся, но теперь уже явно угрожающих ливнем. Вскоре сверкнули в тучах короткие, ломаные стрелы молний, за ними ударил раскатистый, тяжёлый грохот. Потемнело в доме. Духота, как сдуревшая, заметалась, забила в окон-

Дом на родительской усадьбе Н.В.Денисова (перекатан из крестового в пятистенок) с «допотопными ставнёшками», на улице Коммунаров. Окунёво. 2004. Фото автора.

ные стекла. Рыжий кот, простелившись к дыре подполья, нырнул в нее, будто в прорубь, сверкнув оранжевым огоньком хвоста.

Опять ударило в небо. Совсем близко. — Боженька ругатца! — сказала мама. — Сбегай закрой ставни.

Ветер во дворе вихревым кружением взмётывал и подбрасывал ввысь труху, щепки, заламывал соломенный козырёк крыши пригона, торкался в забранный талинами забор, за которым вдоль улицы

4-й класс Окунёвской школы-семилетки. В центре — заслуженный учитель РСФСР, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени Анастасия Феофановна Овчинникова. 1-й справа сидит Коля Денисов; 2-й справа стоит Шурка Кукушкин. 1953-54 уч. год. Из архива автора.

ошалело катился, вихляясь и подпрыгивая, фанерный обод сита. Куры загодя укрылись под крылечком. Стихли воробьи, затаившись под застрехами. И в пору! Наступающая гроза готова была вот-вот упасть тяжелыми струями с небес, но пока медлила. Огородная картофельная ботва продолжала ходить зелеными волнами от прясла к пряслу. Жутко было смотреть на озеро. Потемневшая, посвинцовевшая гладь его ознобно покрылась крупной рябью. Недавно залитые солнцем, набрунжевшие сочной плотью стены высоких камышей тоже размахивались и дожились к воде, касаясь метелками ее свинцовой ряби. Еще недавно на озёрном стекле чернела пара лодок. Сейчас от ближних мостков, с пристани, донёсся бряк железа: успели рыбаки, ставят плоскодонки на прикол. Поспеют ли до ливня под домашние крыши? Вопрос, конечно...

Первые тяжёлые капли уже буравили дорожную пыль, звенели, ударяясь в оконные стекла, как кнопки, прищипливали к

спине ситец рубашонки, когда я, торопливо откручивая проволоку крепления наших допотопных, разошедшихся ставнёшек, перебегал от окна к окну, запахивал этими ставнёшками все восемь окошек нашего крестового дома. Мама быстро смахивала в передник развешенных для вяления карасей с растянутой во дворе проволоки.

Успели! Ливень хлестанул нам уже вдогонку — по захлопнутой тяжёлой двери сеней. Прокалённый поддневным маревом, дом был полон спёртым, густым духом. После уличного воздуха, напитавшегося озоном, дух этот, распиравший полутемное пространство комнат, густел в груди. А во дворе уже хлестало. С дерновой, пластяной кровли (сквозь щелястые ставни видно!) стекали грязные струи. С треском обломило толстую ветвь тополя, бросило её на доски телеги, которая простонала, будто живая. С грохотом рассыпалась поленница. В бурлившем изпод ворот потоке, в пенных его водоворотках, мелькали перья, берёста, пучки тра-

Въезд в село Окунёво. Сентябрь 2004. Фото Г.А.Крамора.

вы. Поток утащил с бугра нескольких кур. Заламывая им крылья и хвосты, вода принесла куриц к нашему низинному двору.

— Господи, светопреставление! — метнулась к столу мама, собирав дряхлые на столешнице стаканы. Прижала их к груди, словно невыразимую хрупкую ценность.

Опять ударил громовой раскат. Он был такой силы, что зашевелились на божнице иконы, забко дрогнули крестовины оконных рам.

— Отойди от окошка! Сядь в простенок! — простонала мама. Метнувшись теперь уже к печной трубе, она задвинула вьюшку.

Я и сам напугался. Отпрянул к «патрету» наркома Ворошилова, прижался спиной к картонке и мне почудилось, будто ордена на гимнастерке наркома холодят мне лопатки.

Разумней бы шмыгнуть на печь, за кирпичный чувал трубы, или проскользнуть в сумрак полатей, затаиться там среди пимов и кулей с шерстью. Надёжней укрытия нет — хоть от материнского ухвата, хоть от отцовского ремня, да и сейчас — от грохота с небес. Конечно! Но всё же я стремился в прорезь ставня глянуть на улицу...

Гроза улетела так же внезапно, как налетела на село. Когда я босиком выбежал за калитку, в очистившемся от фиолетовых туч небе сияло большое солнце, а на серой расквашенной низине окрестная босоногая малышня азартно месила грязевую кашу, визжа и радуясь. Охлажденная коротким, обвальным ливнем земля — околичные полянки, огороды, бегущая в степь дорога с напроць смытыми копытными выбоинами и тележными ко-

леями, парила. В зените неба, раскинув крылья, полоскался в теплых воздушных струях коршун. Осмелели воробушки, выпорхнули из-под стрех. Защебетали ласточки. Простреливали над крышами стрижи.

Все живы!

Трясогузка, глать! Бегаёт, трясёт хвостиком, что-то разыскивает на разглаженной ливнем дороге. На спокойной, солнечной глади озера опять зачернели плоскодонки рыбаков. Неймётся им... Но после грозы карась, как чумовой, прёт в сети и ряжёлки. Мужики торопятся обтнуть ловушками прибрежные курьи, где мелководье и самый рыбий жор. С Долгого катится уже ботание рыбного гона — глухое буханье по воде жестяных раструбов, насаженных на концы крепких шестов, тычек. Затем это глухое громахание также азартно стихнет, приткнутся к камышам лодки, начнётся выборка из мережи улова. По всему видно, богато!

Ожила и улица. Следом за гомоном малышни подали голос петухи. Выпротались из-под крыш телята — эти вечные деревенские блудни, которым рано ещё во взрослое единоличное стадо. Вот и толкуются всё лето по загородным полянам, на приозёрной травке. Зачакала железом колхозная кузница. Заухал о наковальню тяжёлый молот Васьки Батрака. А из-за бабки Улитиной крайней избы, на санинской дороге, показалась нездешняя таратайка.

Конечно, казах едет. Он чинно посиживает на облучке, свесив одну ногу в сапоге и блестящей новой галоше. Таком глянцевином, сверкающем на солнце, как будто и нет в окрестности ни грязи, ни полных дождевых луж. Из-под лисьего

Н.В.Денисов с отцом на сенокосе. Окунёво. 1977-79. Из архива автора.

малахая, надвинутого глубоко, чернеет узкоглазый взор. За спиной казаха тихой куклой сидит закутанная в цветастый плат жена. Лошадка пытается перейти на рысь, но ей не удаётся — таратайку сносит по грязи к нашему палисаднику.

Сейчас казах спросит меня:

— Дружка дома?

Это он про отца нашего спросил, с которым давно дружит, никогда не минует нашего подворья, подвернёт поговорить с отцом. Чаше всего эти визиты заканчиваются долгим чаепитием.

Я уже собрался отвечать, что отец на работе. Но не успеваю и слова молвить, как из лопухов высунулась голова Шурки Кукушкина:

— Каза-а-х, свиное ухо нада-а!?

Орать Шурке эту дразнилку сейчас не следовало бы: свой человек приехал, обижать не надо. Казах, конечно, схватывается за кнут, трясёт им над головой угрожающе. И едет мимо нашего двора.

Да, жаль, что проехал мимо, не зашел в дом, не попросил мать раздуть самовар, не вынул из кошёлки брикет «кирпишного чая» и, распространяя по избе нездешний загадочный для меня овчинный дух, не уселся степенно и надолго за стол. Мама в таких случаях всегда свет-

лела лицом, выставляя всё, чем богаты, подкладывая свежего хлеба. И гость хвалил хлеб, говорил, что «русский на дрожжах» вкуснее казахских пресных лепешек. Но пресные лепешки тоже были здесь и продолжалось обоюдное потчевание.

Потом за стол, после настойчивых уговоров матери, присаживалась и женщина-казашка, смущённо озираясь на хозяйина. Тот хмурился, но в гостях у русских, видимо, поступался своим, непонятным нам, обычаем.

— Как это так! Он бьзгат стакан за стаканом свой кирпичный чай, а хозяйке его, выходит, нельзя за стол? — возмущалась потом мама. И добавляла со вздохом:

— Бусурмане оне и есть бусурмане...

Я выбежал на крыльцо и долго смотрел на таратайку. Иногда их навёртывалось в наш дом сразу несколько, привозя в гости, наверное, половину степного аула. Смотрел, как долго степной дорогой трусили лошадки, гремели на кочках колеса таратаек, за одной из которых бежал юный тонконогий жеребёнок.

Гости скрывались за Солоновским увалом — в южной стороне, среди везущих ковылей и колочих чертополохов-татарников...

Озеро Долгое и село Окунёво. 2004. Фото автора.

Я стою посереде освежённой ливнем улицы и собираюсь присоединиться к Шурке Кукушкину. Он принёс лопату, копает канавку, чтоб спустить к озеру большую лужу.

Занятие это праздное, необязательное. Вот послали бы нас в эту пору заниматься нужным по хозяйству делом ограду прибрать или дрова в поленницу складывать, нашлась бы куча причин, чтоб ничего не делать, волюнку тянуть. Но по одиночке-то тоскливо работать, а тут дело артельное, коллективное. Вот-вот прибегут другие ребяташки. Будут каночить лопату, чтоб тоже принять участие в этой «игрушечной» работе.

— Чё орал-то? — говорю Шурке. — Свиное ухо-о! Это ж наш дружка. В прошлый приезд спрашивал у отца — можно ли ихнего казачонка к нам на квартиру устроить. В ауле-то школы нет, а казачонку тоже надо учиться...

— А не люблю я их! — сказал Шурка. — Чё они ездят-то, знашь? Присматривают, где можно потом пшеницу на полево току стибрить. Вот, наклон тут, поквырай немного...

Вернулись косари. В поле сейчас тоже наквасило — какая тут работа! Чья-то одинокая телега запоздало шкандыбает по совхозной улице. Пегая лошадка, упираясь, тянет воз по грязи на деревенский взгорок. На телеге виднеется какая-то поклажа. С вожжами в руках шагает рядом с телегой женщина. Незнакомая,

с дальней совхозной окраины, где я знаю не всех.

Телега поравнялась с бескрылой мельницей-ветряком. Втянулась в пространство между колхозным зерноскладом и большими государственными складами. Мы с Шуркой услышали женские причитания. Так воют у нас бабы над покойником. Неладное что-то? Мы переглянулись. Шурка вонзил в землю лопату, кивком пригласил побежать на совхозную улицу. И тут появилась зарёванная Надька Улитина.

— Чё там случилось, Надежка?

— Уби-и-ло... Громом убило...

— Кого убило?

— А не зна-а-ю. Мужика с той улицы убило...

До вечера только и разговоров в нашем околотке о происшествии. Спустилась с пригорка, ломаясь в поясище и охая, бабка Авдотья. Сошлись они с мамой у палисадника. Редко появляющаяся в нашем крае, пришла бабка Фетинья. Прошла, сухо поклонившись, аккуратная, строго повязанная черным платком. Монашка — сильно верующая женщина-староверка. Она блюдет все посты, престольные праздники, живёт одиноко. С нашими околоточными бабами не якшается, в гости не ходит. Строгого «ндрава», как судят о ней бабы. Я прислушиваюсь к их негромким, жалостливым вздохам. В Васильевских воротах это случилось, где больше всего гремело. Прилетела с неба «стре-

ла», «расцепила большую березу и сразило мушшину, а бабу его не тронуло».

Вечером, как всегда с веслом на плече и вонючей махорочной «оглоблей» в зубах, сделав крюк от пристани, пришел побалакать с отцом Павел Сергеевич Андреев.

— Говорят, надо было сразу в землю закопать, чтоб молния вышла из убитого! — встряла в разговор мужиков мать.

— Ага, Катерина, и крест поставить! — как всегда, когда говорят что-то не по уму, съёрничал батя, присаживаясь на лавочку и тоже вынимая кiset.

Ночью опять грохотало над домом. В голые стекла окон — никто не решился выйти во двор, чтоб снова затворить ставнёшки, — вкатывались огненно-сизые сполохи, из высей сыпался горох небесных электрических разрядов. А мне чудилось, будто кто-то огромным колуном — от вершины до комля — раскалывает тяжёлые, ухватистые берёзы, молнии озаряли ночную ограду, высветив на мгновения, будто дневным светом, телегу, крышу пригона, дрова, собранные заново в поленницу. Я знал, что следом долбанёт и успеваля нырнуть в кипень тулуша, отползал ближе к стене, под подоконник, где безопаснее. «Боженька ругатца!» — стучало в голове, но постепенно сознание обволакивалось забытём, окончательно проваливалось в глубину снов. Но и там вдруг мелькали осколки картин ушедшего дня, причудливо и тревожно преломлённые в ненашедшем успокоения сознании.

Снились, — прямо-таки осязаемо! — вороха огненных лисих малахаев. Их было так много, что они заполнили всю заозёрную степь. Метались по пшеничному Окунёвскому увалу, уставленному ворохами зерна. Всё прибывали и прибывали с тяжелым колёсным громом казахские таратайки. Между ними возникал вдруг Шурка Кукушкин. Что-то кричал и вдруг принимался вздывать эти вороха грязной лопатой. И сам я, сисясь чему-то препятствовать, не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, отчего просыпался на какие-то мгновения, потом опять проваливался в рыжий огонь малахаев, который преследовал меня до окончательного пробуждения.

— Не захворал ли уж? — заглянула в горницу мама. — Мечешься, бормочешь. Полежи ещё, рано ведь совсем...

Потом, через годы, дневные и ночные эти сполохи, страхи, тревоги пришли и

оформились в иное качество. В рифмы, в строки:

*Только смолкли лягушки-царевны
И уснул заколдованный лес,
Разбудил среди ночи деревню
Неожиданный грохот с небес.
Я дрожал, дожидаясь рассвета,
Испугался тогда не шутя.
И звенели на крыше монеты
Серебристой чеканки дождя.
И опять, прогремев в колеснице,
Громовержец ломал облака.
Кинул молнию огненной птицей
И сразил наповал мужика.
А под утро за лошадьё пегой,
Что, наверно, оглохла в грозу,
Проскрипела в деревню телега,
Где лежал человек на возу.
И со страхом его провожая,
Выли бабы в проулке косом.
А живая вода дождевая
За тележным неслась колесом...*

Конечно, не всё в этих строках, как было. Так и не бывает при создании произведений. Таковы «причудья» творческого процесса. Но сейчас я не об этом.

Готовилась к изданию моя первая книжка стихов. Редактор её — большой атеист, вдруг потребовал изъять из рукописи эти стихи за «неуместную живую воду, за пропаганду замшелой религии».

Дичь? Конечно, дичь. Рисковое дело спорить с редактором молодому стихотворцу. И всё же я дал телеграмму в издательство: «Если снимете «Последнюю сказку», то я снимаю из плана всю свою рукопись!» Отвага сия, граничащая с наглостью, столь подивила редакционное начальство, что оно согласилось: «Оставить!» Таких наглецов там ещё не встречали!

Про Бога в нашем доме вспоминали редко. Только один раз за своё деревенское детство я видел, точнее выразиться, был свидетелем, как мама стояла перед божницей на коленях, шептала молитву и клала поклоны. В горнице было сумеречно. За окном стоял мороз. А я, сунувшийся было из кути в горнешние двери, застал там маму перед иконами. И напугался.

Что-то очень уж неладно у бати было на работе. Опять он выступал на собраниях, кого-то клеймил, кого-то защищал, добиваясь справедливости. И что-то грозило ему. От власти.

— Господи, помоги и оборони! — услышал я тогда мамину молитву.

Один раз и слышал.

Геннадий с прихожанами Богоявленского собора. Поездка в Борки к месту захоронения погибших от репрессий. 24 июня 1994. Фото П.Д.Земляных.

Работы Геннадия разных лет.

*Работы Геннадия
разных лет.*

*Гена плачет, слушая колокольный звон.
27 июня 1994. Фото П.Д.Земляных.*

К статье О.А.Ожгибесовой «Тайна бердюжской степи».
Фото Г.А.Крамора.

**Гранитный памятник
у озера Тундрового.**

**Озеро
Пегановское.**

Быль о блаженном Геннадии

У тюменского писателя Николая Денисова есть повесть под названием «Пожароопасный период». Её действие происходит в некоем Городке, в котором легко узнаётся Ишим. И главная особенность, характерная примета Городка — не заводы и фабрики, не какие-либо учреждения, а... «дурачок Гена». Он и в самом деле почти полвека был особенностью нашего города. Каждый взрослый житель может рассказать какую-нибудь историю о его причудах. Почему взрослый? Потому что Ишим уже десять лет живёт без Гены. Живёт, осиротев.. Но эти годы позволили рассмотреть его личность как бы на расстоянии. И попытаться дать ответ на вопрос: был он «просто сумасшедшим» или необыкновенно одарённым человеком? Какая душевная жизнь скрывалась за странностью его облика и поступков?

Быль — это повествование, основанное на исторических фактах, но истинно произошедшем, но сохранившемся только в рассказах людей. Жизнь нашего героя была вся «на виду» (во всяком случае, внешняя жизнь) и практически ни в каких документах не отразилась. Потому и рассказ о нём — быль. Как во всяком воспоминании, в ней могут быть некоторые неточности. К сожалению, самому автору трудно обнаружить эти неточности. Поэтому дерзая на составление «жития» он не решился. Ему, принадлежащему к молодому поколению ишимцев, Гена запомнился лишь как чудной человек в платочке и с накрашенными губами. Рассказы людей, знавших Гenu более близко, стали для него откровением. Эти рассказы и составляют, в том виде, в каком записаны (жаль, что не вошло сюда и десятой их части), основу «были о блаженном Геннадии».

1. Гена-дурачок

Именно так называло его большинство горожан. Называло, в общем-то, любя, хотя и не без доли страха, который возникает перед необъяснимым, неподвластным обычному рассудку явлением. Тот же Денисов, работавший в Ишиме журналистом, отмечает: «Поскольку он единственный в Городке дурачок, а на Руси к убогим и тронутым умом ещё не везде

Никольский собор в городе Таре.
Нач. XX в. Из книги
«Тарская мозаика», Омск, 1994.

исчезло традиционно-сочувственное отношение, Гену жалели». Отмечает верно по сути, но не верно исторически. В Ишиме второй половины XX века были и другие «дурачки». Для небольшого города с размеренным ритмом жизни каждый из них был заметной фигурой.

Борис Германович Степанов, житель Ишима: В 50-60-е годы был известен Филя-дурачок. Его постоянно можно было встретить у городской бани. Любителю выпить, Филя пританцовывал с венчиком и приветствовал всех выходящих: «С лёгким паром, дай копеечку!» Распаренные мужики, хлебнущие пива, давали с удовольствием. Набрал нужную сумму, Филя отправлялся в ближайшую пивную. Его постоянным «противником» был другой дурачок, Гриша, который гонял Филю за его тунеядство (сам Гриша работал грузчиком).

Кстати, баня была «отправной точкой» и во многих рассказах о Геннадии. Сюжет Денисова явно выхвачен из действительности: Гена «сидел на тополе возле бани и зарисовывал в блокнот обнажённые натуры. В парах, мыльно-пенных испарениях дородные и упитанные горожанки... виделись Гене Афродитами, народившимися из морской волны». Правда, отношение к чистоте было у него специфическим. Несмотря на то, что в последние десятилетия он ходил в баню раз в год, руки и лицо он тщательно, не по разу, умывал, обязательно

*Гена с любимыми кошками.
На обороте надпись тушью,
по старой орфографии: «Васенька,
милый мой, самый лучший друг
умница, вечно я буду тебя помнить,
пока я сам не умру. Вася умер 13-го
августа 1960 г.» Конец 1950-х.
Из архива К.Г.Антоненко.*

чистил зубы и обедал только собственной деревянной ложкой.

Андрей Андреевич Крамор, житель Ишима: Приходя в баню, он всегда все двери открывал только за верхний угол — никогда не брался за ручку. И мылся в кальсонах, только сзади круглый вырез, отчего ягодицы ещё сильнее видно. А денег он никогда не просил, как Фля, и никогда не брал, если давали. И пьяным его не видели.

Валерий Сергеевич Рогожкин, работник Никольской церкви: Из бани он выходил на мороз мокрый, не вытирался — и не болел после.

Рассказывают ещё о Лёне-дурочке, о Лене-дурочке и её сестре Нине, тоже «дурочке»... Был ещё Марк Николаевич, ходивший всегда в шинели и с вещмешком, набитым истлевшими деньгами; говорил он ласковым голосом и в рифму;

рассказывали, что в раннем детстве, во время бунта 1921 года, на его глазах убили родителей... Но Гена выделялся из этой специфической компании.

Андрей Андреевич Крамор: Однажды я шёл по улице после дождя — и Гена навстречу. Я говорю: Гена, ты что же босиком по лужам ходишь? — Ты знаешь, как это приятно пройтись после дождя, по свежему воздуху, нет пыли, всё чисто, хорошо — ты почувствуешь сам, как это приятно. ...Другой раз — зимой, я ехал в автобусе, в бушлате был — холодно! А он в рубашке, как обычно, в кальсонах и валенках обрезанных. Да ещё берёт край рубашки и обдувается: Уф-ф-ф! Спрашиваю: Все мёрзнут, а тебе не холодно? — Жарко, жарко!

В 50-60-е годы Гену можно было часто встретить на улицах Ишима наряженным в нарочито парадную офицерскую форму, как правило, царских времён. Одежду ему шили сердобольные мастерицы из своего материала. А вот украшения: погоны, кокарды, ордена — он делал сам из жести и других подручных материалов по образцам, которые срисовывал из старинных книг. Однако при всей тщательности отделки была существенная «неувязка»: Гена ходил босым. Это стало основой многих анекдотов, вроде того, что отражён в повести Денисова: «Вывернулся откуда-то дурачок Гена в сборной офицерской форме с погонами майора и босиком. Молоденький лейтенант потянулся к козырьку артиллерийской фуражки, но внезапно зарделся и сделал каменное лицо». Или вот вариант.

Михаил Георгиевич Величко, преподаватель ИГПИ: Я Гену близко не знал, но при встречах мы всегда здоровались. Первая же моя встреча с ним была такая. Иду я по улице Советской, у 3-й школы. Навстречу — два лейтенанта из воинской части. Вдруг они переходят на строевой шаг, вскидывают руку к козырьку и... на их лицах недоумение. Оглядываюсь: оказывается, за мною шествует Гена в форме морского офицера, с кортиком, но — босой. Военные увидели это и не знают, что делать: отдавать честь или нет? Руки так и болтаются, как на резинке: вверх-вниз.

В начале 70-х годов в «имидже» Гены произошли резкие изменения. Гуляния в

Фотография семьи Ерёмenco и карандашные рисунки, сделанные Геной со снимка. 1949 (фото).
Из архива Л.Е.Юровских.

скам утром — ему нравилось, как они музыкально постукивают, — и воду всю спустит. В туалеты также заглядывал. Короче, он любил женщин, особенно с полными ножками, фигуристых, чтоб было что потрогать.

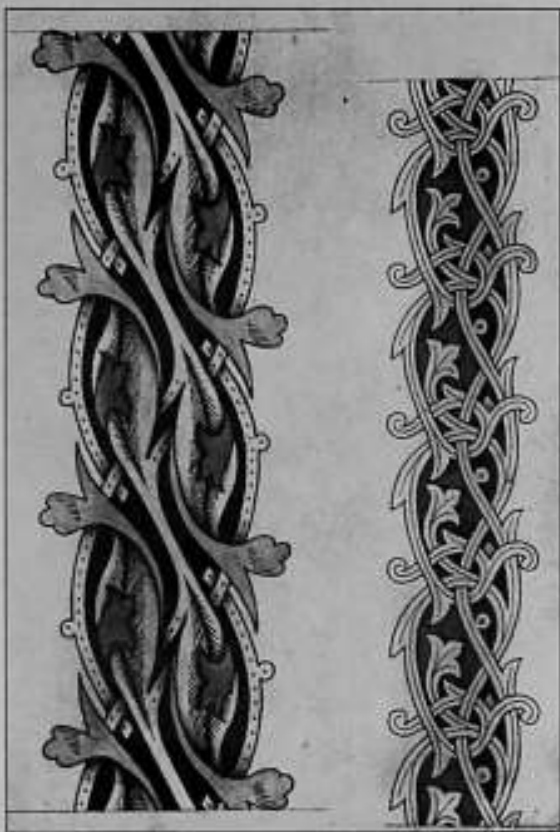
Валентина Прокопьевна Колесникова, доцент кафедры русского языка ИГПИ: Таня А., моя однокурсница по пед-институту, жила в общежитии, которое тогда находилось в подвальном этаже старого корпуса. Гена часто туда заглядывал. И вот как-то он пришёл, пристально посмотрел в её большие восточные глаза и произнёс: Как бы я любил тебя, если бы ты меня любила? — А как? — Я бы налил в баночку воды, вымыл бы тебя всю, а воду бы вылил...

Ещё ходили рассказы о сожительстве Гены с вышеупомянутой Леной-дурочкой, об их ребёнке-девочке (а то и двойне), сданной в Дом малютки... Подтвердить или опровергнуть эти истории так же трудно, как найти истину в вопросе об образовании Гены.

Татьяна Павловна Савченкова, доцент кафедры литературы ИГПИ: В первой половине 70-х Гену очень часто можно было увидеть в коридорах института. Его появление всегда сопровождалось неким фурором, потому что девушки почему-то его боялись, и слышны были голоса: Гена идёт, Гена появился. Гена был шутиником и любил их пугать — он делал вид, что пытается кого поймать, кого приобнять, и поэтому они с криком, шумом, воплями разбегались. Но когда он приходил в читальный зал библиотеки института, то становился тихим и смиренным. Работники читального зала Анастасия Васильевна и Екатерина Петровна всегда его привечали, никогда ему не отказывали, давали все книги, которые он просил, позволяли ему сидеть и заниматься. Здесь стояли ряды столов с лампами под зелёными абажурами. И вот он садился за один из столов и — затихал. Что-то просматривал, что-то читал. Я замечала, что он часто листал подшивки журнала «Крокодил». Кроме того, он очень любил рисовать — и что-то сосредоточенно выводил. Часами мог сидеть в этом читальном зале — и студенты, которые его окружали, те же самые девушки, которые в коридорах делали вид, что страшно его боятся, так же спокойно занимались, как будто он был одним из студентов, не обращая на него никакого внимания, а он — на них.

Рассказы о художнических способностях Гены составляли одну из ярких сторон народного представления о нём. Особенно любили пересказывать в подробностях историю о том, как Гена нарисовал на одной стороне бумажки фрагмент трёхрублёвой купюры, сложил её так, чтобы было видно только нарисованное место, и попытался что-то купить в киселёвском магазине. Купюру приняли. Гену якобы пожурили в милиции и отпустили с миром, как психически ненормального. Сочетание «гений и помешательство» рождало разнообразные легенды. Вот один из развёрнутых вариантов.

Татьяна Павловна Савченкова: Личность Гены всех интересовала, все пытались ответить на вопрос: что же с ним случилось, откуда он, как появился в нашем городе? Среди студенчества ходила-бродила следующая версия. Якобы Гена, будучи очень талантливым ху-

Один из орнаментов, выполненных Геной. Бумага, графитный карандаш, тушь. 1970-80-е. Архив Богоявленского собора.

дожником, был отправлен учиться в Художественную академию в Ленинград. И занимался с таким рвением и тщанием, что перезанимался и свихнулся. А способствовало этому знакомство Гены с творчеством Эдгара По. Будто бы Гена как-то нашёл его страшные рассказы, с упоением начал их читать ночью, и образы великого американского романтика оказались настолько впечатляющими, что рассудок Гены не выдержал.

2. Гена-художник

Однако подлинный талант Гены-рисовальщика был известен не столь многим горожанам. Ему заказывали рисунки, объявления, стенгазеты, которые он исполнял, вопреки внешне непредсказуемому нраву, старательно и бескорыстно. В дар принимал только материалы для работы — карандаши, фломастеры, перья, кисти, краски, тушь, бумагу. У него была способность «схватывать» образ человека и впоследствии довольно точно воспроизводить его на

бумаге. Гена раздаривал эти портреты изображённым на них людям.

Зинаида Алексеевна Кузурманова: Он всё время тянулся к искусству. К нам в кабинет иностранных языков приходили журналы по искусству из Германии, там рисунки были, особенно из Дрезденской галереи. Он часами мог разглядывать и что-нибудь да выпросит себе. К нам домой приходил. Муж у меня был хорошим фотографом, выписывал журнал «Чешское фото», там были художественные снимки. Гена сидел и смотрел их часами. Но он не признавал новшеств — ни импрессионистов, ни Пикассо; ценил только классических художников. И музыку тоже классическую любил. Из старинных книг любил срисовывать оформление, всякие виньетки...

В архиве Геннадия осталось множество таких зарисовок из разных книг и даже подлинных иллюстраций, неведомо как попавших в его коллекцию. Судя по всему, он всё же не имел специального художественного образования. В семье Юровских хранятся портреты, выполненные Геннадием в начале 50-х годов. В них нет академической выучки — это произведения наивного искусства. Дар художника здесь реализуется в старательном подражании оригиналу-фотографии. Но по черновикам Гены видно, как росло его мастерство. Особенно поражает икона Богородицы, выполненная графитным карандашом на большом листе ватмана. Поразительна не только проработка линий, проникновенность изображения, но и деталь, внесённая Геннадием — фигура странника, сокрушённо склонившего голову у колен младенца-Христа.

Инокентия Татяна, насельница Свято-Иоанновского монастыря (в миру — Раиса Васильевна Истомина): В храмах было очень много его работ. И нигде они не повторяются. Отец Константин просил для Покровской церкви сделать трафареты, чтобы расписать весь храм. Геннадий трудился над ними год или два. А потом ему надо было принести это всё в храм, но так, чтобы никто не видел, не знал, что это сделал Геночка. Ещё по его эскизу изготовлены западные ворота. И когда мы делали акафисты Иоанну Тобольскому и Божьей Матери для Тобольска, где их в со-

боре исполняли нараспев все прихожане — а тогда мы их писали от руки, это сейчас много разной литературы — то я писала тушью крупным шрифтом текст, а он рисовал обложки.

Любимым жанром, в котором работал Геннадий, был орнамент. Здесь он достиг поистине виртуозного совершенства. Его работы узнаваемы с первого взгляда, что говорит о сложившемся индивидуальном художественном стиле. Линии точны и ровны. Узоры абсолютно симметричны. Краски положены равномерно. Цветовое сочетание ярко, оригинально и в то же время безупречно.

Епископ Евтихий, управляющий Ишимско-Сибирской епархией Русской Православной Церкви Заграницей: Дар художника в нём был более созерцательный, он мог в простой вещи увидеть красоту, даже в звуке. Было несколько случаев, когда он, услышав какой-нибудь звук, говорил: вот послушай, так звучит вечность. Или показывает незатейливый узор: смотри, как это прекрасно. Он работал более как копиист, у него было удивительное дарование кропотливости и усидчивости в работе. И учился всему сам — копируя и доверяя своим чувствам. И это дар, движимый его любовью, и состоянием его души созерцательным, и усердием, усидчивостью.

Это — парадокс, загадка Геннадия. Известный своей энергичностью и порывистыми движениями, он преображался во время работы над рисунками. Его орнаменты поражают изощрённым исполнением. Многократное повторение одних и тех же элементов требовало огромного терпения и усидчивости. И ещё необходима максимальная сосредоточенность, поскольку без понимания структуры орнамента, без целостного образа этого головоломного переплетения линий не создать таких совершенных работ, какие выходили из-под руки самобытного художника. Но на этом его дарования не кончались.

Клавдия Георгиевна Антоненко, учитель, опекун Геннадия с 1984 г.: Ещё с 50-х годов он пел в хоре в Никольской церкви. И, поскольку в основном певцами были женщины в возрасте, и слух у них не всегда был безупречным, то он так возмущался: Ты понимаешь, Клава, эти старухи врут, петь не умеют, за-

 На вечную память
 отъ Геннадія, всей
 Вашей семье.

Гена в «офицерском» костюме.
 Надпись тушью сделана на обороте. 1950-е. Фото А.С.Ивлевой.
 Из архива Л.Е.Юровских.

чем становятся в хор? Он очень хорошо пел, у него был отличный слух, и голос очень приятный.

Епископ Евтихий: Да, у него был очень тонкий слух. Он слышал, когда кто-то фальшивит. Мог исполнять разные партии, но особенно ему удавалась партия тенора, и он легко брал высокие ноты, и мелодии выводил очень точно, и обладал очень сильным голосом. Когда был в настроении, то заглушал всех.

Как вспоминает о. Иоанн Суворов, Гена ещё умел играть на гармошке и сам сочинял мелодии, посвящая их близким

людям. Увы, эти мелодии ушли вместе с ним. Да и пение Геннадия могли услышать только немногие люди. Для большинства же горожан он был известен как завсегдатай кинотеатров.

Николай Васильевич Марков, водитель Богоявленского собора: В «тридцатке» (кинотеатре им. 30-летия ВЛКСМ) Гена всегда садился на 8-й ряд, 18-е место, ближе ко входу. Его пускали без билетов. И если это место оказывалось занято, то он садился просто на пол.

Татьяна Павловна Савченкова: Во второй половине 80-х годов я была руководителем киноклуба «Энтузиаст». Мы собирались в кинотеатре им. 30-летия ВЛКСМ и смотрели фильмы знаменитых кинорежиссёров с мировым именем. Фильмы сложные, непростые, поэтому я считала нужным вначале рассказывать о том, что это за режиссёр, о чём фильм, какова его эстетика. Гена не пропускал ни одного занятия. Он садился поближе к экрану, слушал какое-то время, но когда я чересчур затягивала рассказ, то обычно прерывал громкой фразой: Ну, хватит, хватит рассказывать, пора смотреть фильм! или: Ну всё, надоело слушать, надо смотреть... И он всегда сидел до конца — даже не все случайные зрители выдерживали, многим эти картины казались нудными, скучными — и если фильм ему нравился, он молча вставал и уходил; если же не поглянулся, он столь же громко выражал своё недовольство, вроде: Ну, что за дрянь опять показала! или: Да что это за фильм такой! И, недовольный, уходил.

Об истинном отношении Гены к фильмам знали, опять же, очень немногие. Он умилялся, глядя на картины русской природы, слушая русскую музыку, но особенно любил исторические фильмы — про царей и Русь православную. Фильм «Иван Грозный» смотрел бесчисленное число раз. Эта любовь к старинному проявлялась и в его увлечении царским обмундированием, и в том, что он писал — и притом исключительно грамотно! — только по старой орфографии. Хорошо знал Библию, особенно Пророческие книги, разбирался в грамматике церковнославянского языка.

Зинаида Алексеевна Кузурманова: Не думаю, чтобы он школу не кончил, потому что по рассуждениям, по разгово-

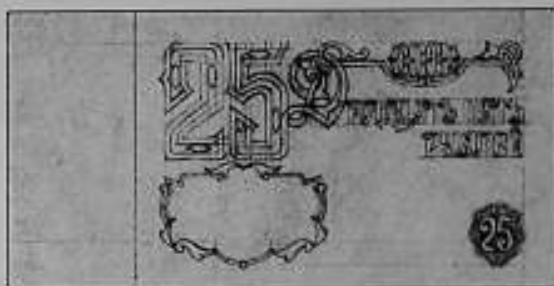

Гена в «царском облачении». 1950-е.
Фото А.С.Ивлевой.
Из архива Л.Е.Юровских.

рам он очень эрудированный был, не чета некоторым с высшим образованием.

Вопрос об образовании Геннадия — тёмное место в его биографии. Впрочем, как и сама биография — для того большинства горожан, которые из уст в уста передавали легенды о Гене-дурачке и Гене-художнике. И даже — как само имя. О том, что нашего героя звали Геннадий Николаевич Чернятьев, знал очень узкий круг лиц. Родился он, согласно официальной справке, 20 сентября 1929 года, то есть накануне двенадцатого праздника Рождества Пресвятой Богородицы, в городе Таре Омской области. Его родители — Николай Фёдорович Чернятьев и Анна Тимофеевна Назимова (Назьмова). Сам Гена рассказывал, что отец был белогвардейским офицером, но перешёл на сторону красных. И потому представлялся по отчиму — Сенниковым.

Клавдия Георгиевна Антоненко: Детство его было печальным, потому как родился он без отца, мать работала в услужении у купца, появился ребёнок, ей было отказано в службе, и она вынуждена была скитаться по городу. Так было вплоть до

Эскиз орнамента денежной купюры, выполненный Геней. Бумага, графитный карандаш. Архив Богоявленского собора.

Объявление для паспортного стола. 1980-е. Копия. Архив Богоявленского собора.

4-хлетнего возраста Геннадия, когда тётя Нюра вышла замуж за моего дядю Володю Сенникова. Он был инвалидом I группы, абсолютно слепым. Геннадий с детства не был общительным, у него не было близких друзей среди ребятняшек. Жили они на Подгорной улице, во дворе старинного купеческого дома, где стоял маленький флигель, который они арендовали. А на горе, очень близко, стояла церковь, главный храм в Таре, и Геннадий постоянно бегал туда — один, без ребятняшек, без дяди Володи и тёти Нюры, которые не посещали церковь.

Учился ли Гена в советской школе — вопрос, на который пока нет ответа. По словам Клавдии Георгиевны, Гена ходил три года в первый класс, после чего специальная комиссия признала его ненормальным. Клавдия Дмитриевна Батурина, учительница, жившая в Ишиме по соседству с Геннадием, утверждает, что в семье на расспросы отвечали так: во время войны Гену отправили в школу ФЗО за несколько десятков километров от Тары. Там ему решительно не понравилось, он по распутице пешком пошёл домой, простудился, заболел менингитом и получил вот такое осложнение.

Однозначно можно утверждать одно: ни в художественном училище в Свердловске (как рассказывал порою Гена), ни тем более в Ленинградской Академии художеств он не учился.

Клавдия Георгиевна Антоненко: В Ишим они переехали в 1949 году. Дядя Володя первые два года работал дома, он был пимокат. Сюда его переманил из Тары муж моей старшей сестры, Георгий Игнатьевич Бочанцев, председатель артели инвалидов. Дядя Володя был отличным

специалистом. Вначале они жили на территории артели Крупской, в маленьком домике. Но вскоре он понял, что та нищенская зарплата, которую он получал, их не прокормит — тётя Нюра работала швейей, тоже за копейки, а Геннадий в таком состоянии. И на деньги от продажи дома в Таре дядя Володя купил домик на улице Луговой, на окраине, у старой больницы. Во дворе построил глинобитную мастерскую и там занимался пимокатством. В 1964 году было большое наводнение, их чуть не затопило. И в 1966-м они переехали на улицу Алтайскую, 36 (нынешний номер 44).

Дом Сенниковых стоял почти под самым забором ишимской колонии. Теперь его нет, и никто не догадался его сфотографировать. По рассказам, это был небольшой саманный домик, подобный стоящим рядом, к которому потом сделали небольшой пристрой, после чего у Гены появилась своя комнатка окном в огород. В огороде же стояла и саманная мастерская для занятий пимокатством.

Клавдия Георгиевна Антоненко: Отношения в семье были хорошие, особенно с тётей Нюрой. Дядя Володя, когда кто-нибудь прибежал жаловаться на Геннадия, сердился, был готов его отхлестать — но ведь он слепой, и тогда просто ругался нецензурными словами, а Геннадий от этого ещё больше злился. А так — он в доме был очень необходим, и все работы на нём: и копка, и полив огорода, и уборка снега, и колка дров, и уголь — и ему не нужно было напоминать, везде сам наводил порядок. Он трудолюбив; без дела никогда не сидел.

Незадолго до смерти Гена передал в Богоявленский собор такое количество своих орнаментов, что приходится пора-

Отчим Геннадия
Владимир Алексеевич
и мать Анна Тимофеевна.
Своё изображение Гена отрезал.
Ишимский дом отдыха,
Синицынский бор. 1970-е.
Из архива К.Г. Антоненко.

зиться его трудолюбию. А сколько его работ рассеяно по городу, сколько выброшено и истлело?!

Когда Гену официально признали «психически ненормальным», точно неизвестно. Возможно, ещё в Таре. Из Ишима же его возили в 50-е годы в областную психиатрическую лечебницу.

Клавдия Георгиевна Антоненко: Молодежь нет-нет, да и пристаёт к нему начинала. И он, видимо, давал сдачи. Он страшно не терпел сквернословия — и где услышит, сам становился агрессивным по отношению к такому человеку. Может, мог и ребяташек обидеть за то, что смеются над ним. И, видимо, эти жалобы привели к тому, что с великим трудом, с посторонней помощью Геннадия доставили на обследование в психиатрическую больницу в Лебедевку. Но

он был там недолго — такие письма писал, большие, жалостливые, и тётя Нюра просто изрыдалась, понимала, что он не привык к такому обществу. Хотя его поместили не в общую палату, а в отдельную — но, видимо, сама обстановка, решётки на окнах, пища — очень его угнетали, и наконец родители получили разрешение привезти его обратно.

Инокья Татиана: Да, его в Лебедевку возили, потому что когда он начал дуреть, то вёл себя очень безобразно, что потом стало для многих соблазном: как мог Гена быть святым человеком, если он себя так вёл? Его отправляли туда несколько раз, и он мне рассказывал: Как трудно быть нормальному человеку среди дураков! Там побоище настоящее, они бьют друг друга. ...К тому же Гена был очень брезгливый, он никогда не ходил обедать с ними. И вот, когда уходят все на обед, я стою, говорит, в коридоре и начинаю молиться на восток Господу и Матери Божьей, чтобы они сохранили и чтобы увидеть папочку и мамочку, которых он очень любил. И у него несколько раз пункцию брали, и он остался после не искалеченным, как часто бывает. А потом заключение сделали, что он шизофреник, дали пожизненную пенсию, и с тех пор перестали его беспокоить.

Чтобы хоть как-то разобраться в вопросе о сумасшествии Геннадия, следует непредвзято подойти к самому вопросу о природе ненормальности. Вопрос этот, как говорят обыватели, философский. Ведь для того, чтобы определить, диагностировать «ненормальность», нужно знать, что есть «норма».

Николай Иванович Трубицын, врач: Всякий талант — уже ненормальность. Поскольку норма — когда человек переустраивает внешний мир, а ненормальность — когда создаёт свой, живёт в нём и никого особо туда не пускает. И, потом, каждый из нас склонен заниматься разными видами деятельности, а талант «бьёт» в одну точку. И поэтому добивается поразительных успехов именно в этой деятельности, хотя в других может быть беспомощен.

Проявления психической ненормальности можно разделить в общем на два вида. Первый условно определяется как отрешённость от мира, «тупоумие», вто-

рой — обострённое восприятие мира, «остроумие». Здесь и обретаются таланты. Природу же их одарённости определить крайне трудно. Что это — патология или дар? Ясно одно: как бы мы ни относились к таким людям, для нормального большинства они — посланники другого мира, очевидцы иной реальности, та «соль земли», «приправа» к однообразию земного существования, которая помогает обрести смысла и полноту жизни.

Андрей Андреевич Крамор: Его все в простонародье называли дурачком. А он рисовал хорошо, отвечал на вопросы умно, логично, речь была очень связная. Если его одеть нормально, да незнакомый человек поговорит с ним — не скажет, что это дурак. А вот идёт босиком — и кто скажет, что он не дурак?

Епископ Евтихий: Конечно, психические отклонения у него были явно, но в то же время он был уникальный человек, потому что у него была редкостная душа. Он не терпел никакой лжи, и я часто ходил к нему советоваться по очень серьёзным вопросам. Он злился, говорил: ну что ты, не знаешь, что я совсем дурак! А через некоторое время подходил: а вот слушай, по этому вопросу я думаю вот так...

3. Гена-юродивый

Небольшой уездный город Тара был в прошлом славен торговлей, и в наследство от благочестивых купцов ему досталось ожерелье из шести величественных белокаменных храмов. В середине 1930-х годов их осталось уже пять, из них действующих только два — Спасская церковь и Николаевский собор. Собор, то есть главный храм Тары, стоял на возвышении и ближе к Подгорной улице, где жили Сенниковы. Туда-то, вероятно, и бегал маленький Гена. Как пишет историк Наталья Ивановна Лебедева, собор славился своими шестью колоколами, из которых самый большой весил 108 пудов 8 фунтов и имел надпись: «Благовестите день от дне спасение Бога Нашего».

Клавдия Георгиевна Антоненко: Я не помню точно, в каком году, но в один из летних, тёплых дней с главного храма стали снимать колокол. Собралось много жителей Тары. На колокол набросили два толстых каната, и мужчины тяну-

*Орнаментальное поминание
«За упокой новопреставленной
рабы Божией Гликерии»
(бабушки Геннадия). 1970-е.
Из архива К.Г.Антоненко.*

ли за эти канаты до тех пор, пока он не рухнул. Я хорошо помню всеобщий вопль, люди шарахнулись от церкви, многие женщины убежали, и я в том числе — а Геннадий после этого исчез. Сутки нет, двое, дядя Володя с тёткой Нюрой даже заявили в милицию, ребятишек спрашивали. И только на третьи сутки ребятишки прибежали и сказали: ваш Гена сидит на колокольне, мы ему таскали хлеба и воды. А он просил их, чтобы они никому не говорили. Его как-то оттуда сняли и привели домой.

Из архивных документов известно, что Никольский собор занимала община «тихоновцев» — т.е. последователей патриарха Тихона, не признававших обновленческого раскола, поддержанного советской властью. Поэтому стремление унич-

Перед поездкой в Тобольск на празднование памяти свт. Иоанна. Летит тополиный пух. В центре — епископ Максим, крайний слева — Геннадий. Омск, двор Крестовоздвиженского собора. Июнь 1984-85. Фото И.Н.Суворова. Архив Богоявленского собора.

тожить его было особенно горячим. Официальное закрытие состоялось 13 марта 1938 года (окончательно разрушен 15 мая 1939-го). Геннадий в это время было 8 лет. Как говорит Клавдия Георгиевна, после исчезновения на колокольне и начались странности в поведении Гены.

Инокция Татиана: Он рассказывал, что, когда храмы разрушали, он уносил то, что ему было под силу, к себе в огород, и там строил храм в миниатюре. И даже колокола там были, из чугуночков.

Протоиерей Николай Лукий, настоятель прихода Святителя Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского в г.Омске: Про Тару он говорил, что когда начали ломать храм, он видел, и когда его сломали, то он у себя в доме, в ограде из кирпичей выложил что-то похожее, поставил чугунок, крест, побелил и говорит: вот храм. Это было, видимо, выражение любви, от потери храма.

Люди, воспитанные в советское время в духе материализма и атеизма, знающие историю культуры своей страны только в усечённо-классовом ракурсе, естественно, не могли понять сути Гениного «по-

мешательства». Между тем его поведение, можно сказать, классический образец явления, известного в православной традиции как юродство во Христе. Особенно прославились в народе святые блаженные Василий, похороненный у собора Покрова-на-рву в Москве (его так и называют: собор Василия Блаженного) и блаженная Ксения Петербургская. За такой подвиг Господь наделил их дарами прозорливости и целительства.

Инокция Татиана: Это самое настоящее юродство, сознательное, на которое он пошёл по благословению. Потому что без благословения на это не идут, это кончается плохо. Мне кажется, из его намёков, что на путь юродства он встал по благословению своего духовного отца, иеромонаха Силуана, который жил под берегом Иртыша в земляночке, и Гена к нему всё время ходил.

Епископ Евтихий: Ну конечно, он юродивый — и по его вере, и по отношению к святыне, к Богу — он Христа ради юродивый, он очень любил Христа. И всё это было с обострённым осознанием своего недостойнства, своей худос-

По дороге в Тобольск. Слева направо — епископ Максим, блаженный Геннадий, отец Кирилл Сахаров, матушка Мария Минская. Июнь 1986. Фото И.Н.Суворова. Архив Богоявленского собора.

ти. Множество раз спрашивал: как ты думаешь, Бог меня помилует? И говорил: мне бы в Царствие Небесное хоть бы с краешку, и слышать эту вечность... Он был для мира безумным, а для духовной жизни это был мудрый человек.

Юродство Христа ради — один из высочайших подвигов святых. «Эти славные подвижники, воодушевляемые... пламенной любовью к Богу, — пишет в книге «Подвиг юродства» священник Иоанн Ковалевский, — добровольно отказывались не только от всех удобств и благ жизни земной, от всех выгод общественной жизни, от самого близкого и кровного родства, но даже отрекались при полном внутреннем самосознании от самого главного отличия человека в ряду живых существ — от разума, добровольно принимая на себя вид безумного, а иногда и нравственно падшего человека, не знающего ни приличия, ни чувства стыда, дозволяющего себе иногда соблазнительные действия». Это — «высочайшая степень самоотвержения», смирения себя, своих самолюбия, тщеславия, гордости — ради Христа, ради спасения души от вечной смерти. Юродство во Христе — буквальное исполнение слов апостола Павла:

Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым (1 Кор. 3:18). Поэтому многие святые отцы ставили подвиг юродства по духовной трудности выше монашества — высшей степени самоотречения. Монах обычно «отгораживается» от мира монастырскими стенами и особой одеждой. Юродивый живёт в миру, где и одеждой, и поведением вызывает в свой адрес постоянные унижения, молясь при этом за уничижающих, дабы Господь не вменил им это во грех. Так и Гена — свою душу приоткрывал немногим, только духовно близким людям.

Инокня Татьяна: Я покрестилась в 33 года и стала ходить в Никольский храм. Тогда и узнала Гену поближе. Он не всегда здоровался, потому что постоянно «конспирировался», говорил: зачем вам, нормальным людям, со мной, дураком, общаться. Примерно в 1986 году он впервые побывал у нас дома. А он по квартирам ни к кому не ходил, только к отцу Константину. Проходит, смущается, а Валя Редозубова, клиросная, объясняет: Вот, уговорила Гену пойти к вам; он долго не соглашался, дескать, у неё муж миллионер, а я их боюсь. Пришёл в совершенно

СВЯТЫЕ РАБОТЫ ЖИВЫХ		
Илья	Давид	Георгий
Владимир	Николай	Георгий
Николай	Николай	
Гликерий	Евдоким	
Патрикий	Евдоким	
Раиса	Василия	
Мария	София	Евдоким
Василия	Лавра	Петра
Андрей	Андрей	Андрей
Михаила	Евдоким	
Илья	Николай	
Тимофей	Фаддей	Иоанна
Михаила	Василия	Силуана
Илья	Александр	
София	Александр	
Александр	Иоанна	
Иоанна	Виктор	
Иоанна	Николай	
Иоанна	Мария	
Георгий	Мария	
Георгий	Евдоким	
Евгения	Александр	
Алексей	Серафим	и Евдоким
Пелагия	Петр	
Петра		

Помяник Геннадия, с упоминанием имён родителей и иеромонаха Силуана. Кон. 1980-х — нач. 1990-х. Архив Богоявленского собора.

новом костюме. Но он измучился в этой одежде, то потел, то бледнел, то краснел. Говорит: Фу, ну чтобы я ещё раз это одел! но тут ведь я иду в такой дом, где я должен появиться в приличном виде. И с тех пор стал к нам ходить. А когда узнал мужа, говорил: Он миллионер, но не такой, как все, я его очень люблю. И называл его «отец Владимир». А по первости начал тоже юродствовать. Я ему сразу сказала: Гена, раз ты ходишь к нам, не валий дурака, будь самим собой. Он засмеялся: хорошо, хорошо.

Юродство — это зеркало человеческих страстей. И юродивые показывают своим поведением подлинный мотивы многих наших дел, выворачивая наизнанку наше лицемерие. Вся жизнь юродивого — воплощение принципа зеркальности. Это даже своего рода отрицание отрицания. В ответ на окружающую советскую действительность Гена не скрывал своих воззрений

безразличием, а страстно выражал свою любовь к дореволюционной, царской Руси, повсюду собирая её осколки и обрывки (в его архиве собрано множество портретов императора и членов царской семьи). Тайные плотские вожделения он обличал не словесной критикой, а показным, публичным их исполнением (отсюда рассказы о «любителе полных ножек»). На наше желание приукрасить себя он отвечал не суровым пренебрежением своей внешностью, а, напротив, чрезмерным к ней вниманием (старательно умывался, красил губы, натирал свежлой щёки, омолаживал кожу). На щётельство в одежде реагировал хождением зимой налегке и в одежде, засаленной настолько, что она становилась глянцевицей, как кожа. Даже дерзание человека быть ближе к Богу превращалось у него в самоотлучение от причастия.

Иерей Иоанн Суборов: Действительно, он никогда не причащался, говорил: Недостоин, выйду из церкви, на кого-нибудь рассержусь, а значит и согрешил; нет уж, прошу, чтобы Господь удостоил — причаститься и умереть. Я встречал подобное в житии одного святого. Суть такого отказа в том, что для христианина нет ничего желаннее и дороже на свете, чем иметь общение со Христом в таинстве причастия Его Тела и Крови. Но блаженные Христа ради юродивые, отвергаясь от всего в этой жизни, отказывались, хотя это и было для них мучительно, и от причастия, чтобы в вечной жизни неизменно быть со Христом. А иногда их причащали ангелы Господни. Может, и Гена достиг в меру такого совершенства?..

Однако это отрицание отрицания не носило нигилистический — а, напротив, положительный характер. Гена благоволил перед святынями, и святость Церкви никогда не подвергал сомнению. Хотя многие его поступки необъяснимы. Возможно, их таинственный характер откроется для нас позже, а может, и никогда. Главное же — мнимое безумие Геннадия было залогом его внутренней свободы, позволявшей видеть подлинный смысл происходящего и душевную сущность людей.

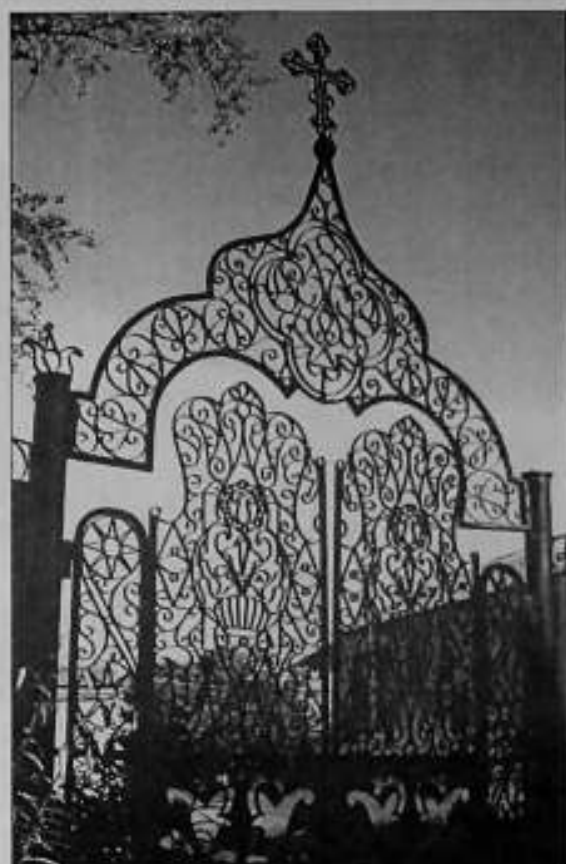
Епископ Евтихий: Он хорошо понимал людей, видел их. Однажды приехал из Петербурга Александр Львович Н-н, из наших церковных кругов, и вид у него был внушительный: пышные усы, окладистая

борода, костюм-тройка, цепочка от часов — я думал, он произведёт на Геннадия потрясающее впечатление. Но онотреагировал сдержанно, и меня это удивило. И когда гость стал брать у меня интервью, Гена начал вести себя очень беспокойно, резко жестикуюлировал, бежал по комнате, хватал себя за волосы: Что он делает, с кем он говорит! Разве он не видит, с кем он говорит! — И потом ко мне: Что ты делаешь, замолчи! Но я закончил интервью, и, конечно, не ожидал подлости от человека из церковной среды. А он это интервью использовал против меня, искусно сделав передёргивания, якобы я подерживаю идею экуменизма.

Инокентия Татиана: Однажды я пришла в храм в тяжёлом душевном состоянии. Стою со своими думами, служба уже идёт, забегает Гена и — на клирос. Забежал, оглядел храм, остановил взгляд на мне, улыбнулся, приложил руку к сердцу и показал, что всё будет хорошо. И всю скорбь как рукой сняло. И ещё было несколько случаев, когда он просто меня утешал, не говоря ни слова, или говорил отвлечённо, но я чувствовала, что это касалось лично меня, и становилось хорошо.

Пётр Дмитриевич Земляных, бывший староста Богоявленского собора, директор соборной типографии, фотограф: Он упреждал всегда, чтобы никто не сказал: А, пророк, пророк! Любые попытки выказывания благоговения перед ним пресекал самым радикальным способом: выкидывал какой-нибудь фортель, чтобы у того человека не возникало и сомнения: дурак! ...Появился потом у нас человек, который решил идти по стопам Гены. И вот вижу — он остановился в кустах, надел юбку, подвязался платочком и пошёл к собору. И как раз выходил оттуда Гена. А тот решил, что он теперь для Гены свой, одного поля ягоды и попытается подойти. Но Гена от него отскочил как от киятка и убежал. Это вроде вразумило его, после того он уже не пытался таким образом юродствовать.

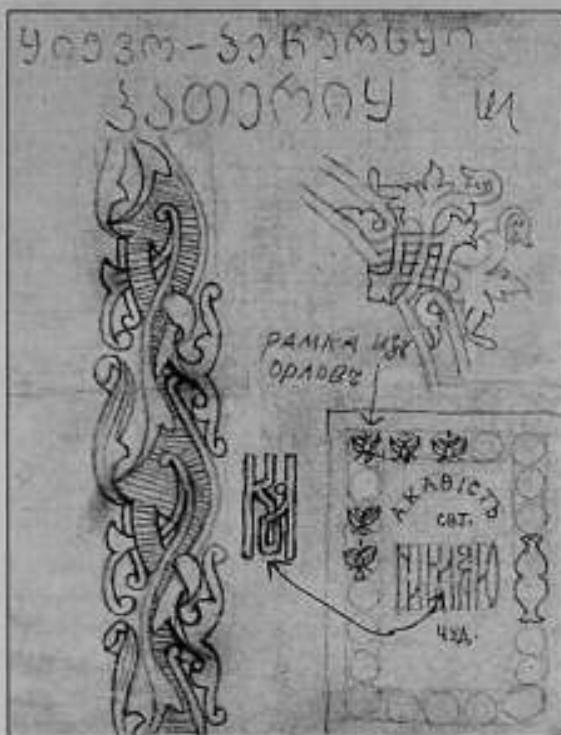
Трепетно относясь к церковным святыням, Гена, тем не менее, не стеснялся делать священникам замечания, если считал их справедливыми. Причём такие замечания, о каких в советское время сам батюшка не мог себе даже позволить и

Западные ворота Покровской церкви, изготовленные в 1980-х гг. по рисунку Геннадия, со стилизованными изображениями корон и двуглавого орла.
Июль 2003. Фото Г.А.Крамора.

помыслить. Маска сумасшествия позволяла Гене свободно высказывать своё мнение.

Епископ Евтихий: Это произошло в бытность моего служения с отцом Феодором, настоятелем Никольского храма. Я готовился к службе и вдруг услышал в храме шум. Вижу: заходит о.Ф., а за ним Гена, в смущённом виде. О.Ф. был возмущён, даже покраснел и очень строго кричал на Геннадия. Потом зашёл в алтарь и бросил передо мною открытки: вот, дал дураку подписать с днём Ангела врачам, которые меня лечили, и текст дал, а он вот что написал. Когда я прочитал, то не удержал свой смех, и о.Ф., мне кажется, даже несколько обиделся. А там было написано, каллиграфическим почерком (Гена не писал, а рисовал буквы): «поздравляю Вас с днём рождения» (вместо: с днём Ангела); а пожелания заканчивались вместо: «дай

Эскиз с орнаментом и «законспирированной» надписью грузинскими буквами «Киево-Печерский патерик». Бумага, графитный карандаш. 1980-е. Архив Богоявленского собора.

Бог Вам здоровья на Вашу работу во славу Божию» — «пусть Ленин даст Вам здоровья на Вашу работу во славу КПСС». Я вышел на клирос, к Гене, который стоял с невинным видом и высказывал недоумение: Ну почему ругается, почему ругается, ведь я же не дурак, я же знаю, что делаю — для церкви я ведь не нарисую звезду — только крест, двуглавый орёл, и церковными буквами напишу — а вот для столовой, для бани никогда креста не нарисую, нарисую звезду и серп с молотом; враги ведь коммунисты — я им по-коммунистическому и написал.

Как-то управляющий Омской епархией владыка Максим был у нас на обеде после богослужения. И, уже в хорошем расположении духа, рассказывал о своих добрых отношениях с одним полковником госбезопасности. Но вскоре понял, что не всем сидящим за столом нравится такая ссылка на дружбу с офицером КГБ. И решил призвать к себе на помощь сидевшего рядом Геннадия. А владыка Максим его очень любил и час-

то возил с собой, в том числе в Тару, Тобольск, за что Гена был ему очень благодарен. И вот он обращается к нему: У госбезопасности значок какой? щит и меч, наши русские доспехи, чтобы защищать нашу родину от всех врагов. И Гена кивает в ответ: Да-да, чтобы защищать нашу родину... от всяких православных! Наступила напряжённая пауза, и он в звенящей тишине повторил: Да-да, владыка, чтобы защищать нашу Русь от всяких православных! Так что он был монархист до мозга костей. И когда на богослужениях в Никольской церкви на ектеньях возглашалось: Еще молимся о богохранимой стране нашей, властех и воинстве ея, — то Гена на клиросе прекращал пение и всем громко выговаривал: Нельзя за безбожников молиться! И когда я стал священником и стал это прошение говорить, он подскочил ко мне и говорит: Это нельзя произносить! После службы я к нему подошёл и показываю служебник: Вот, смотри, здесь написано — «по благословению патриарха Пимена», ты же ведь его уважаешь? Он говорит: Уважаю, но ты ведь понимаешь, он несвободный человек...

Гена благоговел перед всем дореволюционным, сердцем чувствуя, что Русь потеряла святость с потерей монарха — помазанника Божия. В свои орнаменты он часто вплетал изображение двуглавого орла или трёхцветной бело-сине-красной ленточки.

Валерий Сергеевич Рогожкин: Гена на вопрос: Восстанет ли престол царя? — отвечал: Восстанет, обязательно восстанет; вот вы прочитайте наоборот «молот серп» — получится: «престолом»!

Инокентия Татяна: И часто говорил, что будут не только царский герб и флаг, но и Дума будет. А когда и вправду они вернулись, повторял: вот видите, я же говорил!

Епископ Евтихий: Да, говорил: это я наворожил — что церкви сейчас восстанавливаете, ведь когда я был маленький, и церкви ломали, я таскал во двор кирпичи и складывал из них церкви. Никто не знал, что их будут восстанавливать — а я это делал...

Неудивительно, что с открытием в Богоявленском соборе прихода Русской

В лесу у Лысой горы (за Борками) после панихиды на месте захоронений репрессированных. 24 июня 1994. Фото П.Д.Земляных.

Православной Церкви Заграницей Гена стал появляться там всё чаще. Вот его слова с магнитофонной записи, сделанной там во время трапезы в праздник Успения Пресвятой Богородицы 28 августа 1994 года. Жаль, что невозможно воспроизвести здесь характер речи Геннадия — быстрый, энергичной и эмоциональной:

Нет даже российских слов, всё привезли такое заграничное — а я очень ненавижу всё это заграничное. Только Россия, только Россия, только Россия.. Ну, немножко, правда, я люблю — как по Библии — древний Израиль я люблю, древний Израиль при закате солнца — ох, люблю, такое освещение! Мне вспоминается Израиль древний, Израиль ещё ветхозаветный. И — древний Рим, древний Рим, такой, с копьями, мечами — древний Рим, и — всё. Но это — потом. А Россия — прежде всего для меня. А как вот на вас — на вас именно — клеветают.. Все знают, что я сюда ходить начал. Они, говорят, вас там обнимают, так постепенно, чтобы перешли в католическую веру. Я говорю: хожу туда уже два года, три даже, и не видел, чтобы там было что-нибудь так по-католически, да ни-

чего этого. Зачем так? — говорю. Там лучше вас, даже на голову.. Ой, ой, тут царя-батюшку поминают — вот это я понимаю, и о казачестве, и о Российской державе — как хорошо тоже!

Геннадий очень любил колокольный звон: видимо, память о тарских колоколах постоянно жила в его сердце. Однако советская власть разрушила не только тарские колокольни. Услышать звон в то время было величайшей редкостью. И Гена извлекал его из самых неожиданных предметов. Так, за трапезой он никогда не пил водку, называя её «бесовской кровью», зато любил выпить бокал вина, требуя, чтобы все обязательно чокнулись. Хрустальный звон приводил его в умиление. Геннадий часто ездил в Тобольск, на праздник святителя Иоанна Тобольского, вместе с ишимскими прихожанами или владыкой Максимом. Служба проходила в Покровском соборе, где покоятся мощи святителя.

Инокня Татиана: И вот однажды перед литургией собравшиеся в храме с удивлением слышат колокольный звон. Даже настоятель вышел из алтаря, чтобы узнать, кто звонит. А это Гена со-

Церковная грамота для епископа
Евфимия. Фрагмент.
Бумага, тушь. 1994.
Архив Богоявленского собора.

брал изо всех окрестностей металлические урны и ещё какие-то предметы и давай по ним звонить. Вышел почти настоящий колокольный звон. После службы сам настоятель храма во всеуслышание поблагодарил Гену за подаренную духовную радость.

И когда стал возрождаться Богоявленский собор, Геннадий сильно мечтал, чтобы с его звонницы вновь пролился над Ишимом колокольный благовест. И отдавал на покупку колоколов всю свою небольшую пенсию.

Пётр Дмитриевич Земляных: Колокола появились благодаря ему, он упрашивал, что прежде всех работ должны появиться колокола.

Епископ Евфимий: Да, мечтал о колоколах, и когда мы их купили на те средства, которые смогли собрать, то он был недоволен тем, что нет самого большого колокола. У меня была даже мечта — собрать деньги и отлить его в память Геннадия, но цены так подросли, что никакая мечта за ними угнаться не может.

Гена относился к природе и ко всему живому с особым трепетом, но больше всего любил кошек. По словам Клавдии Дмитриевны Батуриной, ему нравилось быть «председателем кошачьего колхоза». У него в доме и на огороде жило множество котов и кошек, которых он подбирал на ишимских улицах и которых ему порою специально подкидывали. Он относился к ним как к тва-

рям Божиим и даже отмечал в календаре дни находок или потерь своих любимцев.

Инокья Татяна: Он ходил по ресторанам, столовым с пятилитровой кастрюлей. А там люди очень милосердные работали и думали, что это ему столько требуется еды. И накладывали и гарнир, и подлив, и котлеты, и рыбу. А он всё это скармливал кошечкам — и своим, и чужим. А я ещё посмеивалась: Гена, я ведь скажу им, что ты не сам всё съедаешь. — Ой, не надо меня выдавать, не надо! ...И кошки у него ели вместе с мышами, из одной посуды.

Пётр Дмитриевич Земляных: Очень трепетно относился к природе. Летом постоянно ездил в бор — грибы собирать. Он мне каждый год повторял, например: февраль — осталось четыре месяца (до грибов), и так вёл счёт месяцам. Но в последний год уже не полню, чтобы так говорил. ...Как-то на клирос в соборе залетел комар. И одна из певчих пыталась его поймать. А Гена подошёл и рукой мягко отогнал его. Никогда ничего живого не убивал. Плакал, если увидит убитого голубя, из-за этого мальчишек не любил — считал, что они хулиганы.

22 апреля 1981 года в возрасте 68 лет скончался Владимир Алексеевич Сенников, отчим Геннадия. Ровно через три года, в тот же день в возрасте 72 лет умерла мать, Анна Тимофеевна. Геннадий ревностно молился об их упокоении и в разговорах сокрушался, что их смерть пришла на тот день, когда вся страна праздновала рождение вождя большевиков Ленина. (Впрочем, тут есть другая любопытная особенность. 22 апреля Православная Церковь празднует память мученика Евфимия, на другой день памяти которого, 20 сентября, приходится день рождения самого Геннадия.) После смерти родителей Гена полностью оставил заботу о житейских удобствах.

Иерей Иоанн Суворов: Осенью 1986 года, когда владыка Максим был переведён в Тулу, а я ещё служил в Омске, по его благословению ездил неоднократно в Ишим для помощи Гене. Покрыв толью крышу, починил топчан, обшил стены... Пустой был труд утеплять его халату! Ночевал у него в зале на диване, вместе с кошками. Утром Гена согрел воды, рас-

топил для этого печку, только чтобы почистить зубы и помыть руки. И ушёл в кинотеатр, наотрез отказавшись помогать мне. Сказал: фильм старинный, показывают последний день. Вечером обедали угощением из столовых...

Инокимья Татяна: У него страшно много было дров, напилённых и наколотых очень мелко, под один калибр, одинаковой длины и толщины. Повсюду — под крышами, без крыш, в сараях, в доме во всех комнатах — дом был старый, но большой. И ещё в огороде, в кучах. Я говорила: Гена, зачем столько дров? Он их постоянно колол, и это был его труд. Он везде в городе, где пройдёт, подбирал чурочки, обрезки. Но он почти не топил — раза два-три в зиму, и то для того, чтобы разогреть пищу для своих кошек. У него висели снежные гирлянды в квартире, от пара, когда он эту пищу разогревал.

Протоиерей Николай Лукий: Во всём году он топил раз семь или десять. И когда от Раисы Васильевны уходил вечером — потом рассказывал: всю дорогу бегом, прихожу домой, на кровать бросаюсь, тряпками закрываюсь и дышу, дышу, пока не согреюсь. Говорю: У тебя же столько дров! — Нет, нет, носить их... Он часто меня просил, чтобы я посетил его. Обычно приезжаешь вечером, потом служба — и надо уезжать, нет времени сходить. А здесь, это было перед его смертью — он уже настойчиво: ну когда же ты придёшь, ведь так, как я живу, сам Христос Бог не заповедал никому жить. Такое выражение своеобразное. Мы пошли с Владимиром Ивановичем Истоминым и отцом Сергием. Гена прятался, чтобы никто не видел, что с ним кто-то шёл — конспирация. И когда мы пришли — увидели старенький разрушенный домик, без электричества, окна все забиты. И повсюду — дрова. Только в одной комнатке стоял топчан, столик, всё такое старенькое, сундук, где он хранил книги и все важные вещи. И говорит: ну вот, наконец ты увидел, как я живу. И повторил: сам Христос Бог не заповедал никому жить так, как я живу.

Любовь Ефимовна Юровских вспоминает, что когда-то в семье её деда, настоятеля Покровской церкви протоиерея Парфения Ерёмко, был целый альбом с фо-

Икона Божией Матери «Владимирская» с изображением странника, работы Геннадия. Копия. Из архива В.С.Рогожкина.

тографиями Геннадия, сделанными Анфисой Семёновной Ивлевой. Увы, сохранилось только два снимка с дарственными надписями. После 50-х годов Геннадий уклонялся от объектива, а потом категорически противился съёмкам. Более того, уничтожил своё изображение на всех семейных снимках. Сфотографировать его можно было только тайком, как это делал диакон Иоанн Суворов. А последние снимки сделаны Петром Земляных. Стремительно убегавший от объектива, Гена за год-полтора до смерти варуд позволил не только фотографировать себя, но и снимать на видеокамеру. Словно кто-то подсказал ему, что это необходимо. Для нас, для тех, кто ещё помнит его, и для тех, кто только в будущем узнает о том, какой праведник жил в нашем городе.

Пётр Дмитриевич Земляных: Однажды, ещё в Никольской церкви, я попытался его сфотографировать и встретил горячий отпор. И после даже не пытался этого делать. А в 1993 году праздновалось двухсотлетие освящения

Богоявленского собора. Был крестный ход, на звоннице повесили «колокол» — диск от автомобиля, и в первый раз били в него. И тогда я впервые сфотографировал Гёну. Это был лучший снимок — когда стали бить в этот диск от автомобиля, Гёна обернулся и заплакал. Читали Евангелие, и все люди были обращены к священнику — а он обернулся, стоял за толпой и плакал навзрыд. После этого он мне не запрещал фотографировать, даже позировал.

Смерть Геннадия обросла не меньшим количеством слухов, чем его жизнь. По одной версии, его избили до смерти бомжи и подбросили к собору, по другой — он пострадал, защищая от хулиганов на автобусной остановке честь какой-то девушки. Авторитетные свидетельства развеивают эти слухи.

Инокья Татиана: Где-то во время Пасхи мы его потеряли. Отец Николай приезжает, а Гёны нет. Когда он уезжал, я сказала: батюшка, не расстраивайтесь, он, наверное, в Никольскую церковь ходил, туда архиерей приезжал с семинарским хором. И вот после его отъезда пришёл Гёна — я ужаснулась: лицо красное и отёкшее, как ошпаренное кипятком. Спросила: Гёна, что с тобой? — Болею, болею... А до этого ещё мне говорил: Я ведь, Раечка, скоро умру. — Да ну, Гёна, ты ещё как олень, такой быстроногий. — Нет, нет, скоро умру. Я же старик. — Да, старик, тебе же семьдесят лет. — Не семьдесят, а 68. — Ну, какая разница. — Нет, два года надо прожить! А я ведь не проживу, скоро умру! Говорю ведь, скоро умру! ...Ну, вот, мы посмеёмся и всё. А тут он говорит: я так болею! — и держится за сердце. Никуда, говорит, из дому не выходил, ни в какой церкви не был. Потом, через какой-то промежуток времени, приходит: у него все отёки полопались и образовались толстые коросты, в палец толщиной. Отец Николай увидел, ужаснулся: Гёна, иди в больницу. — Ну раз ты, батюшка, посылаешь, пойду. Пошёл, там тоже законспирировался, напридумывал про себя — как будто его никто не знает! Там ему рецепты выписали, но он ими не пользовался.

Алла Петровна Усламина, прихожанка собора: Последний раз он пришёл в

собор на вечернюю службу с охапкой дров. Был слаб, рассыпал их на пол. Зашёл на клирос, задел этими дровишками икону. Она упала, он поднял её, поцеловал, поставил. Но в тот день не пел, он даже не мог петь, такой тихий был. За сердце держался. Потом вышел, собрал эти дровишки и сидит, никуда не идёт. А там на крылечке его ждут какая-то бабёнка с мужиком. Гёна говорит: Пристали ко мне — что им от меня надо? Я не могу, не могу, а мне надо домой идти, а они от меня никак. ...И он только вышел на паперть, а они к нему, для смеха, что ли. И ведь брать с него нечего. Кто-то из собора проводил его до автобуса, а эти шарамыги ушли.

Инокья Татиана: А ему всё хуже и хуже. И вот наша последняя встреча. Поужинали, уже 11 часов, Гёна посмотрел: всё, мне пора, а то последний автобус уедет, а я так не могу (идти). Дошёл до порога, отец Николай сидит за столом. Гёна встал на колени: батюшка, благослови меня. Тот благословил его, как обычно. А он говорит: не так, подойди ко мне. Да не так, возложи на меня руки. Тот возложил руки на голову, Гёна заулыбался, поблагодарил и ушёл.

10 мая, часов в 7 утра мы с мужем поехали к нему. Ворота закрыты изнутри. Муж перелез, открыл — дверь тоже закрыта. Мы стали стучать, я подошла к окну его комнаты, кричала: Гёна, Гёна, открой, это Рая. Виску только угол стола, и больше ничего. Пошли на тюремный КПП, позвонили в милицию. Приехали следователь и участковый. Муж выломал доску в двери, открыли, вошли в коридор — а дальше у него дверь изнутри заблокирована, брёвна толстые. Тогда я влезла в окно, открыла дверь. А в его комнату ведёт створчатая дверь, её уже не трудно открыть. Заходим — а он лежит на своём топчане в позе отдыхающего. Следователь мне говорит: пощупай пульс. А я не могу. У него одна нога свешивалась с топчана, следователь её пнул — она застывшая. Ну всё, готов, говорит.

Сразу вызвали опекуницу, и его увезли в морг. А там не было судмедэксперта и не было холода. Отец Ермоген, врач бывшай, ездил в морг — ужаснулся: покойники вздутые, иные совсем полопав-

ишеся. Я плачу: Гена наш прокиснет! Приехал отец Николай, а Гену нам не выдают: нет экспертизы. Опекуниша ходила и к прокурору, и к начальнику больницы — бесполезно. Выдали его только на четвёртый день. И удивительно — никакого разложения. Привезли в собор, отпели, а потом надо развязывать руки, и отец Николай сказал: развязывай. И когда я прикоснулась к телу — оно было тёплое и мягкое. И страх весь отошёл, и внутренняя радость появилась. И от него ведь не только запаха дурного не было, как бывает иногда от покойных, а какой-то тонкий, едва уловимый аромат...

Причина смерти — хроническая ишемическая болезнь сердца.

Клавдия Георгиевна Антоненко: Мне после патологоанатом говорил: Как он мог жить с таким сердцем — там ведь был уже не один рубец! ...Но ни одного синяка, ссадины на теле не было.

Смерть раскрыла ещё одну тайну Геннадия. Горожане помнят, что в последние годы он ходил в платке с аккуратно заправленным локоном впереди и пышной косичкой сзади; губы подкрашены и брови подведены. Он выглядел моложе своих 65 лет.

Алла Петровна Усламина: Он моргал бабушками. Знаешь как, говорил, я не люблю таких старых! Не хочу! — Гена, ты такой же будешь. — Не говорите такого мне, не говорите такого мне! ...И побегит. Он рассказывал, что пользуется рецептом, «которого вы не знаете». И в мае месяце он готовил этот рецепт. И у него вся кожа так сходила, примерно неделю, и он в это время из дому не выходил. Каждый год. Но с коростами он обычно не появлялся.

Инокция Татиана: Раньше он собирал подснежники, а они очень ядовиты, он их настаивал, разбавлял водой и смазывал лицо — старая кожа сходила, и лицо омолаживалось. А тут — это, конечно, моё личное мнение — он не мог ошибиться, но намазал себя неразведённым раствором, как бы сам себя наказал за использование косметики... Он умер с коростами, а потом, когда хоронили, у него было чистое чистое лицо — может, Господь так очистил.

В молодости Гена славился длинными каштановыми волосами. А после смерти оказалось, что в последние годы он облысел и прикреплял локон и косичку к своему золотому платку. Так была снята последняя маска юродства.

10 мая 1995 года стало официальной датой кончины Геннадия. Свидетельство о смерти венчает любимый им двуглавый орёл. Похоронили Гену из собора, с крестным ходом и колокольным звоном. Над его могилой в светлой берёзовой роще — деревянный крест без надписи. Юродство осталось и после смерти — надпись просто забыли сделать. Владыки Евтихия, который очень любил Гену и наверняка бы устроил более торжественные похороны праведника, в это время в городе не оказалось. И похоронили Гену в «светском» костюме, а не в славянской рубашке. На всё воля Божия.

В 2003 году на соборной колокольне появился новый, взамен треснувшего, колокол, отлитый в Воронеже мастером Радченко. На нём надпись: «Геннадий убогий». Этот колокол, самый большой в наборе, хотя и не такой, о каком мечтал Гена — единственный памятник ишимскому блаженному. Вспомните и вы об этом удивительном художнике и нестяжателе, когда услышите протяжные удары благовеста к церковной службе...

Магнитофонная запись 1994 года кончается словами Геннадия:

Ох, и грешник же я, знали бы вы, милые мои хорошише, кого вы принимаете! ...Как для людей, это понятно — можно же их одурачить. Но а как Бога можно одурачить? Никак не возможно. Сердцеведец, душеведец! В общем, Господь что скажет, так уж. Ничего вы не знаете, мои хорошише, что Господь, Божья Матерь знают, все святые, все небесные силы, какой я есть. Я — ничтожество, поймите меня правильно. Ужаснейшее ничтожество. Нет, я говорю не ради красного словца, чтоб меня действительно похвалили: ой, какой молодец, надо же, сам распинается в этом! — нет, а действительно, в самом деле — я ничтожество. Вот я уже хитроумно говорю! Ну просто меня не останавливать! Какой я скользкий!.. Я говорю: вот Геночка умрёт... вот правда, как вы будете без меня жить, скажите? Как вы будете без меня?

Л.А. САРАФАННИКОВА

Памятники Победы

Горожане уже привыкли к тому, что празднование Дня Победы в Ишиме начинается у одного памятника — погибшим железнодорожникам, — а продолжается у другого, на Соборной площади. Об истории создания этих монументов и хотелось бы вкратце рассказать в год 60-летия победного окончания великой битвы с фашизмом.

* * *

Первый из них появился к 25-летнему юбилею Победы по инициативе совета ветеранов механического завода. «Краткий очерк истории механического завода за 1968-1978 годы» свидетельствует: «Начиная с 1968 года, совет выступил с ходатайством перед руководством города о сооружении памятника ишимцам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны». Расположился он в сквере у завода, разбитом на территории бывшей «полосы отчуждения» железной дороги. Это был первый в городе крупный монумент памяти погибших в Великой Отечественной войне. Поэтому, несмотря на «ведомственный» характер — на его плиты занесли 260 фамилий погибших железнодорожников — он сразу стал общегородским центром митингов и мероприятий, посвящённых Победе.

Как пишет исследователь О.Н.Самсонова, «проект памятника разработал главный архитектор города Михаил Николаевич Коваленко. Первоначально монумент представлял собой двухметровую широко протянутую бетонную плиту с именами погибших, причём каждая алюминиевая буква отливалась отдельно, в специальном кокиле (постоянной металлической форме для отливки изделий). Открытие состоялось 9 мая 1970 года под ружейно-артиллерийский салют воинов гарнизона. Однако поиск фамилий погибших на фронтах Великой Отечественной войны продолжался. Осуществлялся он через отделы кадров предприятий железнодорожного узла и городской военкомат. Основанием для включения в списки являлись сообщения из воинских частей, так

называемые «похоронки». Поэтому уже через год возникла необходимость изготовления и установки второго яруса плит с дополнительным списком фамилий погибших. Мемориал преобразился: стал на метр выше, в центре появился барельеф ордена Отечественной войны, а перед памятником установлен Вечный огонь. Проекты рельефов ордена и факела разработал заводской художник Игорь Георгиевич Букин, он же занимался разбивкой места под фундамент, отвечал за оформление памятника в праздничные дни. Ответственными исполнителями являлись также модельщики Поповы, начальник литейного цеха А.К.Обухов, мастер инструментального цеха И.А.Шатилов. Все работы финансировались механическим заводом и были выполнены в назначенный срок».

В центре монумента, как первоначального, так и преобразённого, возвышалась скульптурная группа, изображающая женщину-воина с умирающим бойцом на руках. Эта фигура была когда-то закуплена в Тюмени по распоряжению председателя горисполкома И.А.Паутова и теперь оказалась весьма кстати. На мемориальной доске ниже надпись: «Ишимским железнодорожникам, павшим в боях за Родину в 1941-45 годах». На обратной стороне памятника, внизу, было сделано вложение в виде письменного обращения к потомкам и прикреплена табличка: «Вскрыть в день пятидесятилетия Победы 9-го мая 1995 года». Вот это обращение:

«Сегодня, в двадцать пятую годовщину Великой Победы советского народа над ударными силами империализма — германским фашизмом, мы, участники великой битвы, обращаемся к вам, живущим в последние годы второго тысячелетия нашей эры. Поколение, которое мы представляем, дорого заплатило за эту победу. Война унесла из наших рядов двадцать миллионов жизней. Одних сегодня нет среди нас, другие носят на своих телах следы войны. И мы, воины, оставшиеся в живых, и мы, кто

Памятник погибшим железнодорожникам. Первоначальный облик.
Нач. 1970-х. Из фондов ИИКМ.

трудом ковал победу, помним имена павших в боях.

Им, сложившим головы во имя торжества жизни над смертью, во имя и вашего счастья, установили мы в двадцать пятую годовщину этот памятник.

Памятник сооружался в исторически знаменательные дни, когда весь мир отмечал 100-летие со дня рождения В.И.Ленина, дело и идеи которого защищали советские люди в боях с фашизмом.

К вам, сыновьям и дочерям, кто будет отмечать пятидесятилетие Победы, обращаемся мы.

К вам, внукам нашим, кому сегодня еще нет и десяти лет и кто родится в грядущие годы, шлём мы свои слова.

Мы завещаем вам беречь мир на Земле. Мы желаем, чтобы над вашими лицами и нивами никогда не полыхало пламя войны, чтобы матери никогда не провожали сыновей и дочерей на бой, чтобы небо ваше было чистым, а дети не знали потери отцов и матерей.

Берегите свою Родину — Союз Советских Социалистических Республик!

Помните, это во имя Родины её солдаты грудью преградили дорогу врагу. Это во имя Родины мы пролили кровь на фронте, десятки миллионов отдали свои силы тылу, а двадцать миллионов навечно остались в братских могилах.

Для нас нет ничего дороже Матери-Родины. Мы завещаем вам: не щадите сил своих, а если потребуется, и жизни для её защиты в борьбе с врагами. Помните, какой дорогой ценой мы заплатили за честь, свободу и независимость Родины, которую мы приняли от старших поколений.

Будьте достойны героической славы ваших отцов и матерей, свято чтите имена тех, кого уже нет и не будет среди вас, тех, кому сооружен этот памятник. Мы, участники митинга, посвящённого открытию памятника шимским воинам-железнодорожникам, уверены, что эстафету мужества, бесстрашия и верности Родине передаём в крепкие руки наших сыновей, дочерей и внуков. Несите её с честью от поколения к поколению!»

Обращение подписали участники Великой Отечественной войны: начальник

механического завода В.Шохов, секретарь парторганизации завода В.Татур, инженер-технолог завода П.Мальцев, старший бухгалтер вагонного депо Е.Мелихов, токарь локомотивного депо В.Маркин, дорожный мастер дистанции пути А.Жоров, заместитель начальника дистанции связи А.Козлов, маневровый диспетчер станции Ишим С.Сосновский, директор железнодорожной школы № 1 П.Белозеров, мастер цеха дистанции зданий и сооружений И.Криворучко, мастер дистанции энергоснабжения Л.Киселев, инженер механического завода П.Мальцев и учитель железнодорожной школы № 4 В.Гаврилов — главные инициаторы и организаторы установления памятника.

В настоящее время на плаитах высечено 412 фамилий железнодорожников. Обращение к потомкам было зачитано 9 мая 1995 года и передано в краеведческий музей, а взамен вложили новое напутствие ветеранов — для тех, кто придёт к монументу уже в 2020 году.

* * *

В 1989 году в «Ишимской правде» развернулась дискуссия по поводу создания городского мемориала «памяти павших», который так и не появился в Ишиме даже спустя сорок лет с победного дня 9 мая 1945-го. Начался сбор средств, в банке был открыт счёт, на который поступали деньги из организаций и от частных лиц. Надо сказать, ещё в 1985 году проходил конкурс проектов, но до установки памятника дело так и не дошло. А в 1988 году представил свой проект московский скульптор Владимир Кузьмич Кротков. Узнав о том, как будет выглядеть мемориал, горожане решительно выступили против такого сооружения. Потомки погибших на фронтах Отечественной войны, её участники хотели, чтобы памятник был простым, понятным. Большинство, особенно представители старшего поколения, отвергли решение в авангардном стиле как совершенно неуместное в этом случае.

«Очень сложно понять художественный замысел авторов: какую идею символизирует сооружение? Зрителям без «переводчика» не обойтись. Говорят, что

Капсула с обращением к потомкам. Май 1970. Фото В.И.Рыдзевского. Из фондов ИИКМ.

всё гениальное просто. А здесь, по-моему, идея слишком заумна, и обыкновенный посетитель не разберётся в замысле архитекторов-проектантов. На заседании городского совета ветеранов войны и труда вопрос установки памятника обсуждался дважды, и никто из членов совета, а среди них немало людей заслуженных, фронтовиков, не высказался «за». Все против того, чтобы композицию размещать в районе собора. Памятник возводится на средства народа, значит, ему лучше знать, что, где и как лучше сделать. Так почему же решение за него принимают чиновники? Пусть они посоветуются с горожанами», — писал в «Ишимской правде» Д.Лапин. Подобных отзывов было много, опубликовать все их газета была не в состоянии.

В горисполкоме состоялось обсуждение проекта, на котором присутствовали ветераны и молодёжь, партийные работники и комсомольцы, художники и журналисты. Выступающих было много, и большинство их высказывалось против проекта Кроткова. Защищали его представители горкома комсомола, администрации города, художники. По их мнению, надо было приучать жителей города, не способных понимать современное искусство, разбираться в нём. В ответ на подобные заявления ветераны

Митинг в день 60-летия Победы у памятника ишимцам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. 9 мая 2005. Фото Г.А.Крамора.

войны справедливо возражали, что заниматься подобной просветительской деятельностью в данной ситуации не время и не место. Люди приходят к памятнику погибшим со слезами, с тяжелыми воспоминаниями, и для их встречи с прошлым нужна соответствующая обстановка. Мать, склонившаяся над погибшим сыном, солдат, выносящий товарища с поля боя, воин с ребенком на руках — такие простые решения были предложены в письмах читателей «Ишимской правды».

Последнее совещание по этому вопросу проводилось в горисполкоме в декабре 1988 года. На нём, как сообщалось в газетной заметке, «была окончательно утверждена выбранная площадь и идея памятника». На этой площади у старинного собора, кстати, к тому времени уже стоял своеобразный монумент, выполненный художником Александром Амелиным. Эта относительно небольшая конструкция, представляющая собой символическое «дерево войны», на котором вместо листьев и плодов висят гроздыя

снарядов, ныне находится во дворе школы № 1.

В ноябре 1989 года в газете был помещен снимок макета памятника. И снова пошли отзывы вроде следующего: «Такой памятник, какой мы увидели в газете, не вызовет у нас святого трепетного чувства. Уж очень он какой-то заумный, абстрактный. Не памятник, а шестиметровый «инопланетянин» с маленькой головкой. Большинство, я думаю, против такого памятника». Действительно, в ходе обсуждения разошлись мнения только о выборе места для мемориала, а по поводу самого памятника ишимцы высказались твердо: нам такое сооружение не нужно...

Тем не менее это ничего не изменило. Изготовление монумента поручили коллективу Калужской скульптурной фабрики. Он состоял из шести частей, которые разгрузили, привезли на площадь и соединили воедино рабочие «Тюмень-гражданстрой». Так в Ишиме в 1995 году был создан мемориал, подобного которому, вероятно, нет ни в одном городе России.

Композицию «Памяти павших» трудно назвать скульптурой, так как при ее создании применялся обратный ваянию способ, результатом использования которого становится не фигура, а её отсутствие. Стремление к новым средствам выражения и формам произведений, характерное для неоавангардизма, привело к тому, что это сооружение вызывало только недоумение. Маленькая голова, странные очертания тела, неправильной формы рука — всё это не воспринимается как образ воина и не соответствует тому душевному настрою, с которым люди приходят на Соборную площадь почтить память близких. Только плиты с их фамилиями и Вечный огонь помогают настроиться на соответствующий скорбно-торжественный лад.

При рассмотрении мемориала и сейчас возникает ощущение его незаконченности. И оно не случайно. Дело в том, что скульптор Кротков создал очень упрощённый вариант памятника, находящегося в Новороссийске. Об этом, кстати, писала в «Ишимской правде» ещё в мае 1990 года старший преподаватель Ишимского пединститута Эвелина Павлюченко. Она сообщала о том, что в 1972 году известный советский скульптор В.Е.Цигаль разработал проект мо-

нумента героям — детям Новороссийска. Вот как он сам раскрывает замысел памятника: «Он задуман как большая каменная стена с четырьмя бронзовыми фигурами на постаменте. С одной стороны — мальчишка с автоматом и гранатой и девчонка, рассеивающая листовки. С другой — двое ребятшек, которые слушают радиосводку Совинформбюро. Над ними высится силуэт матроса с винтовкой, прорубленный в плоскости стены так, чтобы он «читался» на просвет. Это как бы романтический идеал ребят тех лет». «Если отбросить четыре «лишние» скульптуры, то мы получим проект памятника ишимцам, — пишет Э.Павлюченко. — Но, насколько мне известно, В.Цигаль в работе над его проектом не участвовал. Или наши проектанты возьмут его в соавторы? Иначе это всё очень похоже на плагиат». Заметка дополняется снимком из книги «Скульптор Владимир Цигаль».

Так или иначе, вот уже десять лет ишимцы приходят в радостный и печальный день 9 мая именно к этому монументу. В 2005 году, к юбилею Победы, заменили мраморные плиты с именами погибших, заново выкрасили стелу и облицевали красным гранитом её основание.

Лики прошлого и настоящего

Н.А. ПРОСКУРЯКОВА

Побег из Ишима Народница Софья Бардина

В апрельскую ночь 1883 года на квартире в одном из домов Женевы — столицы уютной горной Швейцарии — разразилась катастрофа. Снимавшая здесь комнату молодая женщина, приехавшая из России, решила свести счёты с жизнью. Два раза револьвер давал осечку. Но настойчивость взяла верх. На третий раз прозвучал выстрел. Пуля не попала в сердце, и раненая, упав на кровать, терпеливо ожидала смерти от истечения крови. Однако случайно в комнату вошла хозяйка, и несчастную немедленно перенесли в больницу.

Двенадцать дней продолжалась агония. Русская молча и спокойно терпела невыносимую боль, к удивлению швейцарских врачей. У неё даже проснулась жажда жизни, как это часто бывает после неудачных покушений. Но это не спасло ослабленный болезнью организм. Известная среди «прогрессивной» российской молодёжи революционерка-народница Софья Иларионовна Бардина скончалась 26 апреля в десять часов вечера. Вдалеке от своей горячо, хотя и очень своеобразно, любимой родины, немного не дожив до тридцать второго дня рождения.

Родилась она в небольшом уездном городке Моршанске Тамбовской губернии 1 мая 1852 года в семье частного пристава Илариона Саввича Бардина. Отец отличался крутым нравом, хотя в душе не держал зла. «Мать была добрая и мягкая, вся поглощённая детьми (их было восемь душ) и домашним хозяйством, боявшаяся, как огня, мужа, которого звала не иначе, как по имени и отчеству, что не мешало ей, переждавши бурю, заставлять его делать многое по своему»¹, — сообщил впоследствии первый биограф Бардиной писатель С.М.Степняк-Кравчинский.

Маленькой девочкой Соня поступила в Александрийский институт благородных девиц, который открылся в 1843 году для воспитания и образования дочерей беднейших дворян Тамбовской губернии, по одной от каждого из двенадцати уездов. Содержался институт на пожертвования состоятельных дворян. Общий курс обучения был шестилетним, а воспитание всесторонним: от Закона Божия до рукоделия и домашнего хозяйства. Выпускнице института С.Бардиной «за успехи и благонаравие» была вручена высшая награда — «золотой шифр».

В 1871 году Софья переезжает в Москву. Здесь в её душе происходит переворот — чуткая к проявлениям социальной несправедливости девушка впервые знакомится с революционными идеями. Затем она едет для дальнейшего образования в Цюрих, в котором оставалась до июля 1873-го. В Швейцарии тогда было немало обучавшейся здесь русской студенческой молодёжи. «То была эпоха наиболее кипучей политической жизни среди русской колонии, сделавшей этот мирный швейцарский городок ареной бурных политических турниров, — продолжает Степняк-Кравчинский. — Однако рядом с космическими бурями в стакане воды и распрями, порождаемыми запальчивостью кружков, искренне веривших, что в их руках судьба России, здесь шла серьёзная работа умственного и нравственного воспитания значительной массы русской молодёжи, которая привезла с собой из России и чуткость к общественным вопросам, и оппозиционную закваску русского студенчества. Кружки самообразования, никогда не переводившиеся в русских учебных заведениях, стали появляться и в Цюрихе»².

*Софья Иларионовна Бардина.
1870-е. Из фондов Тамбовского
краеведческого музея.*

Один из таких самообразовательных кружков, состоящий исключительно из семнадцатилетних девушек, возглавила Софья Бардина, по возрасту на несколько лет старше своих подруг. Она была душой общества — бойкой, остроумной, насмешливой. Одной из первых Соня выдержала экзамен в политехникум, затем перевелась на медицинский факультет университета, из соображения, что врачу будет проще общаться с простым народом. Одновременно работала наборщицей в типографии русского нелегального журнала «Вперёд».

Однако в июле 1873 года вышло распоряжение правительства, в котором русским студентам предписывалось, под страхом лишения гражданства, немедленно покинуть Швейцарию. В результате Софья окончила курсы акушерок, чтобы вернуться в Россию хоть с какой-нибудь профессией. В Москве мечтательницы и идеалистки объединились в тайное общество под названием бремшлюссельская коммуна (по названию дома, занимаемого в Цюрихе). Они решили создать пропагандистские кружки в четырёх рабочих центрах

города, а затем уже двинуться на агитацию в деревни.

Бардина под именем крестьянки Анны Зайцевой поступила простой работницей на фабрику Лазарева — «делить с народом его страдания». Ей приходилось работать по 15 часов в сутки, есть отвратительную пищу, «состоящую из ломтя плохо выпеченного хлеба и жидкой болтушки с мочалами вместо говядины»¹, ночевать на фабрике на грязном сеннике, кишашем блохами и клопами. И всё это ради того, чтобы иметь возможность два раза в неделю в течение десяти минут поговорить с засыпающим от усталости рабочим о его тяжёлой доле.

Разговоры продолжались недолго. Както управляющий фабрикой застал Софью за чтением в мужском отделении, куда женщинам вход был строго запрещён. Затем отобрал у рабочих пропагандистские книги. Бардина была вынуждена уволиться и поселиться на конспиративной квартире. Там её и арестовали по доносу Дарьи Скворцовой, кухарки, которая хотела предательством выручить арестованного жандармами любовника. В 1877 году, после двух лет предварительного тюремного заключения, она предстала на так называемом «процессе пятидесяти», где, будучи осуждена за пропаганду революционных идей, выступила с речью, которая сделала её знаменитой в либеральных кругах России.

Софья Бардина утверждала: «Я со своей точки зрения ни в чём не считаю себя виновной и подлежащей наказанию, ибо никакого вреда обществу или народу принести не желала и не принесла, надеюсь. Конечно, меня, также как и других подсудимых, обвиняют в стремлении разрушить священные основы собственности, семьи, религии, государства, в возбуждении к бунту и стремлении водворить анархию в обществе. Всё это было бы весьма ужасно, если бы было справедливо... Я, господа, принадлежу к разряду тех людей, которые между молодёжью известны под именем мирных пропагандистов. Задача их — внести в сознание народа идеалы лучшего, справедливейшего общественного строя...»

Завершалось выступление страстно: «Я не прошу у вас милосердия, я не желаю его, я убеждена, что наступит день, когда даже и наше сонное и ленивое общество проснётся и стыдно ему станет, что оно так долго позволяло безнаказанно топ-

Город Ишим. Вид с колокольни Богоявленского собора.
Нач. 1880-х. Из фондов ИИКМ.

тать себя ногами, вырывать у себя своих братьев, сестёр и дочерей и губить их за одну только свободную исповедь их убеждений. Преследуйте нас — за вами пока материальная сила, господа, но за нами сила нравственная, сила исторического прогресса, сила идеи, а идеи — увы! — на штыки не улавливаются»⁴.

Софью Иларионовну осудили на десять лет каторжных работ. Царь при утверждении приговора смягчил его — «мирную пропагандистку» отправили на вечное поселение в Сибирь, в уездный Ишим. В первое время жизнь в нашем городе устраивается более или менее сносно. С ней знакомятся обыватели, некоторые сходятся близко. Более того, в неё влюбился учитель арифметики и геометрии уездного училища Николай Филиппович Шахов, случайно встретившийся с Бардиной в библиотеке. Он стал мужем государственной преступницы. В сентябре 1879 года у них родился сын, который умер через несколько недель.

Такая жизнь продолжалась недолго. На ссыльную написали донос губернатору, а ишимский исправник получил жёсточайший выговор. Друзья Бардиной получили «отеческие внушения», после которых большинство отвернулось от неё. Биограф добавляет прямодушно: «Некоторые, однако, упрямятся, тогда одного из упрямец лишают места и куска хлеба, после этого в городе начнётся такая паника, что даже люди, совершенно по своему положению независимые, по свойственной русскому обывателю трусости,

станут за версту обещать её дом, чтобы не быть вынужденными поклониться ей при встрече»⁵. Вскоре единственным её обществом остались товарищи по ссылке.

Слабое от природы здоровье Софьи расшаталось окончательно полуголодной жизнью. У неё развилась сильная анемия, сопровождаемая головными болями и общим нервным расстройством. Она обратилась к тобольскому губернатору с просьбой «разрешить ей загородные прогулки в поле и в лесу». К прошению приложила свидетельство городского врача. Ответ не заставил себя долго ждать: «Не признаю возможным разрешить Бардиной какие бы то ни было отлучки из места, назначенного для постоянного её жительства, под строгий надзор полиции»⁶.

В эти годы в Ишиме собирается целая колония революционеров-народников. Кроме С.И.Бардиной здесь некоторое время проживали И.Гурвич, Д.Ф.Руднев, А.Руднева, Е.Медведева, писатели Н.Е.Каронин-Петропавловский и Г.А.Мачтет, прозаик и журналист, автор ряда стихотворений, «среди которых наибольшую известность приобрело «Последнее прости» («Замучен тяжёлой неволей...»), считавшаяся в течение долгого времени своего рода официальным траурным гимном нескольких поколений русских революционеров»⁷. Григорий Александрович Мачтет обратился с официальным прошением к тобольскому губернатору о дозволении ему вступить в брак с государственной преступницей Еленой Медведевой; обряд венчания состоялся в Бо-

Бывший дом купца Пенькова, в котором с 1868 года размещались Ишимское окружное казначейство и полицейское управление — место пребывания окружного исправника, ныне здание Дома детского творчества. Октябрь 2003. Фото Г.А.Крамора.

говяленском соборе 27 июля 1880 года⁸. С именем последней связан эпизод из ишимской жизни нашей героини. В один из ясных весенних дней, несмотря на запрет на загородные прогулки, «ссыланные Скворцова, Медведева и Бардина самовольно отлучились из города Ишима, который им назначен для жительства», как сообщают пожелтевшие страницы архивного дела. «Июня 28 дня» 1879 года окружной исправник доложил губернатору, что следствие закончено, и дело отослано для решения в Ишимский окружной суд⁹.

В феврале 1878 года Софья вновь пишет тобольскому губернатору, прося «дозволить ей занять место учительницы или надзирательницы или же дозволить заниматься практикой акушерки и фельдшерницы»¹⁰. Самостоятельных заработков у неё не было. По своей крайней деликатности просить денег у родителей она не могла, понимая, что они и так стеснены в средствах. Пользоваться суммами из кассы для ссыльных она также не желала. Через месяц пришёл ответ: «Полагаю возможным дозволить Бардиной заниматься практикой акушерки и фельдшерницы, если только она будет признана

к этому способной по засвидетельствованию местного врача и удостоверению врачебной управы. Что же касается допущения Бардиной к обязанности учительницы или надзирательницы, то ввиду совершённого ею преступления, за которое она сослана в Сибирь, я нахожу таковое не подлежащим удовлетворению»¹¹.

В тобольском архиве хранится ещё один интересный документ, датированный началом февраля 1880 года. В нём сообщается, что Софья Бардина обратилась с просьбой к ишимскому окружному исправнику переслать посылку находящемуся в городе Обдорске (ныне Салехард) знакомому, государственному преступнику Журомскому. Она предполагала выслать ему принадлежности для сапожного ремесла. Бардина пишет, что такое содержимое малоценно, а отправка по почте стоит очень дорого и поэтому просит доставить посылку с попутчиком. Вскоре чиновник окружного казначейства Лебедев, командированный в Тобольск, предложил услуги нарочного. Помощник исправника Армазов вспомнил о просьбе Бардиной, лично ещё раз проверил всё содержимое посытки, прочитал письмо и передал для сопровож-

дения Лебедеву. Но тобольский окружной исправник проявил бдительность, увидев, что на казённой подводе отправляется подозрительная посылка: «какое-то частное лицо с какой-то преступной целью замаскировало свою корреспонденцию казённой печатью»¹². Был приглашён рассыльный из окружного полицейского управления, при котором ящик вскрыли. В нём «обнаружились» обложенные сеном «2 подпилка, 2 ножа, 12 большой и 12 меньшей величины шила, 10 сапожных колодок и жестяная банка кофе»¹³. Ни декламаций, ни литературы в старом ящике не было. Однако ретивый окружной исправник решил начать следствие и сообщить о происшествии «господину тобольскому губернатору».

Мысль о бегстве не покидала Софью с самого момента её водворения в наш город. Стремясь желанием поскорее осуществить свою единственную мечту, она ведёт переговоры с петербургским кружком «Земли и Воли». Предполагается, что в подготовке побега принимал участие муж Бардиной, заранее выехавший для этой цели из города. Наконец, 25 декабря 1880 года, воспользовавшись рождественской праздничной суетой, она бежит из Ишима. Подробности нам неизвестны; историки упоминают лишь, что она «едва ускользнула» от погони. Стоит лишь заметить, что через три года её примеру последовала некая О.Е.Кафiero-Кутузова.

Бардина является среди ликующих товарищей, хочет окунуться в самый водоворот революционных событий, но вынуждена осознать, что силы её надломлены. Она опустилась, ослабла, «анемия достигла до такой степени, что она не могла уже ничего читать, потому что засыпала от усталости на первых страницах, работа вываливалась у неё из рук и она истощала себя усилиями заставить себя что-нибудь делать... Иногда она старалась бодриться, шутила, смеялась. Но вдруг, среди разговора, глаза её наполнялись слезами и крупные капли их падали одна за другой. Не раз её заставляли рыдающей, уткнувшей лицо в подушку»¹⁴. Не помогла и поездка за границу. Тогда Софья, видя, что стала совершенно бесполезным человеком для главного дела жизни, и вынесла себе страшный приговор...

Готовностью к самопожертвованию хрупких женщин-революционерок были поражены даже те, кто относился к ним

враждебно. Их образы воплощены во многих произведениях русской литературы. Так, тяжелобольной Н.А.Некрасов, внимательно следивший за «процессом пятидесяти», написал о них строки:

*Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие.*

За несчастный народ вопиявшие...

Образ народницы вдохновил поэта Я.П.Полонского на создание стихотворения «Узница»:

*Что мне она — не жена, не любовница
И не родная мне дочь?*

*Так отчего ж её доля тяжёлая
Спать не даёт мне всю ночь?..*

И.С.Тургенев, который присутствовал на одном из судебных заседаний, посвятил осуждённому стихотворение в прозе «Порог». Это разговор Судьбы с русской девушкой:

«Девушка перешагнула порог — и тяжёлая завеса упала за нею.

— Дура! — проскрежетал кто-то сзади.

— Святая! — пронеслось откуда-то в ответ».

Поэзия эта не случайна. Поколение революционеров, к которому принадлежала Бардина, было воспитано на романтических идеях социалистов-утопистов. Они надеялись на ненасильственную смену власти путём пропаганды и агитации народа. Вслед за этой нежной порослью пришли иные люди, полагавшие, что лучшее оружие революционера — бомба и револьвер.

Примечания

- 1 Вольное слово. — 1883. — № 61-62. — С.8.
- 2 Там же.
- 3 Там же, — С.9.
- 4 РГАЛИ, ф.191, оп.1, д.3467, л.1-4.
- 5 Вольное слово. — 1883. — № 61-62. — С.10.
- 6 ГУ ГАТюмО в г.Тобольске, ф.152, оп.8, ед.хр.59. Л.7.
- 7 Савченкова Т.П. Ишим и литература. Век XIX. — Ишим, 2004. — С. 220.
- 8 Бударин М.Е. Г.А. Мачтет в сибирской ссылке // Ишим далёкий - близкий. — Ишим, 1997. — С. 77.
- 9 ГУ ГАТюмО в г.Тобольске, ф.152, оп.8, ед.хр.59. Л.10.
- 10 Там же. Л.2.
- 11 Там же. Л.4.
- 12 Там же. Л.20.
- 13 Там же. Л.21.
- 14 Вольное слово. — 1883. — № 61-62. — С.11.

Наш земляк — герой с «Кореица»

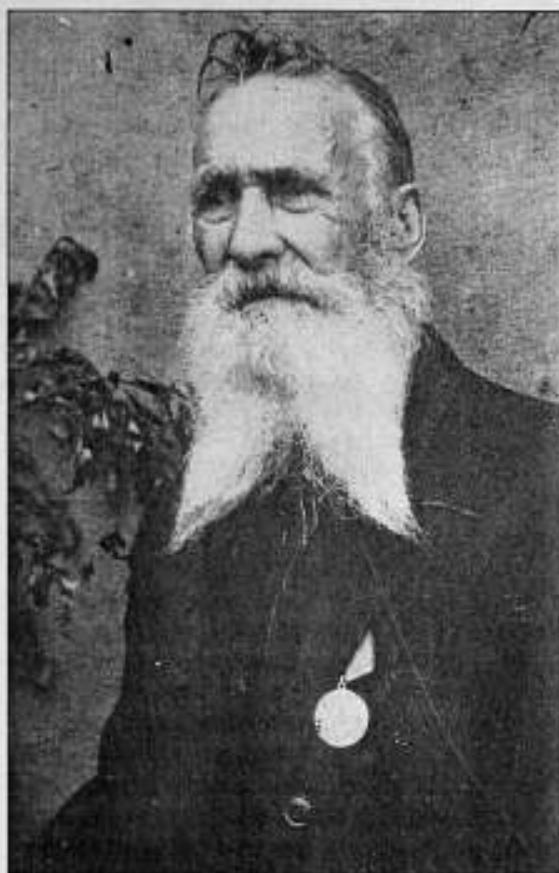
Павел Дмитриевич Глазунов

В феврале 2004 года Россия отметила 100-летие битвы русского крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» с японской эскадрой при корейском порту Чемульпо. Подвиг русских моряков стал ярким примером мужества, стойкости, самоотверженности и верности воинскому долгу. В составе доблестного экипажа лодки «Кореец» значился писарь II статьи, наш земляк Павел Дмитриевич Глазунов.

Вспомним события того времени. В декабре 1903 года по приказу начальника тихоокеанской эскадры из Порт-Артура в нейтральный корейский порт Чемульпо с секретной миссией состоять в распоряжении посланника в Сеуле и наблюдать за действиями японцев в этой гавани был направлен бронепалубный крейсер «Варяг» — лучший военный корабль того времени. Построен он был в 1899-1900 годах в Филадельфии (США). Скорость — 24 узла, или 44 км в час. Экипаж — 570 человек. Главная огневая мощь — 12 орудий калибра 152 мм. Командовал крейсером потомственный моряк, опытный капитан 1 ранга Всеволод Фёдорович Руднев.

Обстановка в Чемульпо была неспокойной. На «Варяг» ежедневно поступали сведения об активизации японских военных сил. Связь с Порт-Артуром осуществлялась с помощью телеграфа и небольших судов, таких как канонерская лодка «Кореец», которой командовал капитан 2 ранга Григорий Павлович Беляев. Это судно было построено в 1888 году в Швеции. Скорость — 13,5 узла, или 25 км в час. Вооружение — 2 орудия калибра 203 мм, одно — 152 мм, мелкие пушки, 1 торпедный аппарат. Экипаж — 179 человек. Командир — 46-летний капитан II ранга Григорий Павлович Беляев. «Кореец» прибыл в порт Чемульпо на смену канонерки «Гилля».

Пока капитан «Варяга» добивался от посланника в Сеуле разрешения на выход в Порт-Артур, японская эскадра блокировала порт. Ультиматум её командующего Уриу был краток: русские корабли

Павел Дмитриевич Глазунов после награждения медалью «За отвагу». 1954. Из семейного архива Глазуновых.

должны покинуть Чемульпо, либо будут расстреляны на рейде. Положение нашего крейсера осложнялось тем, что рядом с ним стояло несколько иностранных кораблей: французский, английский и итальянские крейсера, а также американское посыльное судно. Нападение на корабль, находившийся в нейтральном порту, было грубейшим нарушением международного права. Однако ни один из иностранных командиров, понимавших, что они пострадают в случае боевых действий в самом порту, не решился заступиться за русские корабли. На совещании с иностранцами Руднев заявил: «У меня нет выбора. Сделаю попытку прорваться, приму бой. Сдаваться либо сражаться на нейтральном рейде не буду!»

Км. Чр. Беляев

Командир «Корейца», капитан 2 ранга Григорий Павлович Беляев. 1910-е. Из фондов Центрального музея ВМФ.

27 февраля 1904 года произошла знаменитая битва двух русских кораблей с японской эскадрой.

Командир «Варяга» сказал русским морякам: «Вызов более чем дерзок, но я принимаю его. Я не уклоняюсь от боя, хотя не имею от своего правительства официального сообщения о войне. Уверен в одном: команды «Варяга» и «Корейца» будут сражаться до последней капли крови, показывая всем пример бесстрашия в бою и презрение к смерти». Мичман Падалко ответил за всю команду: «Все мы: и «Варяг», и «Кореец», будем защищать родной Андреевский флаг, его славу, честь и достоинство, сознавая, что на нас смотрит весь мир». Матросы ответили дружным «Ура!» Похожее происходило и на «Корейце». Больные матросы из лазаретов добровольно встали в строй; вольнонаёмные члены команд отказались съехать на берег: все были готовы к бою. И под звуки русского гимна «Варяг» и «Кореец» двинулись к выходу с рейда.

По тому времени «Варяг» был не только красавцем, как поётся в песне, но и

Реверс памятной медали участникам боя при Чемульпо, с изображением «Варяга» и «Корейца». Из фондов ИИМК.

одним из сильнейших и быстроходных кораблей в своем классе. «Корейца» японцы не принимали всерьёз. Япония противопоставила двум русским кораблям 181 мощное орудие и 42 торпедных аппарата, т.е. в шесть раз больше, чем у русских.

Иностранный офицер-очевидец свидетельствует: «Мы плакали и не стыдились слез. Мы провожали в последний путь самый прекрасный, самый гордый крейсер в мире. Мы знали, что русские идут на верную смерть, но отдали бы всё, чтобы идти следом за ними». И ещё: «Кореец» шёл впереди и лишь впоследствии, на внешнем рейде, «Варяг» опередил его, как бы стремясь прикрыть собою старого боевого друга».

*Он был товарищем «Варяга»,
Он отстоял в лихом бою
Родную честь родного стяга
И славу вечную свою!*

Команды французского, английского и итальянского кораблей, построенных во фронт, салютовали русским кораблям. На итальянском крейсере играли русский гимн. Волнение было неопишное, некоторые из матросов плакали. Никогда не приходилось им видеть столь возвышенной и трагической сцены. На мостике «Варяга» стоял командир, ведущий ко-

Команды «Варяга» и «Корейца» с подаренными столовыми приборами после обеда в Зимнем дворце. 16 апреля 1904. Из фондов Центрального музея ВМФ.

рабль на последний парад. Громовое «Ура!» вырвалось из груди свидетелей этого шествия...

Бой начался в 11 часов 45 минут: с крейсера «Асама» грянул первый выстрел, вслед за которым вся японская эскадра открыла огонь. «Кореец» держался за «Варягом» и вёл огонь по неприятелю фугасными снарядами. Когда был замечен взрыв около кормовой башни «Асамы», команда приветствовала громким «Ура!» эту первую удачу.

Залпы орудий в бою сливались в сплошной гул. Русские моряки бились насмерть. После каждого выстрела «Кореец», стрелявший снарядами с дымным порохом, окутывался густыми клубами дыма и становился неуязвимым для прицельного огня японских кораблей.

Через час «Кореец» послал последний снаряд в неприятеля. Затем около острова Обсерватории лодка встала на якорь. «Варяг» вернулся в порт, чтобы осмотреть повреждения, по возможности ликвидировать их и вернуться к бою. Но при осмотре оказалось, что боеспособность крейсера фактически утрачена и продолжение боя приведёт к гибели людей без нанесения какого-либо вреда противнику. Были и людские потери: 34 убитых и 188 раненых. На «Корейце» потерь не было.

От иностранцев командиры крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» узнали, что общее количество раненых у японцев достигло двухсот человек.

И тогда Всеволод Фёдорович Руднев принял решение затопить крейсер, чтобы

он не достался врагу. Экипаж корабля полностью поддержал капитана и начал готовить крейсер к погружению.

Капитаны стоявших на рейде судов изъявили готовность принять на свои борты команду «Варяга» и «Корейца». Английский «Тэлбот» принял 242 человека, итальянский корабль взял 179 русских моряков, остальных разместил на своём борту французский «Паскаль», и только американский корабль не принял русских раненых. Вспоминает капитан Сэнэс, поднявшийся на палубу «Варяга» сразу после боя: «Я никогда не забуду потрясающего зрелища, представившегося мне. Палуба залита кровью, всюду валяются трупы и части тел. Ничто не избежало разрушения». Действительно, разрушено было практически всё. Из 36 орудий остались более-менее целыми лишь семь. Обнаружено четыре огромные пробоины.

В это же время командир «Корейца» Григорий Павлович Беляев собрал офицеров на своей лодке и, сообщив им о решении командира «Варяга», предложил, начиная с младшего, высказать своё мнение о дальнейших действиях. «Решение было единогласное: предстоящий бой через полчаса вызовет напрасное кровопролитие, а, может быть, и гибель всей команды, причём мы даже не имеем возможности нанести вреда неприятелю, а потому необходимо команду свести на нейтральные суда к 4 часам...» — повествует составленное командиром «Описание дел мореходной канонерской лодки «Кореец» 26 и 27 января 1904 года». Было принято решение взорвать лодку:

*Земляки-матросы
Д.К.Зырянов и П.А.Глазунов. 1904(?).
Из семейного архива Зыряновых.*

*Те же ветераны-моряки
полвека спустя. 1954.
Из семейного архива Глазуновых.*

«Взрыв был произведён с верхней палубы... Из числа охотников уничтожить лодку выделились лейтенант Левицкий, мичман Бутлеров, младший инженер-механик Франк, боцман Софронов, артиллерийский квартирмейстер Емельянов; матросу Дьячкову и писарю Глазунову приказал сесть в вельбот. На гребные суда взяты два судовых образа, Царская грамота, Высочайше пожалованный серебряный рожок с Георгиевскою лентою, деньги из сундука, вахтенный журнал и денежная отчетность.

Как в бою, так и в эти трудные дни, весь личный состав, вверенной мне лодки, начиная со старшего офицера и кончая последним матросом, проявил высокие боевые качества и служил с непоколебимым мужеством и отвагой.

Все исполнили свой долг.

Лодка погрузилась на дно, причём носовая часть отделилась и перевернулась, а кормовая разорвалась на части. Через два часа после взрыва «Корейца», в 6 часов 10 минут вечера был затоплен крейсер «Варяг». Последним его покинул раненый и контуженный командир. Сходя на катер, он поцеловал на прощание поручни трапа...

*Не скажут ни камень, ни крест,
где легли
Во славу мы русского флага,
Лишь волны морские прославят одни
Геройскую гибель «Варяга».*

Героям боя при Чемульпо была устроена торжественная встреча в Одессе, куда они прибыли на пароходе «Малайя». Ещё в море к ним подошел катер «Тамара», на котором начальник порта доставил награды. Все матросы «Варяга» и «Корейца» были награждены знаками отличия Военного ордена 4-й степени (Георгиевский крест), офицеры — орденами Георгия 4-й степени.

Тепло и торжественно встретила их Россия. Из Одессы моряки выехали специальным поездом в Петербург. На каждой станции их встречали счастливые и радостные люди и преподносили подарки. 16 апреля 1904 года герои-моряки шли торжественным маршем по празднично украшенному Невскому проспекту. Под непрерывный гром оркестров, среди рукоплескавшего людского моря, осыпавшие цветами, проделали моряки свой путь славы.

После парада героев пригласили во дворец на царский завтрак, где их приветствовал сам император Николай II. По окончании завтрака матросам предложили взять на память столовые приборы из Георгиевского сервиза. Впоследствии всем участникам сражения при Чемульпо Николай II лично вручил памятную серебряную медаль. Право на медаль имели 697 его участников, оставшихся в живых после боя (из экипажа «Варяга» — 4 кондуктора, 529 нижних чинов и 3 вольнонаёмных, на «Корейце» — 160 нижних чинов и 1 вольнонаёмный повар). Медаль была на особой ленте цветов русского военно-морского Андреевского флага. На лицевой стороне медали — Георгиевский крест, окруженный венком и надписью: «За бой «Варяга» и «Корейца» 27 янв. 1904 г. — Чемульпо», на оборотной — изображение «Варяга» и «Корейца» на рейде Чемульпо, готовых к бою с японской эскадрой.

Павел Дмитриевич Глазунов всю жизнь берёт памятную медаль как святыню. А его внуки помнят серебряные нож, вилку и черешок от ложки с надписью: «Герою Чемульпо. Народный дом императора Николая II». Дед также берёт эти вещи и хранил рядом с иконами на божнице.

Родился Павел Дмитриевич в 1876 году в деревне Челноково Абатского района Тюменской области. Детские годы провёл с родителями в родной деревне, откуда и был призван в армию для прохождения службы в Военно-Морском Флоте на Дальнем Востоке. Во время службы не раз ходил в дальние плавания в Португалию, Люксембург, Испанию.

После событий у Чемульпо П.Д.Глазунов вернулся на родину и женился на Марине Ивановне Караченцовой, уроженке села Комиссарское. В семье Глазуновых было пятеро детей: сыновья Василий, Сергей, Фёдор и дочери — Феоктиста и Капитолина.

Трагические события XX века — коллективизация, репрессии, Великая Отечественная война — наложили отпечаток на судьбу Павла Глазунова. Ему приходилось часто менять место жительства. В 20-е годы он жил в селе Абалак под Тобольском, накануне войны — в деревне Спирино Маслянского района, в 1945 году в селе Первое Песьяново Ишимского района. В связи с частыми переез-

дами были утеряны столовые приборы из Георгиевского сервиза и знак отличия Военного ордена 4-й степени за № 98049.

Двое сыновей Глазунова, Сергей и Фёдор, защищали Родину в Великую Отечественную войну. Сергей служил во фронтовой разведке, в 1944-45 годах находился в фашистском плену. Своего сына Сергей назвал в честь деда Павлом, и уже в XXI веке в селе Гольшманово проживает ещё один Павел Глазунов. Фёдор Глазунов в финскую войну потерял ногу, а после войны продолжал работать на ферме «Красивая». Василий Глазунов по состоянию здоровья на фронт не попал. Вместе с отцом Павлом и братом Фёдором он строил школы, скотные дворы в Викуловском и Вагайском районах. Впоследствии создавал на паевых началах «Ишимколхозстрой», занимался строительством в различных районах Тюменской области.

Фаина Ивановна Шмакова, дочь Феоктисты Павловны, вспоминает: «Когда дед с бабушкой жил у нас в Спирино, помню, как летом он уходил в поле на сенокос — 6-7 километров от деревни. Сенокос длился около месяца, я тогда была девчонкой лет десяти и частенько жила с ним в поле, в шалаше. Дед постоянно работал: косил сено, ловил рыбу и варил уху. Моя старшая сестра Екатерина приходила к нам каждый день, приносила еду и забирала домой рыбу. Помню роскошную, седую бороду деда. Он очень любил, когда я ему взъерошивала волосы на голове и расчёсывала бороду. Дед был с хорошим чувством юмора, часто шутил и приговаривал: «Китайчата — япончата, португальцы — негрятята...» Но тогда я ещё не понимала, о чём он говорил».

О том, что отец — герой русско-японской войны, сыновья узнали только в 1954 году. В день 50-летия событий при Чемульпо Павел Глазунов рассказал своим детям о битве «Варяга» и «Корейца» с японской эскадрой и о том, что сам участвовал во взрыве лодки.

В тот год Родина вспомнила своих героев. По инициативе Главнокомандующего ВМФ СССР адмирала Николая Герасимовича Кузнецова в Москву были приглашены оставшиеся в живых участники героического сражения с крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец».

Седовласые и седобородые моряки, воевавшие «за Веру, Царя и Отечество», были повторно награждены 9 февраля 1954 года согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР медалью «За отвагу» в честь 50-летнего юбилея боя при Чемульпо.

Свою заслуженную медаль П.Д.Глазунов получил в Тюмени. В столицу съездить ему не удалось: жена, Марина Ивановна, была тяжело больна. В областном центре Павел Дмитриевич встретился с однополчанином, тюменцем Денисом Кирилловичем Зыряновым. Он, уроженец Заводоуковского района, служил на «Варяге» матросом I статьи. Они возвращались из Чемульпо на родину на одном корабле.

Умер Павел Дмитриевич в 1957 году в деревне Екатериновке Ишимского района, в доме сына Фёдора. В этой деревне он и похоронен. В 60-е годы по инициативе совета ветеранов Комитета Тихо-

океанского флота на месте захоронения Павла Дмитриевича Глазунова была установлена памятная плита с надписью: «Герою русско-японской войны...».

В Ишимском краеведческом музее к столетию битвы у Чемульпо была подготовлена небольшая выставка. На ней представлены личные вещи П.Д.Глазунова, фотографии, документы из музея Военно-Морского Флота в Санкт-Петербурге и памятная серебряная медаль, такая же, какая была у нашего земляка.

В Японии до сих пор хранится штурвал от «Варяга», в краеведческом музее корейского города Инчхон (бывший Чемульпо) находится поднятый со дна гюйс крейсера вместе со шлюпочным флагом канонерской лодки «Кореец». О подвиге этом помнит весь мир. А мы гордимся защитниками земли Русской, моряками «Варяга» и «Корейца», которые не уронили «честь русского имени и достоинство русского флага».

О.Н. САМСОНОВА

«Здесь я выросла, мужала, умнела»

Жизнь и деятельность Е.И.Поповой

Те, кто родился в 20-е годы XX века, — люди, как говорится, «старой закалки». Будучи школьниками в период репрессий и войны с фашизмом, они получили на всю жизнь глубокие впечатления от пережитого. Они — те, кто тяжело принял развал Советского Союза и трудно привыкает к современным реформам. Часто в беседе они говорят: «Мы жили не так». А как они жили? Примеров много, но наиболее ярким, на мой взгляд, является образ коммуниста, олицетворяющего собой целую эпоху.

Настоящим коммунистом была и остаётся Евдокия Игнатьевна Попова — бессменный в течение семнадцати лет секретарь по идеологической работе Ишимского городского комитета КПСС.

Её судьба заурядна и необыкновенна одновременно. Как все советские люди она голодала и бедствовала в военное время. Как многие женщины, пережила мало радостных минут в семейной жизни. Как любой щедрый и добрый человек, много делала для других и забывала о

себе. Но в коммунистическую партию Попова вступила по глубокому убеждению, не ради денег и власти. Пост она занимала ответственный, требующий полной отдачи сил и энергии. Не каждого мужчину избирали на эту должность дважды, а Евдокия Игнатьевна оставалась на ней 17 лет. Имея в своих руках власть, многие не устояли от соблазна «завести блат», сделать карьеру, воспользоваться льготами. Попова же предпочитала всегда строгий костюм, в пользу нуждавшихся поменяла квартиру большей площади на меньшую, подарила городу богатейшую библиотеку в 800 книг.

Составить портрет Е.И.Поповой помогли разные люди, знающие ее в работе и в быту. Не все респонденты были точны в изложении фактов, но все сошлись во мнении, что она человек редкого обаяния. Как говорит В.С.Фуртаева, «желание сделать человеку добро протянуто через всю её жизнь красной нитью». На службе она была разной, не пыталась всем угодить, просто «вкалывала» и стреми-

лась помочь конкретному человеку. При этом сделала так много для ишимцев, что была награждена медалями и орденом «Знак Почёта», а в 1981 году была удостоена звания «Почётный гражданин города Ишима».

Евдокия Игнатьевна родилась 20 августа 1925 года в деревне Яутла Шатовского района Курганской области в большой семье Шевелёвых. Жили в добротном двухэтажном доме с родителями отца и семьями его братьев. Но вскоре деда и бабушку сослали на север в таёжные необжитые места, а семьи их детей расселили по захолустным домишкам в этой же деревне. Видимо, большой светлый дом уж очень приглянулся правлению колхоза, а дед не совсем ласково отзывался о Советской власти. Поселились старики в землянке, а когда Игнатий Прокопьевич приехал к родителям помочь им поставить дом, его придавило лесиной на заготовке брёвен для сруба. Так трое детей остались без отца, а Наталья Варфоломеевна без мужа. Семье приходилось трудно, и мама решила ехать в Тобольск к родственникам. Но сделать это было не так просто: без справки от правления из деревни не уедешь, а её не выписывали, пока не отдали Шевелёвы с молотка все хозяйство. Вскоре Наталья Варфоломеевна завербовалась на большой рыбоконсервный комбинат в Самарово (ныне Ханты-Мансийск). Дуся училась тогда в старших классах, а за среднее образование надо было платить по 150 рублей в год за 8, 9, 10 классы. Для семьи это была огромная сумма, поэтому комсомолка Шевелёва очень обрадовалась, когда ей предложили на летних каникулах поработать вожатой в пионерском лагере, где она впервые проявила свои организаторские способности и талант воспитателя.

По окончании школы, конечно, хотелось учиться дальше. Мечтала эта скромная, красивая, гордая девочка стать капитаном, и даже документы отправила в приёмную комиссию. Но нужно было помогать маме, и она в 17 лет устроилась на тот же консервный комбинат в цех по обработке рыбы. Ах, какой был праздник для семьи, когда Дуся два раза в месяц приносила домой с работы ведро щучьих голов! Шла война, и начальник цеха —

*Дуся Шевелёвой 19 лет.
Ханты-Мансийск. 1944.
Из архива Е.И.Поповой.*

мужчина уже в годах — жалел плохонько одетых, вечно голодных своих работниц и нет-нет, да и разрешал положить на дно ведра целую рыбину, а потом провожал до проходной, чтобы не проверяли. Так и выживали благодаря заботе и сочувствию добрых людей.

Вызов в Новосибирский речной институт пришёл весной 1942 года, что помогло Евдокии Игнатьевне уволиться с комбината. А куда дальше? Ведь она старшая, и нельзя бросить сестру, брата и маму, да и учиться было не на что. Тут-то и произошла встреча, ставшая поворотной и определяющей в судьбе комсомолки Дуся Шевелёвой. Первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома комсомола, знавший девушку как вожатую пионерского лагеря, спросил, где она учится, внимательно оглядел скромную одежку, худенькое личико со строгим взглядом голубых глаз и пригласил зайти в окружком. 7 сентября 1942 года приказом № 9 Евдокия Игнатьевна была принята на должность технического сек-

Семья Евдокии Игнатьевны: муж, мама Наталья Варфоломеевна, сестра Надежда, брат Алексей. Ишим. 1950-е. Из архива Е.И.Поповой.

ретаря Ханты-Мансийского окружного комитета ВКП(б).

Военные годы — время особое, даже если живёшь в глубоком тылу. Война — это 500 граммов хлеба рабочему, 200 — иждивенцу и 800 — тому, кто трудился на самом передовом и ответственном участке. Тогда каждый клочок земли засаживали картошкой, тем и жиди. В магазинах продукты появлялись, но стоили они баснословных денег, и их невозможно было купить. Несмотря на тяготы, люди очень тепло относились друг к другу. Если кто-то получал похоронку, то рыдала вся улица, каждый старался поддержать, приносил что мог из продуктов, одежды. Жили в обстановке тревожного ожидания: что получат завтра — письмо или похоронку? У всех был единый порыв, одно желание победы. Добрый, приветливый, отзывчивый народ.

В окружкоме Ханты-Мансийска была в годы войны традиция: каждую субботу и воскресенье с 5 часов утра до позднего вечера все сотрудники выходили ловить рыбу, и весь улов до последней рыбки сдавали в Фонд обороны, перегрузив его в специальное судно. Для некоторых сотрудников обычный рабочий день заканчивался в 12 часов ночи, поэтому для них было организовано вечернее кормление. К Дусе, молоденькой 17-летней девочке, мужчины-коммунисты со стажем относились по-отечески заботливо, и в предпраздничные дни во время вечерних обедов просили буфетчицу рас-

кладывать им порции поменьше, чтобы накормить «нашу девочку». Какими вкусными тогда казались котлеты с гарниром, хорошо приготовленные макароны с подливкой! В такие дни Дусин паек оставался целым, а это было значительное подспорье семье.

Ежегодные партийные конференции проходили даже в военное время. На них переизбирали руководителей партии местных комитетов. Это было настоящее испытание на прочность. В Ханты-Мансийск приезжали представители со всего округа, в гостиницах не оставалось свободных мест. На конференции работал буфет, и однажды Дусю отправили торговать продуктами, посоветовав запасти для семьи хлеба, купить масла и хоть кусочек шоколада, чтобы поддержать малышей. Тогда Евдокия Игнатьевна впервые увидела комковой шоколад. Очень многие покупатели, глядя на скромную буфетчицу и сочувствуя ей, не брали сдачу, говорили: «Это тебе, девочка! Возьми себе что-нибудь». Но она, конечно, всю выручку сдала, ничего себе не оставив. Лишних денег оказалось 327 рублей, и принимавшие решили, что она, вероятно, обсчитывала клиентов. Дусе стыдно было признаться, что покупатели из жалости к ней оставляли сдачу. Хлеб, шоколад, сливочное масло, сахар, консервы, купленные тогда в буфете, были настоящим богатством, и помогли семье пожить более-менее сыто довольно долгое время.

В окружкоме Евдокию Игнатьевну и порекомендовали в партию. Партбилет она получила незадолго перед великой Победой, в марте 1945 года, девочкой двенадцати лет — кормилицей семьи. Мама, сёстры, брат всегда были с ней; и когда дали комнату от окружкома в благоустроенном доме, и когда она вышла замуж, и когда в 1952 году приехала в Ишим. Ей исполнилось тогда 27 лет.

В нашем городе Евдокия Игнатьевна Попова работала инструктором отдела пропаганды и агитации, заведующей партбиблиотекой, пропагандистом, заведующей отделом культуры, секретарем горисполкома — в трудовой книжке этой женщины нет чистых страниц, так как каждый раз партия отправляла её туда, где она была необходима. Бывало, отказывалась Евдокия Игнатьевна: «Не смогу». Но

Встреча с участниками Недели советской литературы на Тюменской земле. Крайний слева Николай Денисов, в центре — Иван Ермаков и Евдокия Попова. Июль 1971. Из архива Е.И.Поповой.

её ставили перед выбором: иди будешь работать, или партбилет на стол. Мысли отдать партбилет у неё не возникало: «Что ж, буду там, где нужна».

Общаясь с человеком, она слышит каждое слово говорящего, вдумывается в суть сказанного и отвечает всегда по существу, доходчиво, со знанием дела. Но часто одной беседы мало, нужен личный пример. Однажды, ещё в 50-е годы, в Ишимском районе из-за погодных условий не смогли заготовить корма. Начался падеж скота. Единственный способ спасти животных — поднимать земляные кочки вокруг озёр и болот и добывать ещё зелёные корни осоки. Осень стояла слякотная, пролетал снежок, и, естественно, колхозники на такой подвиг шли неохотно. Организатором и примером, по распоряжению партии, оказалась Евдокия Игнатьевна. Причём местные жители старались одеться по работе и по погоде, а Попова в чём приехала из города, в том и корм добывала. Её ноги в плохонькой обуви не просто замерзли, они разбухли, и чтобы их согреть, пришлось разрезать голенища валенок.

Такие случаи одних людей ломают, другим дают повод хвастаться своими заслугами, а иных закаляют. Евдокия Игнатьевна искренне верила в светлое завтра и молча, упорно и с достоинством работала, работала, работала. Она всегда много читала, была в курсе всех политических событий. Казалось, она знала всё, жадно стремилась учиться. В 1955 году Попова поступила в Свердловскую высшую партийную школу на очное отделение, успешно окончив её через четыре года.

Несмотря на кроткий голос и обаятельную внешность, она всегда была строга. Многие считали, что, возглавив в городе сферу культуры, Попова её «засушит». Говорили, что она не умеет улыбаться, называли «железной леди». А она научилась и смеяться, и танцевать, и петь. Уже через год с ней не хотели расставаться, но партия распорядилась иначе. Пребывая на должности секретаря горкома партии по идеологической работе с 1963 по 1980 годы, Евдокия Игнатьевна курировала в городе сферу образования и здравоохранения. При ней и с её горячим участием в Ишиме открылись музыкальная и ху-

дожественная школа, 1-я спортивная школа при новой городской школе № 7, появлялись творческие коллективы. Попова следила за всеми переменами в жизни города. Она обязана была присутствовать на собраниях партийных ячеек школ, пединститута, больниц, организаций культуры — предприятий различных сфер деятельности, требующих специфических знаний. «Главное в моей работе — знания, — вспоминает Евдокия Игнатьевна, — в институт без знаний не суйся, в школу на уроки — тоже. А как без знания направлений и установок партии, её отношения к разным вопросам и проблемам можно разобрать урок в присутствии учителей и директора школы?» Чтобы не быть невеждой, понимать проблемы каждого предприятия, нужны были обширные знания, богатый жизненный опыт и мудрость. А дома — больная мама, сын-школьник, племянники, да и сёстрам нужно помочь... Евдокия Игнатьевна успевала всё, не позволяя себе слёз и жалоб, максимально организуя свое время.

Женщин на должности секретаря горкома на юге области было лишь двое: в Ишиме да в Бердюжье; ещё одна в Тюмени. Нужно было обладать волевым характером и не женскими самообладанием и выносливостью, чтобы отчитываться о работе горкома на заседании областного комитета партии в Тюмени. «Лупили там нещадно», — признаётся Евдокия Игнатьевна. Случались стычки и в Ишиме, с руководителями исполкома, и всё больше из-за квартир и детских садов. Много она хлопотала за других людей, а однажды и от своей квартиры отказалась в пользу нужного городу специалиста, директора музыкальной школы. У всех секретарей четко были определены приемные дни, только у Поповой не было. Возвращается с обеда, а у окна уже стоит человек семь. «Вы ко мне?» — «Да». Так и выслушивала рыдания и слезы. Одна учительница плакала, рассказывая: «Живу в землянке с престарелой мамой. Утром натоплю печь, посажу маму на печку — единственное теплое место в доме и ухожу на работу. А там как? Пойдемте ко мне — сами увидите!» И увидели: обледенелые стены, ужасные условия. У Евдокии Игнатьевны сердце сжалось — сама детство

*Евдокия Игнатьевна Попова. 1971.
Из архива Е.И.Поповой.*

и юность в завалившихся землянках прожила. Пришлось хлопотать — дали учительнице квартиру, а в исполкоме конфликт: «Лезешь не в свои дела. Хорошей хочешь быть? А почему мы плохие?» Да, не её задача распределение квартир в городе, но учителя, врачи, культработники — её. От того, в каких условиях живёт человек, зависит качество его работы. Поэтому по мере сил Евдокия Игнатьевна заботилась о людях, и они платят ей словами благодарности и доброй памятью до сих пор. Даже когда секретарь Попова ушла на пенсию в знаменитом олимпийском 1980 году, люди не переставали обращаться к ней за помощью. Она могла не только помочь решить квартирный вопрос или дать денег из своего кармана. Добрый совет — подчас не менее важен. Не испытав вполне семейного счастья, она ценила его у других, напутствовала женщин: «Береги семью, радуйся детям».

Ещё в детстве многие мальчишки были влюблены в голубоглазую девочку, забрасывали ее записками, просили дружить, а

она только плакала от их привязчивости. Интерес мужчин к ней с годами не исчез. Ею восхищались, но её и побаивались. Внимательный, пронизывающий взгляд Евдокии Игнатьевны заставляла трепетать. Агать ей было стыдно, и многие руководители предприятий стояли перед ней как провинившиеся школьники. Однако Попова всегда знала, где научить, где защитить, где прикрыть. «Как мне рассказывали коллеги, если она улыbnулась и похвалила — ордена не надо, — говорит Н.П.Кузовкова, — а если сделала замечание — пахать тебе весь год». Многих из тех, с кем сотрудничала, Евдокия Игнатьевна вспоминает добрыми словами, и в первую очередь Николая Павловича Смирнова, первого секретаря горкома, с которым было легко и надёжно работать.

В конце 70-х, уже перед пенсией, к Евдокии Игнатьевне несколько раз обращался известный тюменский писатель Константин Лагунов с просьбой разрешить ему понаблюдать за работой секретаря Поповой: «Дай мне возможность посидеть у тебя в кабинете несколько дней. Я напишу о тебе такую книгу! Это будет последняя вещь, над которой я посижу основательно». Не разрешила! Не любит Попова, когда о ней говорят, а тем более пишут. И по поводу моего очерка было выпито немало лекарств и высказано сомнений.

Сейчас, на пороге восьмидесятилетия, она остаётся верна себе в привычках и убеждениях. Всё та же прическа, то же внимание к собеседнику. И та же коммунистическая партия — в другую она вступать не захотела.

И.И. МАРКЕЕВ

Сергей Песоцкий: воспоминание об Ишиме

Ишимцам есть кем и чем гордиться. У нас есть такие традиции, которые просто нельзя предавать забвению. Достаточно вспомнить, например, ту удивительную атмосферу, которая царил в Ишимском локомотивном депо, тот энтузиазм, с которым строился машзавод. Об этом и многом другом рассказал мне за несколько месяцев до своей кончины непосредственный участник тех событий Сергей Семёнович Песоцкий (родился 6 мая 1926 года, умер 2 августа 2004 года). Он начинал свою трудовую биографию в локомотивном депо, поднимал на производственные высоты машиностроительный завод, потом немало сделал для ишимцев на посту председателя горисполкома.

Сергей Семёнович говорил, что ему никогда не забыть приветливость, дружелюбие и радушие, с которыми в середине прошлого века он был встречен в депо. У локомотивщиков, этих удивительных людей, как правило, было небольшое образование — 6-7 классов. Но не в институтах черпалась та теплота, с которой они учили его практическим знаниям, терпеливо, доброжелательно передавали свои рабочие навыки. Это, как считал Сергей Семёнович, врожденное

качество сибиряка, спаянного рабочим коллективом. И главное — тут прививалось исключительно добросовестное отношение к делу. Рабочий день для ремонтной бригады кончался только тогда, когда заканчивался ремонт паровоза. И никого не заботило, что давно прозвучал гудок. Вышел паровоз, закончили ремонт — можешь идти домой. И нередко бывало так, что люди, приходя на работу в 8 утра, уходили с нее лишь к рассвету следующего дня. А в 8 — снова на работу. Никто не возмущался и не ныл.

Песоцкий прошел все этапы — от помощника машиниста до заместителя начальника депо по ремонту. Работал с большим интересом и в любой должности чувствовал поддержку коллектива, потому что все и каждый делали всё возможное, чтобы быстрее закончить ремонт, не сорвать выдачу паровозов под состав, обеспечить надёжность паровоза. Деповак рабочий всё мог сделать сам, не ждал никакой опеки и даже просил не мешать. Такой душевный настрой характеризовал всех рабочих депо.

Великолепные были специалисты Максим Больных, Георгий Мошкарёв, Иван Чурак, Виктор Петухов, который стал мастером и героем соцтруда, братья Ва-

гановы... Всех не перечислишь. Здесь работали династии, старшие передавали свои традиции новым поколениям. Каждый деповчанин вносил в общее дело свою долю труда и еще сверх того. Новые красный уголок и рабочие помещения были построены методом народной стройки, в нерабочее время. Так же облагораживались производственные помещения.

— В депо у меня на всю жизнь сформировалось ответственное отношение к порученному делу, — рассказывал Сергей Семёнович, — великое уважение к Рабочему Человеку, навсегда осталась благодарность за это коллективу, начальнику депо В.А.Федосееву и секретарю парткома Н.М.Чащину.

В 1960 году Сергей Семёнович был назначен главным инженером на завод автоприцепов. Полугодом раньше директором завода назначили В.Н.Тюрина — ближайшего друга с деповских лет, и вместе им удалось многое. Завод два года был в провале, хронически не выполнял план. Ничего удивительного не было в том, что поднимать его поручили Тюрину — прирожденному лидеру, за которым любой пойдёт, не задумываясь. Ему было не занимать энергии, умений, знаний, решительности. Когда в начале 1961-го Виктор Николаевич заявил на планёрке, что завод будет работать устойчиво, раздался дружный скептический смех. Никто в это не верил.

Тюрин, Песоцкий и многие рабочие, перешедшие сюда вслед за ними из депо, привели на завод деповскую систему работы. Работали по 12-14 часов. Принесли в основной коллектив своё кредо — дело прежде всего. И в 1961 году завод начал выполнять план. Пока месячный. На некоторое время выбил из колеи пожар, уничтоживший сборочный цех и часть сварочного. Однако работа не остановилась — сборку и отчасти сварку прицепов начали на открытых площадях. Работая круглосуточно, за месяц устранили последствия пожара, перевели производство под крышу и выполнили месячный план, а потом и годовой. «Комплекс неудачника» был изжит, коллектив уверовал в свои силы.

В 1962 году В.Н.Тюрина избрали первым секретарём горкома партии. Директором завода стал С.С.Песоцкий, а главным инженером — Н.Ф.Колесник.

*Сергей Семёнович Песоцкий.
Тюмень. Март 2004. Фото автора.*

Бывшему автоприцепному, а ныне машиностроительному заводу судьба уготовила стать «локомотивом» в развитии Ишима. Тракторов в стране выпускалось много, а прицепов к ним мало. Из-за этого зимой трактора простаивали, а автомобилей не хватало. Планы заводу устанавливались высокие, приходилось использовать каждый метр производственных площадей. Но и эти возможности иссякали. Стало ясно: необходима реконструкция, строительство новых больших цехов. Вместе с реконструкцией завода и весь город получал шанс на создание необходимой инфраструктуры.

Министерство автомобильной промышленности включило завод в план реконструкции в конце 1965-го. И хотя главными тогда уже стали нефть и газ, ишимскому заводу уделяли внимание все первые секретари обкома партии. И Александр Протазанов, и Борис Щербина, и Геннадий Богомяков. Руководство области отлично понимало и государственную важность завода, и то, что город просто так не строится — только под какое-то производство. Однако проект реконструкции пришлось переделывать

Машиностроительный завод. Нач. 1980-х гг. Фото Н.П.Хрулёва.

дважды. Сначала потому, что он был рассчитан на выпуск одноосных прицепов, а завод уже выпускал двухосные. А потом — потому что потребовались 9-ти и 12-ти тонные прицепы для тракторов К-700.

Но дела с реконструкцией шли неважно — не хватало мощностей в строительстве. Деньги не осваивались, планы не выполнялись. И всё же первый новый цех завод получил в 1967 году, первый пролёт главного корпуса ввели за полчаса до 1971 года. А с 1973-го начали выпуск новых прицепов. Нарастив объёмы производства, заводчане своими силами готовили фундаменты под оборудование, переставляли и подключали его, прокладывали инженерные сети, изготавливали нестандартное оборудование, всячески помогали строителям. Сплочённому коллективу это было по силам.

На заводе сложился крепкий «костяк» единомышленников и чёткая система управления. Начальники цехов и отделов научились самостоятельно, ответственно и правильно решать крупные задачи. Самой большой наградой для Сергея Семёновича было увидеть мастера или рабочего, своей головой нашедшего правильное решение сложной проблемы.

В 1974 году по рекомендации обкома С.С.Песоцкий был избран председателем Ишимского горисполкома. К этому времени на заводе объём производства по сравнению с 1961 годом вырос в 12 раз, число работающих — с 700 до 3700

человек. Н.Ф.Колесник стал директором завода и, уверенно руководя коллективом, внёс много нового, особенно в социальной сфере.

Завод оказался значим и для города. По его заказу построен водозабор, два моста через реку Карасуль, часть канализации и водопровода, детские сады, несколько многоэтажек и общежитие. Десятки семей переселились из ветхого жилья городских окраин Дымковка и Епанчинка.

Как вспоминал Сергей Семёнович, руководившие исполнительным органом власти города в 50-60-е годы И.Н.Белов, И.А.Паутов, Е.Ф.Козлов многое сделали для улучшения облика Ишима и условий жизни горожан, умело привлекали для этого жителей. Озеленение, строительство тротуаров, дорог велось силами самих горожан и трудовых коллективов в нерабочее время. Все понимали, что это можно сделать только таким способом. Одновременно начали планомерно решать крупные проблемы: строительство жилья, канализации, водоснабжения, школ и больницы. Однако многое было только начато, а проблемы обострялись. Средства выделялись, но не осваивались из-за слабости строительных организаций и недостатка материалов.

Песоцкий, будучи в течение десяти лет членом бюро горкома, представлял в общих чертах городские проблемы. Но когда стал председателем горисполкома,

Ишимский Первомай. 1970-е. Фото В.Ф.Шохова. Из фондов ИИКМ.

действительность превзошла все ожидания — она оказалась намного сложнее. В городе назрел ряд крайне острых проблем. Так, все многоквартирные дома строились на выгребной канализации. Ассенизационных машин не хватало, свалка переполнена. Город захлёбывался в нечистотах. Сергею Семёновичу до преклонных лет снились кошмарные сны с залитыми «под завязку» выгребными ямами. Канализация строилась ни шатко ни валко. Очистные сооружения были начаты, но — не более. Мощности водопровода не хватало. А самое главное — нефункциональная система управления городским хозяйством. Все предприятия, отрасли, обслуживающие город, находились в двойном подчинении — областного управления и горисполкома, которые «выполняют свои обязанности в установленном порядке», как гласил закон. Попытки найти этот установленный порядок успехом у Песоцкого не увенчались. А двоеначалие давало возможности для манёвра — не выполнять указания ни того, ни другого, ссылаясь на того и другого.

Все ресурсы были в руках управлений. Практически исполком мог влиять на поведение этих служб только согласованием плана их производств. Остальное — уговоры и пожелания. Причём все жизнеобеспечивающие структуры действова-

ли без какой-либо увязки между собой. Это совершенно отличалось от того, к чему Песоцкий привык в депо и на заводе, где в его распоряжении единоначальника всегда были и необходимые материалы, и нужные специалисты.

Первым делом он постарался объединить усилия всех служб. Постепенно это дало результаты. Новый водозабор смогли пустить в начале 1976-го. Правда, без механической очистки воды. Затем форсировали строительство канализационного коллектора, станций перекачки, очистных сооружений. Их удалось задействовать в конце года. Брака за время долгого строительства наделали видимо-невидимо. Так, некоторые железобетонные трубы главного коллектора оказались полностью забиты землей. Их откапывали, поднимали краном и меняли. Так Сергей Семёнович познал, каково работать с недобросовестными людьми. Ведь в депо их вообще не было, а на заводе они быстро вывелись.

Ускорить строительство больницы при нехватке мощностей у строителей Песоцкому помогла идея задействовать «зеков». Соответствующее учреждение под кодовым названием ЯЦ-34\6 было рядом. Обнесли объект забором и удивили весь мир тем, что планы строительства можно не только выполнять, но и перевыполнять. Правда, специалисты-меди-

ки, побывав на стройке по просьбе председателя горисполкома, вернулись с широко открытыми глазами: нельзя, говорят, там людей лечить — не обеспечиваются главнейшие медицинские нормы! Например, гинекологическое отделение расположено в одном здании с инфекционным, нет реанимации, лаборатории и т.д. У предисполкома руки опустились...

Помогла областная власть в лице заместителя председателя облисполкома В.Д.Степанова и заведующего облздравотделом Ю.Н.Семовских. Степанов, умевший принимать ответственные решения сходу, поручил переделать проект, а сам взял на себя труднейшую задачу — переутвердить титульный список в Госстрое. Переутвердил, сметная стоимость возросла в два раза. И больницу достроили с тремя дополнительными корпусами и всем необходимым. Но это было уже без Песоцкого, которого в мае 1977 года назначили председателем плановой комиссии тюменского облисполкома.

— Всё, что удалось сделать в городе за это время, — рассказывал Сергей Семёнович, — результат исключительно дружной, согласованной работы с горкомом партии, который возглавлял А.П.Дунаев, человек высокой культуры, больших знаний и личного обаяния. Вопросы решались совместно с руководителями предприятий и учреждений города. Многие в моей жизни я бы сделал сейчас уже не так. Есть вещи, которые я сделал бы сейчас лучше, есть поступки, которых я сейчас стыжусь. Наверное, кого-то зря обидел... Всяко бывало при работе в горячке. И я извиняюсь, если допустил бестактность или грубость. Но нас всех в то время объединяло чувство единомыслия, соучастия и общего дела. Это проявлялось и в отношениях, и в разговорах, и в бескомпромиссной требовательности. Уехав из Ишима, где жил и работал в течение двадцати пяти самых продуктивных лет, я ревниво следил за городскими делами. Радовался успехам, огорчался неудачам и частой смене руководителей города, наносившей большой вред. С удовлетворением вижу сегодня, что В.А.Рейн, придя к руководству, сумел провести город через реформы 90-х годов с минимально возможными потерями, найти генеральный путь развития города в совершенно иных условиях.

Много интересного рассказал Сергей Семёнович и о тех руководителях, с которыми ему пришлось работать, и о тех временах, в которых были свои особенности. Так, когда машзавод заработал безупречно, у него не оказалось леса, потому что вышло правительственное постановление, запрещающее транспортировку круглого леса с запада на восток. Тюменская область заготавливала тогда 22 миллиона кубометров леса, но все дороги вели только на запад. Песоцкий не имел права получать лес с тюменских лесозаготовительных предприятий. Ему поставлял лес Иркутск, у которого не хватало мощностей и который срывал поставки в Тюменскую область.

«Прошу у первого секретаря обкома партии Бориса Евдокимовича Щербины, — вспоминал Песоцкий, — срочно 6 вагонов кругляка для Ялуторовска, чтобы он сделал мне доски: дескать, выручайте, проваливаем план. Через 2-3 дня он звонит, что дал команду поставить в Ялуторовск 8 вагонов леса. Но это, говорит, последнее, что я могу сделать, больше переступить постановление не могу. Работай с Красноярском, работай с Иркутском. Вот так. А вообще, с Щербиной можно было спокойно поспорить на тему, что лучше: «Москвич» или «ВАЗ»? Или вот ещё. Мне надо было подписать от имени обкома какую-то бумагу в Госплан. Борис Евдокимович приехал на пленум, и во время перерыва я к нему обратился. Он говорит: «Да во имя дела не только к первому секретарю, а к чёрту в зубы в любое время вскочим». Вот отношение к делу. И в то же время он подходил и не стеснясь говорил, что вот это и это вы, ишимцы, делаете неправильно. Разберитесь, обратите внимание. И сразу всё продвигалось вперёд.

Или вот Александр Константинович Протазанов. Это был человек-ракета, атомная бомба. Не то что на день — он на час не откладывал решение поставленного вопроса. Пример: завод стоит, сборка не идет — нет подшипников с Минска. Пиши, говорит, телеграмму: «Минск. ЦК партии, такому-то. Прошу обязать срочно отгрузить... Протазанов». Ещё случай. Я сократил отходы металла. А меня вторчермет, за то, что я лучше использую металл, штрафует за невыполнение плана по металлолому. Протазанов тут же к телефону — вызвать дирек-

тора чермета. Тот примчался — он вступил ему. У Протазанова не было обеда. Куда бы он ни приезжал, никогда не обедал. Позавтракает утром, а обедает-ужинает в 8 вечера. Рабочий день у руководящих работников никогда не был меньше двенадцати часов. Правда, последние часы, где-то с семи до восьми-девяти вечера, ты уже работал на себя. Ведь весь день трудился ради людей.

Здание тюменского Дома Советов отстроили в пять, а не в три, как планировалось, этажа благодаря Протазанову. Подобное вышло и со стадионом. За свои художества он получил три строгих выговора. Был один критерий, по которому оценивали руководителя: если он что-то сделал, но не в свой карман, а во имя дела, во имя людей, не из корысти — ограничивались строгим выговором. Но если проявил корыстолюбие — немедленно подвергался репрессиям вплоть до исключения из партии. И с должности снимался немедленно».

— Где бы я ни был, я был совершенно откровенен, — подчёркивал Сергей Семёнович. — Ну почему я должен хитрить среди единомышленников? Никаких интриг у нас и в помине не было. Я считаю, что моя жизнь прошла очень благоприятно. Что я терпеть не мог в людях? Бездельников не мог терпеть, болтунов. И совершенно не терпел нечестных людей. Для меня просто переставали существовать мздоимцы, корыстолюбцы, не державшие слова, допускавшие бесчестные поступки. Да, я видел недостатки людей и прощал их во имя достоинств, мирился с этими недостатками, если они были не во вред делу. Но никогда не прощал манкирования порученным делом и пьянства в рабочее время. Мне замдиректора достался «по наследству» на заводе — снял за пьянку. И главбуха снял за то же, хотя это не моя номенклатура была. И это было воспринято как должное и коллективом, и ими самими. И никто не оспаривал. Начальников цехов, мастеров наказывал, снимал с работы. В депо этого не надо было делать, там люди не заслуживали наказаний. Снятым с должности погибать не давал, переводил их на другую работу, более подходящую. Такая кадровая по-

литика была у нас и в обкоме. К кадрам относились требовательно, но бережно. Давали человеку возможность исправиться.

В последний год своей жизни Сергей Семёнович Песоцкий руководил ишимским землячеством — общественной организацией, созданной в Тюмени бывшими ишимцами. По словам руководителя, Ишим много лет был вторым по значимости городом в Тюменской области и весомым «поставщиком» руководящих кадров в областные организации и органы управления. Выходцы из Ишима занимали посты заместителей председателя облисполкома, начальников областных управлений, руководителей отделов обкома КПСС, предприятий и организаций Тюмени. Всех их объединяет любовь к городу своей молодости. И желание больше знать о нём. Понятие «Ишим» в землячестве объединяет и город, и район. Объединились тюменские ишимцы прежде всего, чтобы духовно сплотиться друг с другом и активнее участвовать в решении проблем своей родины. Члены землячества хотят помогать ишимцам в решении их вопросов в областных органах власти и организациях, быть посредниками, ходатаями по их делам. Ещё одна задача — дополнить своими воспоминаниями историю Ишима, сделать её более содержательной. Попутно землячество сможет решать личные, семейные проблемы бывших ишимцев. Оно знакомится с ишимскими предпринимателями, рассматривает варианты помощи в развитии их деловых связей. Свою лепту в это могут внести и те бывшие ишимцы, которые сегодня занимают должности в Тюмени и связаны с Ишимом деловыми отношениями. Почему бы не консолидировать земляков?

Будем надеяться, что нашему поколению удастся привнести в сегодняшнюю жизнь хотя бы частичку бывшего энтузиазма, с которым для людей нет ничего невозможного. С которым растут и хорошеют города. С которым люди не ноют о проблемах, а собственными руками делают эту жизнь такой, какой хотят. На радость себе и людям.

Журналы и газеты лет минувших

Г.А.ВАРЛАКОВ

Тобольская старина

Из архивных дел Боровского волостного правления

«Тобольская старина» – довольно значительное по объёму исследование, рассказывающее о жизни Тобольской губернии конца XVIII века. Его автор – Григорий Александрович Варлаков. Известно о нём немного. Как сообщает курганский краевед Н.Ю. Толстых, родился Г.А. Варлаков в 1807 году, в слободе Марайской Курганского уезда, в семье дьячка Александра Алексеевича Варлакова. Впоследствии обучался в Тобольской семинарии, в Московской духовной академии «на казенном содержании». Преподавал в Тобольской семинарии (о нём вспоминал художник М.С. Знаменский, бывший семинарист). В дальнейшем – советник Тобольского губернского правления. Состоял в знакомстве и сотрудничал с известным сибирским церковным историком протоиереем Александром Сулоцким; сам занимался историческими изысканиями в тобольских архивах. Как постоянный автор «Тобольских губернских ведомостей» опубликовал в них такие работы как «Город Ялуторовск» (№ 16 за 1858 г.), «Троицкий собор в Тобольске» (№ 36 за 1858 г.), «Нечто о городе Таре» (№ 18 за 1859 г.), «Турино» (№ 21 за 1859 г.) и другие, в числе которых – и нижепубликуемый очерк, появившийся там же в №№ 41-43 за 1860 г. и №№ 1-6 за 1861 г.

Структурно он также разделяется на две относительно самостоятельные части, представляющих собой тематически организованные подборки информации из архивных дел Боровского волостного правления Ишимского уезда 1787-93 и 1794-1800 годов. Повествование это богато насыщено фактами, причём не только из жизни собственно Пришимья, но и губернской столицы, и Тобольского края в целом. Думается, современному читателю будет интересно ознакомиться с ними, поскольку многие из них, имея общий характер, относятся и к жителям Ишимского уезда.

Текст, напечатанный в «Ведомостях», имеет ряд особенностей, которые в данной публикации сняты либо унифицированы для облегчения её восприятия, но на которые хотелось бы обратить внимание для передачи «колорита» первоначальной публикации. В частности, к таким особенностям относятся написание по старой орфографии приставок («из-» в «исчислено»; «раз-» в словах «рассмотрение», «расстояние») окончаний («-аго», «-ья»...), слитное написание частицы «не» со словами («ненашел», «неделал»...), написание некоторых слов («ассесор» вместо «ассессор», «коммиссар» вместо «комиссар», «вести» вместо «везти»), сложные инверсии вроде «количества, здесь означенных», произвольно расставленные знаки препинания, написание географических названий со строчных букв (весьма часто пишется: «сибирь», «россия», «линия» – имеется в виду Пресно-Горьковская оборонительная линия), разницей в написании учреждений («Казенная Палата» – «казенная палата» и т.п.). В целом же сохранён несколько сухой и документальный авторский стиль.

В архиве Боровского волостного правления Ишимского округа сохранились дела конца XVIII ст. Дела эти и дела первых годов настоящего столетия доставлены ныне в канцелярию общего губернского управления.

Из дел, рассмотренных за 1787, 1788, 1789, 1790, 1791, 1792 и 1793 г., видно, что всё, что делалось в Тобольском наместническом правлении для всеобщего сведения, то доходило официально и до волостных судов (ныне волостных правлений). Пожар в 1788 г. истребил город Тобольск, а с ним и губернский архив без остатка. Новый пожар в 1806 г. истребил в губернском правлении также много дел, бывших в производстве и еще не сданных в губернский архив. А посему бумаги даже волостных судов не могут не быть интересными за недостатком бумаг губернского архива. Но в бумагах волост-

ных судов есть и местные распоряжения, любопытные для края. Представляю извлечение из них более любопытного для жителей Тобольска и Тобольской губернии.

Тобольск

Из повсеместных по губернии публик видно, что в 1787 г. вызывались желающие на исправление в Тобольске губернаторского и постройку вице-губернаторского и обер-комендантского домов; на что по сметам исчислено было 4410 руб., а также на возведение новых каменных построек в Тобольске. Из публик 1789 г. о божавших с работ колодниках видно, что в Тобольске в 1789 г. строился казенный рабочий дом и острог. Это старый острог, существующий и ныне, который в настоящем году перестраивается для арестантской роты. Подрядчик постройки был некто Выродов.

Город Тобольск в 1788 г. 17 и 18 апреля почти весь был истреблен пожаром. Вместе с богатыми раззорились окончательно и бедные. Правительство приняло меры дать приют и пищу бедным. Между тем нашлись и благотворители. Один крестьянин Курганского округа Арлагульской волости Андрей Бураков в 1788 г., тотчас, как дошла весть о пожаре, отдал без возврата и без платы, для раздачи бедным и нищим города Тобольска муки ржаной 350 пуд., пшеничной 90 пуд., полбенной (пшеничной) 80 пуд., круп лущеных 100 пуд., а всего 620 пуд. О таком добром деле распубликовано по всему наместничеству, в том числе и по Ишимскому округу.

По случаю истребления города Тобольска пожаром вызывались в 1788 г. в город работники из округов, знающие плотничное мастерство и даже всякие работники бездомовые и не занимающиеся хлебопашеством.

Воспрещено было наместническим правлением волостным судам покупать писчую бумагу на ярмарках у продавцов российских, на 1789 г., а обещано прислать ее из Тобольска с фабрики купца 1-й гильдии Василья Корнильева. Это сделано, вероятно, в поощрение местному фабриканту. За две стопы такой бумаги 3 и 4 № выслано 3 руб. 20 коп. То же делалось и в следующие годы. В 1792 г. фабрикант Корнильев обязался контрактом поставлять писчую бумагу во все волостные суды с 1793 г. на четыре года по прежней цене. Этот фабрикант бумажной фабрики завел в Тобольске в 1789 или 1788 г. типографию, в которой намеревался производить в первый раз печатание книг в российском диалекте гражданскими литерами, а на будущее время надеялся печатать и на разных иностранных. О чем и было распубликовано в мае 1789 г. по предписанию наместнического правления. И действительно он напечатал в несколько лет довольно книг и печатал бланки для губернского правления и других присутственных мест. Так, в 1791 г. он отпечатал в своей типографии юридический словарь, тот, кото-

Статья Г.А.Варлакова в «Тобольских губернских ведомостях». 1861. Библиотека ТТИАМЗ.

рый был издан и напечатан при Императорском Московском университете, с прибавлением состоявшихся по разным материям с 1788 по 1791 г. указов. По одному экземпляру этого словаря разослано в 1792 г. во все присутственные места и волостные суды Тобольского наместничества. Цена во французском переплете 3 руб., в голландском 2 руб. 50 коп. Снова в 1792 г. Корнильев отпечатал книгу «Экономическое и физическое описание». Эта книга также разослана по всем волостным судам в феврале 1793 г., с тем чтобы выслано было по 3 руб. за экземпляр для выдачи Корнильеву.

(Примечание 1: Доселе известны были книги, отпечатанные в типографии Корнильева в Тобольске: 1. Библиотека ученая и экономическая в 12 томах, 2. Иртыш превращающийся в Иппокрену, 3. Краткое показание о бывших, как в Тобольской, так и во всех сибирских городах и острогах, с начала взятия Сибирского Государства, воеводах и губернаторах и прочих чинах, и проч. Эти книги не составляют библиографической редкости: они часто встречаются на толкучем рынке. Но о юридическом словаре и физическом описании, разосланных в волостные суды, я до сих пор не имел сведений и никогда нигде не встречал их.)

Чтобы купцы Тобольские не возвышали цену на продаваемое мясо, предписано было им представлять в управу благочиния билеты, кои

Тобольск. Гравюра Каразина. 1894.
Из издания «Живописная Россия. Том XI. Западная Сибирь».

должны быть выдаваемы на местах покупки от волостных начальств, для поверки и соображения. Но этих билетов купцы не брали частию по оплошности, частию по невозможности. В 1790 г. много было пригнано скота в Тобольск. Скот был куплен в округах Ишимском, Омском, Тарском, Ялуторовском, Курганском, Каинском, Ачинском и Колыванского наместничества в Семипалатинском. Цены на мясо поднялись. Полиция потребовала понижения цен. Продавцы мяса не согласились. Полиция потребовала от них билетов, они не имели их. Дошло дело до наместнического правления. Правление опубликовало по всем округам, чтобы при всякой продаже Тобольским торговцам скота были выдаваемы билеты о продаже каждой скотины, с означением цены.

Винокуренные заводы и вино

Успенский винокуренный завод в 1788 г. принадлежал заводчикам Походяшиным. (Примечание 2: См. мою статью о постройке Успенского винокуренного завода. Тоб. Губ. Вед. 1859 г. № 50.) Правитель наместничества Александр Васильевич Алябьев в декабре 1789 г. дал Ишимскому капитану-исправнику Богданову ордер, в случае если приедут нарочные от заводчиков Походяшиных закупать хлеб для Успенского винокуренного завода, то препятствия им в том не делать.

В 1789 г. были сделаны вызовы к торгам в казенную палату на поставку вина с 1791 г. на четыре года в города Тобольск 36396 вед., Тару 5738, Омск 11292, Ишим 14704, Ялуторовск 9207, Тюмень 9936, Туринск 4396, Сургут 1417, Томск 18766, Ачинск 6034, Каинск 4275, Березов 3141, Нарым 4706, Енисейск 18643, Туруханск 2633, с осминами, всего 152803 вед. 5 осм.

В 1789 г. делались вызовы на перевозку вина из винокуренных заводов Петровского (Ялут. округа) и Боровлянского (Курганского округа) на 1789 и 1790 г., именно из Петровского в Омск 16248 вед., Тару 6724, Тобольск 2142 вед., Ялуторовск 2982 вед., все с осминами, итого 28098 вед., из Боровлянского в города Уфимского наместничества Челябинск 14066 вед., Троицк 5454 вед. с осминами, итого 19520 вед. 5 осм., да водки в Челябинск 500 вед., Троицк 200, итого 700 вед. Оба завода Петровский и Боровлянский были уже казенные.

Существовал в 1789 г. и Екатерининский винокуренный завод и принадлежал казне. В 1789 г. делались вызовы желающих на поставку в этот завод, равно в Петровский и Боровлянский медной посуды. Уковской винокуренный завод Ялуторовского округа принадлежал также казне. (Примечание 3: См. в той же статье об Успенском винокуренном заводе.) В 1791 г. был еще завод винокуренный Каменский Енисейского округа.

В 1791 г. наместническое правление требовало выслать из округов, на место бежавших крестьян 100 чел. производящих малое хлебопашество, или вовсе не имеющих домообзаводства, для производства работ в Петровском винокуренном заводе, конечно, за плату.

В 1792 г. наместническое правление предписало неплательщиков податей высылать в заработку на казенные винокуренные заводы.

В 1790 г. предложено крестьянам Ишимского округа везти хлеб для продажи в Екатерининский винокуренный завод, где он покупается по 17 коп., а в Ишимском округе на месте продается далеко дешевле. В 1792 г. делались по Ишимскому, Курганскому и Ялуторовскому округам крестьянам предложения везти хлеб на

Екатерининский винокуренный завод, где и обещано платить по 15 коп. за пуд. В 1795 г. Контора Екатерининского завода платила за муку по 18 коп. за пуд, но чтоб охотнее крестьяне везли хлеб, муку и рожь и притом везли в большем количестве, так, чтобы можно было сделать запас по случаю предстоящей большой выкурки вина, разрешено было казенною палатою платить от 18 до 22 коп. за пуд.

В 1791 г. Тобольский мещанин Коклягин заключил с Тобольской казенной палатой контракт на приготовление с апреля 1791 г. по 1793 г. для питейных домов Тобольской губернии пива. Годовая пропорция пива требовалась для Тобольска 2403 вед., Тары 2184, Омска 220, Ишима 790, Кургана 102, Ялуторовска 321, Тюмени 1890, Туринска 175, Сургута 218, Березова 30, Томска 1600, Ачинска 3876, Нарыма 818, Каинска 456, Енисейска 18555, Туруханска 1583, всего 35201 вед. Кроме того, производить варку пива и для сельских питейных домов, на местах, чтоб оно не портилось от перевозки. Плата 10 1/2 коп. за ведро. Тот же Коклягин заключил другой контракт в 1791 г. на приготовление и поставку для питейных домов Тобольской губернии водки ординарной и сладкой (подслащенной медом и сахаром) из казенного вина с 1 апреля по 1793 г., с употреблением собственных специй: для ординарной — анису, для сладкой — лимонной и померанцовой корки. Требовалось первой для Тобольска 720, второй — медовой и сахарной по 75, Тары 149 и по 8, Омска 332 и по 12, Ишима 388 и по 11, Ялуторовска 222 и по 4, Тюмени 176, Туринска 70 и по 2, Кургана 107 и по 3, Березова 1 и по 1, Сургута 5 и по 3, Томска 133 и по 10, Ачинска 15, Нарыма 34 и по 4, Каинска 10, Енисейска 121 и по 8, Туруханска 1 и по 1, итого ординарной 2484, сладкой — медовой и сахарной по 147 ведр. Цена за двоение водки со специями и пр. материалом 39 коп. за ведро. Для обеспечения этих подрядов представлены в залог за Коклягина Тобольским именитым гражданином Федором Федоровым Кремлевым состоявшие в Тобольске на нижнем посаде в Воскресенском приходе оцененные правившим архитекторскую должность землемером Уткиным в 2000 руб. деревянные магазины (уже давно не существующие) и поручительство Тобольского 2-ой гильдии купца Андрея Афанасьева Полуянова.

Соляные магазины и соль

В 1787 г. предполагено было во всех городах Тобольского наместничества построить соляные магазины. Для этого делались вызовы подрядчиков. В 1790 г. предполагено было построить таковые магазины на каменных фундаментах в 16 городах. Снова делались вызовы. В 1793 г. вызывались желающие на постройку соляных магазинов в городах Кургане, Тюмени, Ишима и Березове.

Соль от казны в 1790 г. продавалась по 35 коп., в 1791 г. по 40 коп. за пуд.

Софийский кафедральный собор в Тобольске. Гравюра Каразина. 1894. Из издания «Живописная Россия. Том XI. Западная Сибирь».

В 1791 г. делались вызовы, к перевозке из Корякова в магазины разных городов Уфимской губернии, на 1702 г. соли 41035 п. 13 ф.

В 1792 г. делались вызовы на перевозку соли колыванских магазинов в 7 городовых магазинах Екатеринбургской области 231472 пуд., в 4 города Тобольского Наместничества 48014 пуд., всего 279486 пуд.

Цены

Один рекрут нанят был за 200 р. Из жалобы одного крестьянина 1788 г. видно, что он сторговал у одного крестьянина 3 рогатых скотины (коровы) за 8 руб., у другого 2 скотины по 6 руб. и дал задатку, но те скотину перепродали другим покупателям первый за 9 руб., последний за 7 руб.

В Боровском селе, Коркинской волости, была станция. Ямщик в 1791 г. взялся содержать 6 почтовых лошадей за 109 руб. Один крестьянин в Боровском селе подрядился у ямщика держать три пары лошадей в течение 1793 г. за 105 руб.

Один купец Вологодского наместничества Козлов сделался несостоятельным. По вступившим на него вексельным претензиям предписано было в 1792 г. арестовать его, где он найдется, и товары конфисковать. Была прислана опись его товаров на 41946 р. 20 к., находящихся в Сибири у разных приказчиков, состоящих из пушнины. Вот цены, какие означены в

реэстр: котихи по 3 р. за штуку, корсаки по 1 р. 10 к., кошки по 25 к., недопески по 1 р. 50 к., пара лап лисьих передних по 40 к., задних по 25 к., черных по 3 р., чернубурых по 1 р. 50 к., сиводушчатых по 90 коп., собольих по 15 к., белки 12 р. — 14 р. сотня, бобры немецкие по 10 р. штука, серки архангельския (нерпы) 1 р. 30 коп., мех кошачий 3 р., пола песцовая голубая 12 руб., шуба лапчатая 30 р., шейки гагарьи 2 р. десяток, мех гагарий 12 р., подчеревок бобровый 4 р. Имел он 2 пая в камчатском вояже на 1800 руб., и много русских товаров в Иркутске.

Свинец

Делались в 1792 г. вызовы желающих к перевозке из Нерчинска в колыванские заводы и в Екатеринбург свинцу от 25 т. до 30 т. пуд. в каждый год. Условие было — в первый год довести до Верхнеудинска, перезимовав летом 1793 г., сплавить до Енисейска, перезимовав в Енисейске, везти далее и представить в Колывань и Екатеринбург в сентябре и октябре 1794 г. Так делать каждый год. Возчики просили по 1 руб. 97 коп. за пуд. Делались публики, не возмет ли кто дешевле.

Дороги

Исправление дорог делалось просто. В 1790 г. из разных волостей предписано немедленно выслать к 10 сентября, для исправления дороги к Таре, со 100 ревизских душ по 3 конных, по 10 пеших с запасами, топорами, долотами, напарьями, заступами.

Сельский заседатель 11 сентября 1791 г. предписал Чулинскому волостному суду того же числа, по получении предписания, на вновь пролагаемую к Таре дорогу отправить в Абацкую 109 человек при списке; также для починки мостов на Готопутовском волокe 10 человек с лошадьми, телегами, топорами, под надзором десяцкого.

Из жалобы крестьян Костылевской волости 1793 г. на то, что Боровская волость, находящаяся на большом тракте, в которой они содержали в течение 5 лет 6 лошадей для подводной гоньбы, на вспоможение жителям той волости, требует вновь такового же вспоможения, видно, что жители Костылевской волости, против прочих волостей, были более отягощены в течение 5 лет устройством вновь проэктированной от Тобольска к городу Таре дороги и сверх того несколько лет исправлением дороги, лежащей чрез Готопутовский волок и починкою по ней мостов и гатей.

Торговля в Ирбита и с Китаем

Из публик 1790 г. видно, что 24 апреля 1790 г. в бывший в Ирбита пожар, сгорели обывательские дома, казенный гостиный двор и общественные торговые лавки. Чтоб не лишиться выгод от ярмарки, ирбитское градское общество приняло на себя постройку назначенных по пла-

ну гостиного двора лавочных рядов, на приезд иногороднего купечества и торгового народа, и нужного числа квартир к ярмарке 1791 г. Общество просило опубликовать везде, чтобы торгующие ехали в 1791 г. на ярмарку без всякого сомнения о квартирах, и было распубликовано.

Правивший должность генерал-губернатора Иркутского и Колыванского, генерал-поручик и кавалер Иван Альфонсович Пиль, в 1792 г. донес Правительствующему Сенату, что бывшее закрытие торгового между российским и китайским купечеством, производимого 8 февраля, 1793 г. разрешено. Об этом распубликовано наместническим правлением.

Больницы

В 1785 г. было предписано наместническим правлением соглашать жителей заводить по селам госпитали и больницы для больных, зараженных так называемою заразительною болезнью (сибирскою язвою) и страждущих от других болезней, дабы медицинские чины при проездах могли подать скорую помощь. В 1789 г. снова подтверждено. Но были ли заведены, неизвестно.

Нищенство

Если какой крестьянин окажется беден от праздности или пьянства, не будет поэтому платить податей и оттого будет обществу в тягость, то такового, по представлению директора домоводства Мыльников, казенная палата в 1787 г. предписала отдавать в заработку кому-нибудь в обществе или в заводы, для исправления.

По сообщению палаты уголовного суда наместническим правлением в 1788 г. предписано наблюдать, чтоб крестьяне и поселенцы по миру не ходили, а занимались бы хлебопашеством и имели домообзаводство.

В 1789 г. обзиревал Тобольскую губернию правитель наместничества Алябьев и между прочим заметил много шатающихся нищих, в числе коих оказались годные в солдаты, способные к работам. Он предложил искоренить бродяжество нищих. В наместническом правлении выведены на справку прежние указы 1718, 1722, 1723, 1730, 1736, 1742, 1758, 1771 и 1781 г. И наместническое правление предписало городничим, комендантам и нижним земским судам искоренить бродяжество нищих, где же окажутся, там с волостей взыскивать штраф по 5 руб. за каждого.

Поставка провьянта

Каждогодно делались вызовы подрядчиков на поставку провьянта для всех военных магазинов в городах и на линии в крепостях и редутах. Но многократно также было предписано приохачивать крестьян везти свой хлеб на продажу в линейные места, обещано и деньги платить крестьянам за хлеб без задержания, но успеха не было. Крестьяне не везли. Тоже было

*Тобольск. Подгорная часть. Гравюра Петрова.
Из издания «Живописная Россия. Том XI. Западная Сибирь», 1894.*

подтверждено и в 1788 г., но успеха также не было.

Волостные суды, Ишимский Земский Суд. Ишимский округ, город Ишим

Вместо нынешних волостных правлений, были волостные суды, а до учреждения сих судов мирские избы. В волостных судах были даже и зеркала и на столах красное сукно, но в 1787 г. такая присутственных мест мебель отменена, и предписано выслать зеркала для хранения в ишимский нижний земский суд, а учрежденные обществом (какие-то) станки отменить.

Волостные суды в Ишимском округе были: Соколовский, Армизонский, Петропавловский, Локтинский, Тоболовский, Устьламинский, Клепиковский, Казанский, Малышенский, Медведский, Бердюжский, Уктусский, Черемшанский, Боровский, Челноковский, Чупинский, Ларихинский, Гагарьевский, Жилияковский, Сладковский, Становский, Арамашевский, Костылевский, Фирсовский, Узловский, Абацкий, Камышенский, Чуртасский, Готопутовский, Утчанский, Ильинский, Афонкинский, Полуденский, Росказовский, Красноярский, Средне-Чирковский, Суминский, Яровский, Чемивский, Ричказовский, Частоозерский, итого 42.

Все ли это, или еще какие были в Ишимском округе, не знаю. Столько упомянуто их в разных бумагах за семь лет. Но ныне волостных правлений считается в округе 30.

Всем округом управляли капитаны-исправники. Так титуловали их в официальных бумагах. Но сами они подписывались по должности исправниками. В земских судах присутствовали дворянские и сельские заседатели.

В Чупинской волости было в 1788 г. 9 деревень, государственных крестьян 866, не платящих податей солдат 7, ссыльный 1, итого 874; хлебом разного рода, коноплю и льном засеяно было 2530 десятин. Крестьяне сеяли только рожь, ярицу, пшеницу, ячмень, овес, горох, лен и коноплю, а просы и гречи вовсе не сеяли. В Ишимском округе было 20 почтовых станций.

В Боровской волости в 1792 г. была одна церковь деревянная, деревень 9, питейных домов 1, мельниц водяных 8, ветреных 3, домов обывательских 240, озер 43, рек и речек 6, мостов 3, государственных крестьян по 4 ревизии 868 душ, но за выбытием в другие округа, исключением из подушного оклада и прибылью на лицо, 855 д., с них годового в казну дохода 3227 р. 62 1/2 к., что приходится по 3 р. 77 1/2 к. с души. Ярмарок 4, именно в селе Боровском, при церкви — 8 ноября и 8 июля, в деревне Кошкарагайской, при часовне, в 9-ю неделю по Пасхе в пятницу и 24 ноября.

По требованию Ишимского городничего нижний земский суд в 1789 г. предписал, чтоб крестьяне для покупок из лавок приезжали в город в субботу, и привозили для продажи свои изделия в субботу, а не в воскресные дни, когда по Соборному Уложению и особым указам 7175, 7191, 7192 и 1718 г. торговать в лавках было воспрещено, кроме маркитантов и то после обедни, но чтоб съестные припасы и конские кормы привозили на рынок во всякое время.

Город Ишим образован из Коркинской слободы. К ведомству Коркинской слободы принадлежали прежде волости Тоболовская, Черемшанская, Локтинская, Клепиковская, Ларихинская, Боровская и часть Гагарьевской. Это видно из указа 1791 г.

20 июля 1793 г. предположено было освятить каменную церковь в нижнем апартamente во имя Богоявления Господня, построенную в г. Ишиме. По этому случаю по Ишимскому округу сделаны были публикации и приглашения желающих присутствовать при освящении.

Так как во всех волостях Ишимского округа были сельские запасные магазины, то в 1788 г. предписано было земским судам непременно и немедленно выстроить таковые магазины для получетверикового хлеба, такой величины, чтобы в них могло поместиться не менее 300 четвертей.

В 1788 г. наместническое правление предписало по всей губернии не принимать по волостным судам в писчики (писаря) людей наказанных и людей, лишенных доверия, и чтобы поселяне непристойных игр не дозволяли.

В 1788 г. не было воспрещено пускать палы, но чтобы это было делано с осторожностью, и для того, чтоб огонь не распространился далеко, предписано было иметь караул из поселян, а в 1789 г. дозволено не иначе, как по предъявлении наперед волостному начальству. В 1791 г. снова подтверждено иметь осторожность при пускании палов, по случаю пожара, происшедшего в лесу близ Каменского винокуренного завода Енисейского округа.

В 1787 году директор Мыльников заметил на мирских сходках страшные беспорядки. По его предложению предписано было, чтоб на сельские сходы съезжались не все, но по очереди, не горланы и не пьяницы и развратники, а люди честные, трезвые, добрые, почтенные, и из каждого десятка по 3, как депутаты, входили бы в волостную избу и там рассуждали о деле, а прочие, пока рассуждение не кончится, туда входить не смели бы и не мешали делу.

Ишимский нижний земский суд в 1788 г., узнав, что во время проездов не только присутствующих или секретаря и канцелярских служителей, но даже и нарочно посылаемых из суда казаков, старосты делают им подарки из народной суммы, что почитается за злоупотребление, предписал волостным судам (вероятно во избежание слухов, доходящих до высшего начальства, или по случаю известия о преднамеренном путешествии губернатора Алябьева), чтобы впредь никому ни под каким видом подарков делаво не было, а если это еще дойдет до сведения суда, то старосты, как ослушники, преданы будут суду по законам.

В 1787 г. земский суд предписал волостным судам никому, кроме чинов земского суда, обывательских лошадей не давать без особого предписания.

В 1787 г. в Ишимском и в других округах был неурожай хлеба от сильных жаров. В 1787 и 1788 г. директор хозяйства и домоводства (экономии) при Тобольской казенной палате Андрей Андреевич Мыльников ревизовал округа Тобольского наместничества. При ревизии он заметил множество разных беспорядков и не-

*Вид курганов в степи.
Гравюра Панова. 1894.
Из издания «Живописная Россия,
Том XI. Западная Сибирь».*

исправностей и все исправлял и направлял к доброй цели своими предложениями. Эти предложения его передавались в волостные суды или прямо из земских судов, или по сообщениям казенной палаты из наместнического правления. Между прочим при обозрении он заметил у крестьян большое затруднение в посеве хлеба на 1788 г., по неимению его у многих. 27 февраля 1788 г. он сделал воззвание по всем волостям Ишимского и других округов: собрать сведения 1., о числе полей, приготовленных для посеяния ярового хлеба, 2., о числе крестьян, производящих хлебопашество, заготовивших осенью таковые поля, но не имеющих у себя ни семян для посев, ни денег на покупку их, и потом предложить обществу сделать сбор пожертвований семенами или деньгами или сбор одолжений тем и другим, и сколько будет собрано хлеба, раздать по числу душ и полей, на деньги же купить семена и также раздать; получившие ссуду обязывались возвратить, если будет хороший урожай, тотчас же, кто чем у кого взял, деньгами или хлебом. Пожертвования должны быть совершенно свободные, а не принужденные. На это воззвание отозвались общества полным усердием. Из того же возвания видно, что первый пример к сборам и пожертвованиям подали крестьяне Тарского округа Логиновской волости. В волости оказалось 77 не имевших средств пропитать себя, и 15 человек, не имевших семян для посева. И вот 9 человек дали 390 руб. и убедили общество присоединить к тому хранившиеся в волостном суде-складочные рекрутские деньги 340 руб., что и составило 730 руб. Один крестьянин, имевший у себя лишних 50 руб., отдал их безвозвратно бедным соседственной Копьевской поселычичьей волости. Вслед за тем стали жертвовать и в других волостях. Пример Тарских подействовал на другие округа. Из указа наместнического правления от 27 октября 1788 г.

видно, что добродушные крестьяне Ялуторовского округа дали в ссуду разного хлеба 603 четв., денег 1805 р. 51 к., Курганского – хлеба 575 четв. 2 четв., денег 1252 р. 50 к., Ишимского – хлеба 807 четв. 5 1/2 четв., денег 4311 руб., Тарского – хлеба 150 пуд. и мерою 25 четв., денег 5164 руб., а всего по 4 округам хлеба мерою 2010 четв. 7 1/2 четв. и весом 150 пуд., денег 12555 руб. 1 коп. Были такие крестьяне, кои давали в ссуду по 100 руб. и больше, а некоторые безвозвратно по 50 руб. и хлебом на такую же сумму и больше. В числе таковых 11 человек крестьян Боровской волости дали в ссуду хлеба 2 четв., деньгами 100 руб. и один из них 25 руб. За все это по представлению директора экономии Мыльниковца, с сообщения казенной палаты, местническое правление изъявило крестьянам чрез опубликование благодарность. Такие жертвы и ссуды в тогдашнее время значили много.

Ширванский полк

В 1791 г. Ширванскому полку назначено квартирование в Ишимском округе, и он квартировал.

Для Ширванского полка жители давали квартиры, как самим военным чинам, так и их лазаретам, их хлебным магазинам, извозчикам полка, с их лошадьми, устроили для них конюшни, сеновалы и проч., должны были для провоза им устроить дороги, мосты, что делали на малых трактах к отведенным ширванцам сенокосам. Полк квартировал в разных волостях и деревнях.

Сибирская язва

В 1787 г. в Тюменском, Туринском и Курганском округах по причине жаров произошел упадок скота и на людях открылась заразительная болезнь (сибирская язва). Наместническое правление неоднократно прежде предупреждало иметь предосторожности против этой болезни, но в 1787 г. снова подтвердило Тюменскому коменданту, Туринскому городничему, Тюменскому, Туринскому, Курганскому, Ишимскому нижним земским судам, равно и прочих городов, где свирепствовал упадок, как-то Тобольскому, Каинскому, Ачинскому, Енисейскому и Нарымскому городничим, Томскому, Тарскому и Омскому комендантам и нижним земским судам держать скотину на сухом корму, а если на сырой траве, то поливая ее солью, для пастбы отвести особые пастбища на открытых местах при проточных водах, если все это будет безуспешно, то сделать обвозные дороги, по трактовым не ездить и никого не пускать, при болезни на людях поступать по силе данных в 1771 г. наставлений. То же подтверждено было и в 1788 г. по донесению директора домоводства Мыльниковца, обозревавшего округа.

Для прекращения сибирской язвы принимаемы были многие средства. Между прочим в январе 1791 г. губернатор Александр Василье-

вич Алябьев разослал по округам сочиненное правившим должность Тобольского доктора коллежским асессором и штаб-лекарем Петерсеном из разных известий для пользования людей и скота в болезни, называемой в Сибири ветренною или воздушною язвою, краткое описание (печатное), опытом доказанное, и внушение сельским жителям, что *сие изысканное средство* точно может служить во время (отчего Боже сохрани) несчастного приключения, единственно к собственному их избавлению. Денег потребовано за каждый экземпляр по 5 руб., в пользу Приказа Общественного Призрения.

В 1792 г. в Ишимском округе снова открылась язва: в две недели в 3 деревнях Гагарьевской волости пало 77 лошадей и рогатого скота 29 голов, в руде Сенжарском 20 лошадей. Предписано строжайше чрез волости, где упадок, не ездить. В 1795 г. снова, и упадок сильный, так что в одной Боровской волости пало из 1475 лошадей 130 с 3 июля по 15 августа.

Почтовые дороги и лошади. Почтовая и земская гоньба. Злоупотребления

Было неоднократно предписываемо, чтоб земское начальство озаботилось избавить поселян от напрасного отягощения, наносимого им от издревле укоренившегося в Сибири обыкновения ездить на обывательских подавах каждому или за ничтожные прогоны, или даром, но это не исполнялось: ибо по проселочным дорогам общества содержали столько же лошадей для гоньбы, сколько на больших почтовых трактах, что было совершенно обществу в тягость. Предписано доставить по этому случаю подробные сведения, чтоб можно было сделать надлежащее распоряжение. Далее усмотрено, особенно на Карачинской станции Тобольского округа, где всего было только 7 крестьянских дворов, а всех лошадей только 15, что проезжавшие по подорожным чиновные люди требовали лишних лошадей при непомерной тяжести клади и лишнем числе людей; в случае разгона или безсилия лошадей били крестьян, не платили прогонов. Об этом доходило до правительства жалобы. Это также заметил при ревизии директор домоводства Мыльников. Предписано было в 1787 г. со стороны местнического правления и частию нижнего земского суда, чтобы проезжающие чиновники не требовали обывательских лошадей без платы прогонов и чтоб им таковых даром даваемо не было, чтобы пассажиры не требовали лишних лошадей, кроме означенных в подорожной, чтоб они имели в своих повозках столько тяжести, сколько положено на лошадь, т.е. в хорошую погоду по 10, в худую по 8 пуд, как требовалось указами 7 февраля 1721 г. [и] 25 марта 1731 г., чтоб пассажиры платили за загнанных или надсаженных лошадей, как требовалось указом 1729 г., чтоб курьеров возили по 12 верст, проезжающих по 10 вер., в худую погоду по 11 и по 8 вер. в час и проч.; в 1789 г., чтоб не име-

*Степные наездники.
Гравюра Дмоховского. 1894.
Из издания «Животисная Россия.
Том XI. Западная Сибирь».*

ющим подорожен почтовых лошадей вовсе даваемо не было.

В 1786 г. директор экономии Мыльников при обозрении Ялуторовского округа нашел в нем множество дорог, кои время от времени от множества проезжающих делались почтовыми, отчего жители терпели великое отягощение, быв принуждены поставлять лошадей для проезжающих. Почтовые по сему округу назначены были только от Тюмени к Ялуторовску, от Ялуторовска в Курган. На деле оказалось больше. К Ялуторовску лежит пять дорог: 1 от Ивлева перевоза, 2 от Тюмени, 3 из Шадринска, 4 из Ишима, 5 из Кургана и сверх того все проезжающие в глубину обширной Сибири, равно и едущие из Сибири в Россию чрез Шадринск, проезжают чрез Лыбаеву деревню, лежащую от Ялуторовска в 20 вер., минуя Ялуторовск (следовательно прямой торговый тракт чрез Лыбаеву открыт не в XIX, а еще в XVIII ст.) Директор Мыльников в учрежденном в Лыбаевой волостном суде рассматривал заведенную проезжающим записку, в которой показан великий разгон лошадей, нашел, что это причиняет великое отягощение сельским жителям, и они терпят от проезжающих притеснения, кои на малых дорогах весьма [не]удобны. По распоряжению начальства, нижним земским судом было предписано волостному суду не имеющим подорожен [не] возить, а имеющим их не давать лишнего числа лошадей, но это не помогло. Проезжающие требовали лошадей с угрозами. Такие угрозы им делать тем легче, что они едут далеко от губернского города, в котором можно было бы принести на них и жалобу, и где можно было бы потребовать и отчета от проезжающих. Эта крайность заставила жителей учредить станы, кои некоторые исправляют наймом, а другие по очереди нарядом. Ялуторовские поселяне содержат в городе Ялуторовске 15 пар наймом, а в Лыбаевой по очереди 6 пар, понеделно; а в случае недостатка их делают наряды, отчего бедные крестьяне принуждены бывают оставлять полевые работы. К большому отягощению, про-

езжающие платят только по 1/2 к. на версту и, забирая большее число подвод, платят за малое. Это делают даже купцы, едущие на ярмарки Макарьевскую и Троицкую, особенно на последнюю с Линии, из Кольвани и Иркутска, кои везут под собою даже товары. Таким разгоном обременены жители Ишимского округа и других, чрез которые пролегают тракты, и тем более, что жители не успели еще обзавестись лошадьми после бывшего упадка, так что крестьяне имели только по одной лошади, а многие и ни одной не имели. Директор Мыльников, к отвращению отягощения крестьян, дал мнение не давать подорожен для проезда не по почтовым дорогам. Поворот с почтовой дороги был из села Вознесенского, Каинского округа, в 17 вер. от него, на Ишим, Ялуторовск, Шадринск. Но его мнение было и такое – не препятствовать ездить не по почтовым дорогам, только чтобы ехали по паспортам, а не по подорожным, и платили по 1 коп. на лошадь и версту, что было бы и выгодно для крестьян. Казенная палата представила мнение Мыльникова правившему должностному генерал-губернатора Евгению Петровичу Кашкину. Он предложил Тобольскому наместническому правлению, а правление снеслось с Иркутским и Кольванским наместническими правлениями и с бывшими на сибирских линиях генерал-поручиком и кавалером Огаревым и генерал-майором и кавалером Федцовым, и само распорядилось о прекращении выдачи подорожен из Кольвани, Иркутска и с Линии, равно из Екатеринбурга (от обер-коменданта), Шадринска (от коменданта), Тюмени (от городничего) на тракты не почтовые, с предоставлением свободы ехать по проселочным дорогам по личному договору с крестьянами. Но предписание и распоряжение не имело успеха. Поступивший на место Мыльникова директором экономии Розинг при обозрении округов в 1791 и 1792 г. нашел те же злоупотребления и беспорядки. В Кобырдатской волости Омского округа ему принесена жалоба, что по тракту от Ишима в Омск волость содержит в деревне Колмаковой 89, в Тюкалинской слободе 18, в деревне Андронкиной 220, Белишевой 52, итого 379, из коих выставляет на станции по 18 лошадей; на это содержание выходит у них ежегодно по 809 руб. К тому Исетская волость прислала к нему прошение, в котором изложено, что по 4-ой ревизии считается в ней 871 душ, а содержит безотлучно 24 лошади для разгона по семи проезжим дорогам, да кроме того еще бывает наряд по немалому числу, а между тем соседние волости такой тяжести не несут. Потому общество просило, чтобы соседние волости делали им в этом помощь. В экспедиции экономии было росписание почтовых лошадей, по коему от Тобольска к Ишиму и оттуда к Омску назначено иметь почтовых лошадей по 6, от Ишима к Петропавловску по 4, от Тобольска в Пермь по 12, к Ялу-

торовску по 2, от Тюмени к Шадринску и Ялуторовску по 2, от Ялуторовска к Кургану по 2, от Тобольска до Томска по 12, от Томска по 10, от Ачинска к Енисейску по 4, от Тобольска к Березову, от Самарова к Сургуту и от Томска к Нарыму по 2. Следовательно, не было надобности содержать лишних лошадей, что запрещено было и указами 1720, 1725 и плакатом 1724 г. Розинг подал мысль в Вознесенском селе и в Шадринске, где поворот на проселочную сибирскую дорогу, поставить 4 унтер-офицеров (из них двоих грамотных) для осмотра подорожен и направления проезжающих по почтовым дорогам, или пропуска на проселочную дорогу с платежом по вольным ценам. Это мнение принято и опубликовано в 1792 г. При чем поставлено в строгую обязанность, в случае незаконного требования лошадей или недоплаты денег, тотчас приносить жалобы. Но успеха, как и прежде, конечно, не было. Что могли сделать волостные начальники, против какого-нибудь чиновника, особенно против более знатного? Что могли сделать против военного? Не будет ли снисхождения к обидчику и со стороны земских чиновников, если проезжий чиновник старше их, или и равен им?

Для содержания почтовых дворов, по неустройству таковых в Ишимском округе, отводились квартиры в домах обывателей.

Лжеучитель

В Семипалатинском уезде в 1790 г. явился лжеучитель пол Никита Иванов, который венчал браки и по приглашению крестьян Ишимского округа уехал тайно в этот округ под именем купца. Предписано было в январе 1791 г. поймать его и представить. В Семипалатинске было десятиначальство и Духовное Правление.

(Продолжение [в 1861 году].)

Дел Боровского волостного правления еще рассмотрено за 7 лет: 1794, 1795, 1796, 1797, 1798, 1799 и 1800 г. Вот любопытное из них для жителей Тобольской губернии.

Тобольск

В 1795 г. была полевая аптека в Тобольске. Правивший должность наместника Пермского и Тобольского генерал-поручик и разных орденов кавалер Алексей Андреевич Волков из Тобольска возвращался в Пермь в августе 1796 г., прибыв в Тюмень 20 августа, от сильного случившегося с ним нечаянного припадка, скончался в 8 часу по полудни. (Примечание 1: Генерал-поручик Волков определен был на место Кашкина в 1789 г., прибыл в Тобольск 26 июня. [См.] Краткое показание о бывших в Сибири воеводах и пр. Тобольск. 1792 г.)

На место Алябьева был определен правителем Тобольского наместничества действительный статский советник Александр Григорьевич Толстой, должно быть в 1796 г., в 1797 г. на место Толстого — статский советник Дмитрий Ро-

дионович Кошелев. Кошелев прибыл в Тобольск должно быть в конце сентября, ибо Толстой 5 сентября еще дал один ордер Ишимскому земскому исправнику.

Кроме фабриканта бумажной фабрики и sostenителя типографии Василья Корнильева еще был другой Корнильев по имени Николай (это был племянник Василья Корнильева), Тобольский купец: он имел стеклянную фабрику в деревне Аремзянке в расстоянии от Абалака в 20 верстах, устроенную предком их Алексеем Корнильевым с братьями Васильем и Федором в 1749 г., и при ней крепостных людей. (Примечание 2: Из бумаг Корнильева.) На эту фабрику, ее имущество и крепостных людей наложено было в 1796 г. запрещение впредь до решения дела в Тобольском совестном суде. Эта стеклянная фабрика перешла к сродным его братьям Дмитрию и Якову Корнильевым, от них сыну Дмитрия Василью, умершему в Москве в 1851 году.

С окончанием контракта в 1796 г., на 1797 г. и далее фабрикант Корнильев отказался поставлять бумагу для волостных судов.

В 1797 г. в Тобольске строился и достраивался артиллерийский каменный арсенал. (Примечание 3: Странно! В ведомости о состоящих в Тобольске и Тобольской губернии казенных каменных и деревянных зданиях, составленной по-видимому в 1802 г., найденной в губернском архиве, вовсе нет ни слова об артиллерийском арсенале.) Артиллерии подполковник фон-Кремер Тобольскому губернатору действ. стат. сов. и кавалеру Александру Григорьевичу Толстому донес, что «в этом арсенале содержаться будет особой дирекции не малое число артиллерии и разного звания оружия, а дабы подлежащим распоряжением дать оному лучший вид, нужно по примеру С.-Петербургского и чужестранных арсеналов, разного рода древних военно-действующих орудий, как-то пушек, панцирей, кольчуг, ружей бердышей, сабель, шлаг и тому подобных, каковые уповательно в пространстве Сибири по владении хана Кучума и татарских князей еще находятся и может быть без всякого уважения в крепостях и городах ныне содержатся», и потому просил распоряжения о доставлении оных в Тобольск. Губернатор рекомендовал в г. Тобольске учинить выpravку о всех таковых в древности употребительных огнестрельных и других орудиях, не имеется ли в казенных местах или у кого из жителей таких в хранении редкостей, и что найдется прислать к Его Превосходительству с обстоятельным каждой вещи описанием; а равно предписал разузнать, нет ли таковых и по уездам в крепостях, форпостах и частию у обывателей, и если найдутся таковые, прислать их. Это распоряжение опубликовано было и по волостям в 1797 году.

В 1799 г. вызывались желающие на постройку провиантских магазинов в Тобольске. Это те самые, которые находятся при подножии горы,

на которой возвышается здание присутственных мест.

Нарымский земский комиссар Сильницкий в 1800 г. собрал от доброхотных дателей в пользу вновь учрежденного в Тобольске воспитательного дома к принятию несчастно рожденных детей 438 руб. 75 коп. и представил их в губернское правление. Об этом усердии его губернское правление опубликовало в губернии. (Примечание 4: Воспитательный дом для детей незаконнорожденных, где был и дом умалишенных, построен был и существовал до 1825 г. на самом вершинском мысу, около нынешнего военного лагеря.)

Правый берег реки Иртыша при крутом повороте реки в излучине от деревни Жуковой к Подчувавам видимо в Подчувавах уходит в воду каждый год. Это заставило начальство несколько раз переносить соляные магазины далее от берега. В 1800 г. от подмыва реки между Подчувашским мысом и старым перевозом вдоль по обрыву горы образовалась трещина на пространстве 300 саженей и в некоторых местах земля отделилась от горы на 1 аршин. (Примечание 5: Уже в 1800 г. гора в том месте имела почти отвесный обрыв. А прежде в том месте был отлогий спуск с горы и перевоз чрез реку.) Естественно, что огромная масса земли, свалившись вдруг с высоты 20 саж. в воду, могла бы нанести гибель не только лодкам и паромам, но и большим тяжело нагруженным судам, в минуту прохода их мимо этого опасного места. Узнав об этом, губернатор Кошелев предписал землемеру Кругляшову с другими чинами освидетельствовать, как велика опасность. Оказалось, что земля отделилась на самом яру во многих местах уже не на 1, а на 10 аршин. Потому опубликовано повсеместно в губернии, чтобы идущие на судах и лодках при проходе мимо этого места принимали надлежащие предосторожности.

Ревизия губернии

В 1800 г. ревизовали Тобольскую губернию два сенатора: действительный тайный советник Матвей Петрович Ржевский и тайный советник Федор Иванович Левашов.

Винокуренные заводы и вино. Корчемство откупа. Цены

В 1794 г. опубликовано по округам, что в Петровском винокуренном заводе рожь будет приниматься по 27, а мука по 31 коп. за пуд, в Екатерининский рожь по 33-34 коп., мука по 34-35 к.

В 1794 г. существовал уже казенный винокуренный Талицкий завод (ныне Пермской губернии).

В 1795 г. Успенский винокуренный завод уже был казенный, Каменский тоже, в 1797 г. Красноречинский тоже.

Вино прежде продавалось по 3 руб. за ведро, в 1794 г. прибавлено 1 руб. за ведро. Причи-

на – государственные расходы в течении двух бывших войн и возвышение цен на хлеб.

Прежде, и снова в 1794 г., замечено, что крестьяне тайно выкуривают для себя вино. Доказательство: В праздничные дни крестьяне вина из питейных домов не покупают, а пьянствуют. Где же берут?

Безпрестанно делались подтверждения об искоренении корчемства вином с 1787 по 1800 г., но успеха не было: крестьяне продолжали выкуривать вино на свои потребности, а в питейных домах и на выставках продажа его была незначительная.

В 1795 г. неисправных плательщиков подачей, праздношатающихся туенядцев, не радящих о своем домоводстве, велено выслать в казенные винокуренные заводы в заработку для рубки дров. То же делалось и прежде в 1794 г.

В 1794 и 1795 г. замечены за сидельцами в питейных домах страшные злоупотребления, недостаток в деньгах и в вине, в обмере и подмеси вина.

Много раз было предписываемо волостным судам, особенно в 1797 г., ежемесячно свидетельствовать в питейных домах казенные питья и деньги, и последние у сидельцев отбирать и хранить в волостных судах.

Годовая сложная цифра продаваемого вина в Боровской волости была 176 3/8 в.

В 1796 г. делались вызовы подрядчиков к приготовлению пива и меду и к двоению водок на 1796 год.

На 1799-1802 г. содержание питейных домов отдано на откуп в городах и уездах Тобольской губернии Верхотурскому купцу Алексею Зеленцову и надворному советнику Федору Кондалинцову вместе.

В Петровский винокуренный завод в 1800 г. вызывались желающие наняться в заводские работы на годичное время, за плату 43 р. 80 коп. и даже за 45 руб. в год, а равно и к поставке дров: за нарубку и вывозку дров объявлена цена за наличные 32 коп. за одноленную сажень, а по ручательным одобрениям 34 к.

Соляные магазины и соль

В 1794 г. вызывались желающие к ломке соли на Бурлинском озере и поставке ее на Алеусскую пристань по 50000 пуд в год.

Цена на соль 40 к. по указу 13 декабря 1794 г. продолжена до 1800 года.

Для доставки соли из Коряковских магазинов в города Тобольской губернии 353853 п. в 1797 г. предполагено было выстроить 12 барок и для того в 1796 г. делались вызовы желающих плотников к постройке их и рабочих разного рода на Коряковское плодбище. Но как успеха в найме почти не было, то предписано было выбрать из каждой волости по 1 чел. и их, а равно и нанявшихся, выслать немедленно, а чтоб они нигде не останавливались и не бежали с дороги, провожать их от селения до селения. В 1797 г. вызывались желающие на Коряков-

ское плодбище для сплава соли 49 человек, и цена каждому предлагаема была по 50 руб. на лето. В 1797 г. предписано было выслать туда неплательщиков податей и тунейдцев из Ишимского округа 50 человек, на основании указа Правительствующего Сената 1786 г. В 1800 г. предложена была годовая цена 55 руб.

В 1798 г. вызывались желающие к перевозке соли из Коряковских магазинов на 4 года, в каждый год: в Тобольск по 60708 п., Ишим 42729 п., Тару 16518 п. 30 ф., из Тобольска в Тюмень 40049 п., Ялуторовск 31496 п. 20 ф., Курган 44734 п. 10 ф., Туринск 12664 п. 20 ф., из Алеусских магазинов в Сургут 5995 п. 30 ф., Нарым 5620 п. 20 ф., Томск 34605 п. 35 ф., из солеваренных заводов в Туруханск 1039 п. 20 ф., Енисейск 16008 п., Красноярск 36682 п., с Боровых и Северных озер с выломкою на оных: в Семипалатинск 5373 п., Кузнецк 17826 п. 30 ф., в упраздненные города: Колывань 13844 п. 35 ф., Бийск 6132 п. Вызывались также желающие к выломке соли на Коряковском озере.

В 1800 г. вызывались желающие на постройку соляных магазинов в Тюмени и Ялуторовске.

В Енисейском округе прибыл Троицкий солеваренный завод.

С усть-Ишима нужно было перевезти 28972 п. соли в Ишимские магазины; за перевозку в октябре 1796 г. назначена была цена 9 1/2 коп. с пуда. В 1797 г. вызывались желающие к перевозке отсюда же соли в Ишимские магазины 16072 и в Курган 33403 пуд.

Дороги

Проложена была новая дорога от Тобольска к Таре, т.е. в полях очищена, в лесах прорублена и мосты и гати сделаны. Но так как она еще не была открыта, то с течением времени заросла травой и лесом, а мосты от палов сгорели. По этому случаю губернским правлением предписано в 1797 г. отправлять почты и курьеров по прежним трактам.

В 1799 г. предписано было по трактовым дорогам поставить верстовые столбы. По этому случаю оказалось, что в Ишимском округе соснового строевого леса не было. Жители строили себе дома из леса березового, а другие доставали сосновый лес из Ялуторовского и Курганского уезда. Однакож надобно было поставить столбы, и они поставлены в 1799 г. и в 1800 г. Для них разосланы были и рисунки — раскрашенные. Это те самые столбы, кои еще и теперь существуют по трактам, но уже не вполне и значительно поврежденные временем. В 1820 г. я видел их еще крепкими и целыми на Ялуторовском тракте. Они делались по подрядам.

Дороги, мосты, гати ежегодно требовали много рук, а вновь проложенная к Таре дорога требовала их слишком много. Дороги и пр. исправлялись тем же порядком как прежде. Но в 1797 г. предписано было делать предваритель-

Торговый караван из Средней Азии. Гравюра Норовлева. 1894. Из издания «Живописная Россия. Том XI. Западная Сибирь».

но описание повреждений и требующихся исправлений и разделять каждое на число душ.

Дорожная повинность. Почтовая и земская гоньба. Почты. Курьеры. Пассажиры. Злоупотребления

Для возки почт были особые подрядчики, которые с торгов брали за себя почтовую гоньбу в целом округе, даже и во многих, и уже от себя с барышем отдавали другим по несколько станций, а последние местным жителям содержание троек или пар. Главные подрядчики были Тюменские и Туринские ямщики, и частью Демьянские, коих ямщичий род шел изстари. Ямщики — это было прежде особое сословие, богатое и сильное.

Курьеры, посылаемые из Иркутска в С.-Петербург и Кабинетские и Сенатские в Иркутск, жаловались Иркутскому и Колыванскому генерал-губернатору, что на станциях по Тобольской губернии во многих местах их продерживали часа по 3 и 4, а крестьяне делали им дерзости (вероятно за неплатеж прогонов, как это можно видеть из жалоб в разные годы). Иркутский генерал-губернатор передал эту жалобу в 1793 г. Пермскому и Тобольскому генерал-губернатору генерал-поручику Волкову. Было предписано курьеров не держать, проезжающим дерзостей не чинить, а если сами курьеры и проезжающие будут делать дерзости или требования незаконные, то доносить земским исправникам или нижним земским судам.

В 1796 г. предписано для препровождения почт давать почтальюнам конвой в опасных местах от селения до селения, с каким-нибудь орудием, в истребление шатающихся по дорогам злодеев, о чем также подтверждено было и в 1797 г., между тем наряжать ямщиков к возке почт надежных, исправных и трезвых и присматривать в каждом селении и на почтовых станциях за проезжими почтами, почтальюнами и ямщиками, чтоб они при перемене лошадей

безостановочно отправлялись в путь и отнюдь не дерзали останавливаться у питейных домов для питья вина и тому подобного; также чтоб почтовые ящики для возки почты имели хороших лошадей с хорошою упряжью (о чем также подтверждалось неоднократно и в следующие годы) и отнюдь не выпускали их в поле, а держали бы их у себя дома. Почти то же всегда требовалось при каждом новом подряде почтовых ящиков и в следующие годы.

Тобольская губернская почтовая контора в 1798 г. жаловалась губернатору Кошелеву, что по генеральному тракту к Иркутску около Красноярска и в Томской губернии появляются часто партии разбойников и потому просила давать конвой для сопровождения почты в опасных местах. Об этом и предписано снова.

В 1800 г. по предложению губернатора Кошелева строжайше предписано было давать достаточный, а инде и усиленный конвой для препровождения почт с одной станции на другую.

Трудно было жить сибирскому крестьянину. Безпрестанные разъезды разных чинов по разным дорогам и поставка лошадей измучили его и изнурили. Между тем в 1797 г. нужно было с усть-Ишима перевезти в Ишим соли 5000 пуд. Подрядчиков не нашлось, несмотря на многократные вызовы. Предписано было доставить 240 подвод обывательских. Их взяло начальство с 4 волостей. Впрочем, за это платились деньги. В 1800 г. за перевозку подобным способом соли из Ишима в Петропавловск 300 п. заплачено 22 руб. 50 коп. по 7 1/2 к. с пуда. К этому еще прибавилось следующее. Из Иркутска отправлен был транспорт с 933 п. казенного ревеню в С.-Петербург в Коммерц-коллегию. Для этого требовалось 48 пар лошадей на каждой станции. Предписано было по Ишимскому округу приготовить их ко времени прибытия транспорта. Предписано в 1798 г. приготовить на станциях для проезда определенному в Иркутск военному губернатору генералу от инфантерии и кавалеру фон-Трендену по 22 лошади. По Высочайшему повелению в 1799 г. был отправлен из С.-Петербурга в Охотск через Сибирь флота капитан-лейтенант Бухарин в трех партиях чинов и служителей 87 чел. Для проезда им предписано было благовременно приготовить на каждой станции по 92 лошади, чтобы не было им ни малейшего задержания в проезде. В 1800 г. предписано было приготовить на каждой станции по 60 лошадей для провоза следовавших из Иркутска мягкой рухляди и ревеню. Также в 1800 г. отправленному из конторы государственной Мануфактур-коллегии в Иркутск унтер-офицеру, с нужнейшими для иркутских фабрик материалами, предписано давать потребное число лошадей и конвой без задержания.

Ишимского округа волости, находившиеся под ведением земского комиссара Эрна и лжавшие на иркутском тракте, принесли в 1799 г.

*Сибирский казак.
Грабюра Норовлева. 1894.
Из издания «Живописная Россия.
Том XI. Западная Сибирь».*

ему жалобу, что они, по случаю великого проезда из России в Иркутск и обратно оттуда разного чина и звания людей по подорожным, крайне отягощены в отправлении подводной гоньбы, а равно и в препровождении рекрутских и колодничьих партий. Земский суд принял меры для уравнивания этих тягостей между жителями всего округа. Тогда оказалось по составленной ведомости о числе жителей,

Ревизских душ – Из них тяглых – Мостов, перевозов и гатей – Почтовых лошадей – Постоянных лошадей обыват(ельских) – Вышло для препровождения колод[ничьих] партий и проч[ей] надобности в течение полгода: лошадей – людей:

В Жилыковской волости – 1888 – 1110 – 8 мостов и 1 перевоз – нет – 14 – 2640 – 1966

В Частоозерской волости – пропущена в указе

В Черемшанской волости – 1872 – 700 – 3 моста и 4 гати – 6 – 24 – 1873 – 1642

В Тоболовской волости – 1408 – 520 – 18 – 6 – 28 – 1623 – 1568

Казачья семья. Гравюра Норовлева. 1894. Из издания «Живописная Россия. Том XI. Западная Сибирь».

В Медведевской волости – 1012 – 544 – 12 мостов, 1 перевоз, 3 гати – 6 – 25 – 1683 – 1568

В Устьламинской волости – 1179 – 474 – 13 мостов, 4 гати – нет – 20 – 1200 – 2640

В Малышенской волости – 1293 – 568 – 27 – 6 – 12 – 825 – 981

В Арамашевской волости – 1101 – 528 – 29 мостов, 6 гатей – 26 – 27 – 648 – 456

В Боровской волости – 1765 – 785 – 2 моста, 1 перевоз – 6 – 24 – 989 – 1482

В Фирсовской волости – 1578 – 650 – 3 моста, 3 гати – 12 – 66 – 1126 – 1482

В Абацкой волости – 1050 – 594 – 4 гати – 6 – 20 – 1126 – 1482

В Камышенской волости – 1717 – 942 – 27 мостов, 21 гать – 12 – 50 – 1824 – 3496

В Челноковской волости – 1008 – 415 – 5 мостов, 1 перевоз, 6 гатей – нет – 15 – 48 – нет

В Готопутовской волости – 1282 – 800 – 31 мост, 12 гатей – нет – 36 – нет – 32

В Ларихинской волости – 1348 – 560 – 10 – 4 – 12 – 309 – 112

В Гагарьевской волости – 974 – 527 – 6 мостов, 5 гатей – нет – 12 – 236 – 56

В Казанской волости – 1493 – 613 – 6 – 4 – 18 – 370 – 355

В Ильинской волости – 1481 – 833 – 5 мостов, 1 гать – 4 – 20 – 215 – 46

В Красноярской волости – 1640 – 613 – нет – 4 – 12 – 215 – 46

В Соколовской волости – 1016 – 375 – 5 мостов, 2 гати – 4 – 12 – 215 – 46

В Бердюжской волости – 1258 – 508 – 5 мостов, 2 гати – 4 – нет – 120 – нет

В Армизонской волости – 1124 – 614

В Утчанской волости – 1068 – 682

В Сладковской волости – 1355 – 549.

Суд уравнил тягости между крестьянами.

Засухи, дожди, град, голод

В зиму 1794/5 г. в Ишимском округе снегу было мало, а какой был весь выдуло. Семена весной выдуло ветром, в мае на 29 и 30 ч., остальные всходы на низменных местах вызябли от жестоких иньев. То же, конечно, было и в других округах. Произошел голод. Уже в 1795 г. в Тобольске открылся значительный недостаток хлеба для местного продовольствия. Наместническое правление в 1795 г. в октябре командировало чиновника верхнего надворного суда асессора Пушкарева в Ишимский округ для покупки хлеба на продовольствие гражданских жителей города Тобольска. И для того предписано было делать ему всякое вспоможение. В январе 1796 г. наместническое правление предписало со всевозможным старанием убеждать жителей везти свой хлеб на продажу в Тобольск по вольным ценам.

В 1796 г. делались вызовы желающих к поставке в (казенные) запасные магазины на 1797 г. муки ржаной: для города Тобольска 25000, Нарыма 5000, Сургута 10000, Березова 6000, Березовского округа для Кондинского села 4000, для Екатерининского винокуренного завода 25000 пуд.

В 1796 г. по случаю голода хлеб для Тары закупался в Ишимском округе. Послан был для закупки его член Тарской думы.

В 1796 г. в январе распубликовано, что для приема в Петровский винокуренный завод установлена цена ржи 75 1/2 – 74 1/2 коп., муки 77 1/2 – 78 1/2 коп. пуд; предложено также соглашать сельских обывателей везти свои избытки хлеба в Тобольск на продажу жителям, по вольным ценам. А в феврале объявлено уже, что установлена цена для приема в завод ржи 83-84, муки 87-88 к. за пуд.

Крестьянин Боровской волости Жилияков взялся поставлять провиант в Петропавловские военные магазины на 1797 г. по 7 руб. 40 коп. за четверть.

В 1797 г. Екатерининская заводская контора приглашала чрез Ишимский земский суд крестьян Ишимского округа везти свой хлеб в завод и предлагала цену за муку по 66 коп., за рожь по 62 коп. Но земский суд, поставленный в обязанность закупить хлеба для войска и не могший закупить надлежащую пропорцию его, по неимению его у крестьян, затруднился обязать крестьян везти хлеб в завод, впрочем предоставил им самим везти, у кого есть, и кто хочет.

Недостаток хлеба от прежних неурожаев был такой, что невозможно было собрать за прежние годы хлебной подати и полчетверикового хлеба, розданного крестьянам в ссуду.

В 1797 г. в Ишимском округе овес продавался между крестьянами по 3 руб. 50 к. и по 4 р. за четверть, сено 4 коп. пуд.

В 1798 г. хлебы озимовые и яровые на полях от непрерывных дождей по Ишимскому округу вылегли и повредились, так что не было надежды снять их. Об этом было писано комиссаром 21 августа. Он требовал сведения, снимают ли поселяне хлеба.

В 1799 г. в июне в Красноярской волости градом выбило 37 десятин хлеба. Град был величиною в голубиное, и даже куриное яйцо.

Наводнения

В Ишимский нижний земский суд 2 мая 1794 г. донес Петропавловский волостный суд, что на 28 апреля прибыло чрезвычайно много воды, отчего на нижнем форштате и улицы со степной стороны, а также полковой цейхгаус, лазарет, дом полковника, солдатская новая слобода, купеческие торговые лавки затоплены водою, так что жители по нуждам своим плавают по улицам в лодках. По замечанию жителей старожиллов высота воды от поверхности зимнего льда была не менее 6 сажений. Ишимский земский суд тотчас 3 мая предписал иметь осторожность жителям волостей, лежащих по реке Ишиму, именно Боровской, Фирсовской, Чупинской, Узловской, Абацкой, Камышенской, Разсказовской, Челноковской и Чуртасской.

В 1796 г., вероятно, было новое наводнение. Между Узловскою и Фирсовскою волостями есть гать, которую размыло бывшею большою водою, так что сообщение тут сделалось невозможным. Приняты были меры исправить эту дорогу.

В 1798 г. в Петропавловске разлитие Ишима было выше, чем в прежнее время.

В 1799 г. было в Ишимском округе сильное наводнение. Весенняя вода в Ишиме снесла мосты и размыва гати. Земский комиссар Эрн по этому случаю разослал правила для исправления дорог и постройки мостов.

В реке Ишиме даже в июне 1799 г. стояла большая вода. Это видно из одного приказа,

данного 3 июля, о том, чтобы жителям стеснения в покосах не было.

В 1800 г. 29 апреля Гагарьевское волостное правление донесло земскому суду, что в протекающей под Гагарьевской деревней речке Алабеге 27 апреля прибыло воды на 12 вершков, а 28 апреля в течение одного часа на 3 аршина, отчего все низкие места потоплены. Немедленно сделано распоряжение для принятия предосторожностей по всем волостям.

Хлебные магазины

Прежде поставлялось в обязанность строить хлебные сельские магазины просто без сметы и ассигнования денег. Но в 1796 г. сделано уже иначе: в Соколовском селе нужно было построить магазин. На постройку его составлена смета и по смете ассигновано было 794 р. 75 коп. Эти деньги отпущены были из доходов, кои должны были поступить в Тобольское Казначейство.

Цены

В 1794 г. предложено было желающим продать свой хлеб в казну по 2 руб. за четверть и за перевозку хлеба в Омск, считая 3 куля в возу, по 2 руб. за подводу.

У одного крестьянина покрадены были вещи в 1796 г. Вот оценка их. Муки ржаной 15 п. по 80 к. за пуд, винтовка 6 р., безмен железный 1 р., бараньих овчин 12 шт. на 7 р. по 58 3/4 к., кож сыромятных 1 1/2 шт. на 5 р., рукавиц 5 пар на 1 р. 50 к. по 30 коп., холста льняного 90 арш. на 11 р. 70 коп. по 13 к., 6 рубах женских льняных на 4 р. 80 коп. по 80 коп.

В 1796 г. один рекрут нанялся за 250 руб.

В 1798 г. нанялся также один рекрут. Хозяин его обязался уплатить обществу 250 р., да сверх того платить за него подать и прочие поборы до новой ревизии.

В 1798 г. предлагалась цена желающим за вырубку дров для Петровского винокуренного завода в казенных дачах по 12 коп., а с вывозкою на место по 25 к. с саж., а потом предложено за вырубку по 14 коп., за вывозку по 15 к.

У одного крестьянина в 1798 г. похищено довольно богатое имение на 315 р. 41 коп. Вот цены некоторым вещам: 2 жемчужные ожерелья оба в 18 виток — 80 руб., серги серебряные со вставками 7 р., серги насыпные 2 р., крест с серебряною цепочкою в 16 золотников 4 р., 2 перстня серебряные 50 коп., чебак женский соболий вышитый золотом 12 руб. 50 коп., епанча голевая на письем меху 15 р., 1 пара женских шелковых чулок 5 р., 8 женских холщевых тонких рубах 7 р., 6 мужских 4 р., холста 35 аршин на 14 р. 55 к., 2 блюда оловянных в 5 фунтов 1 р. 80 к., 2 тарелки оловянных 40 коп., 1 муфта хорьковая 50 коп., 2 пуда коровьего масла по 4 р. 50 коп., башмаки верверетовые вышитые золотом 50 коп., повойник женский шитый золотом гризетовый 1 р. 90 к.

*Сибирское село зимой.
Гравюра Норовлева. 1894.
Из издания «Живописная Россия.
Том XI. Западная Сибирь».*

В Ишиме крестьяне продавали дрова по 90 к. и по 1 р. 10 коп. за саж., в Петровском винокуренном заводе в 1799 г. предлагались цены за рубку дров по 17 коп., с вывозкою по 20 к. за саж.

Один крестьянин в 1799 г. содержал 8 лошадей для земской гоньбы за 145 руб.

Один крестьянин жил у другого с 1792 по 1798 г. в работниках по 14 р. в год с своим платьем, в 1799 г. уже вырядил деньгами 20 р., да кроме того одну десятину с насевным хлебом, стоившую 20 р.

Один крестьянин купил в 1799 г. 3-х быков шестигодовых по 15 руб. 50 коп., других таких же по 15 руб. 25 коп.

У одного крестьянина по смерти в 1799 г. осталось имения довольно. Наследники оценили мерин и кобыл по 10 р., одного мерина продали за 24 р. 50 к., жеребят годовых и двухгодовых оценили по 2-3 руб., шубу баранью белую за 4 р., кафтан синего сукна в 5 р., денег от него осталось сереб[ряных] 153 р., медных 78 р.

В 1799 г. предположено было выстроить в Петропавловске соляный магазин. На постройку сию по смете ассигновано 701 р. 40 к., в том числе на бревна 3 с. по 5 р. 50 к., 2 с. по 3 р., плахи по 1 р. 50 к., оследник 3 с. по 2 р. 50 к., тес кровельный по 1 р. за шт., железо полосовое по 5 р. за пуд, бересто под крышу 3 р. 50 к. за воз. Почти все те же цены назначены на соновый лес для 4 провьянтских магазинов, кои предположено было в Петропавловске перестроить и на перестройку коих по смете в 1799 г. исчислено 6715 р. 84 коп.

Для Усть-Каменногорского провиантского магазина требовались мешки под муку. Один Курганский купец выпросил по 12 к. за аршин холста для них. Публики были сделаны, не берет ли кто дешевле.

У одного крестьянина по требованию кредитора в 1799 г. описано значительное имение на 410 р. 92 к. Вот цена некоторым вещам: 2 винтовки 13 р., натрубка медная с прибором 1 р. 50

коп., топор 30 коп., сошники по 1 р. 50 коп., 3 косы-горбуши 1 р., серпы по 20 коп., меденник 2 р., чугушка большая 1 р. 50 коп., бороны с железными зубьями по 1 р. 50 коп., лошади мерин и жеребцы по 20-22 р., кобылы по 10 р., двухлетки по 4 р., коровы по 5 р., 13 овец 8 р., 3 свиньи 2 р., 9 куриц 80 к., 50 п. муки ржаной 10 р., 4 п. пшеничной 2 р., солоду 3 п. 60 к., сковорода 10 к., железный ковш 20 к., рубахи мужские льняные по 1 р., хонопленные по 50 к., баранья нагольная шуба новая большая 4 р., овчины неделанные по 50 к., перина 1 р. 50 коп., подушки пуховые по 50 к.

Сибирская язва. Предосторожности. Способы лечения

В 1793 г. был упадок скота.

В 1793 г. открылась и сильно свирепствовала сибирская язва в Ишиме и округе. Много раз было в 1798 г. предписано принять меры, указанные прежде. Наконец сам инспектор врачебной управы ездил по округу для подания помощи и советов. Затем напечатано, (судя по шрифту букв, в Тобольске) и разослано краткое наставление, каким образом отвращать и врачевать появившуюся на лошадях и на людях болезнь, основанное на изданных от Правительствующего Сената и Государственной медицинской коллегии узаконениях. Средств для лечения в этом наставлении указано много, именно *для лошадей: внутренние* – вода чистая свежая, корм сухой, облитый соляным раствором, ржаная или овсяная мука, селитра, соль, сыворотка и вода, смешанные вместе. *Наружные* – нашатырь с известью, или нашатырь с золою, густой вар, льняное масло, желтый воск, вместе стопленные. *Для людей наружные* – кислое ржаное тесто с мелом, кислый творог с мелом, свежая квасная гуща, или дрожжи с ржаною мукою смешанные с мелом; мука, льняное семя, испеченные луковичи, смешанные вместе; полынь сухая или свежая мука, льняное семя, облитые молоком; теплая лиственничная смола с яичным желтком. *Внутренние* – мята, шалфей, полынь, богородская трава, ирный корень, нашатырь, настоянные в уксусе в течение 7 суток; соль, распушенная в воде, вместо слабительного; селитра и нашатырь, распущенные в воде; отвар ячной крупы с медом, селитрой, клюквенным соком или уксусом. Однакож крестьяне успешно излечивали язву следующим образом: прокалывали опухоль и прикладывали табаку с нашатырем. Этот успех засвидетельствован и лекарским учеником, посланным врачебною управою для подачи пособия. Только он еще добавлял к тому спиртовые примочки.

В 1799 г. был упадок лошадей и рогатого скота в Курганском округе.

В Ишимском округе был почти ежегодно скотский упадок. Земский исправник Эрн, имевший у себя большое хозяйство, делал наблюдения и предпринимал меры спасти свою скотину, и успел в этом. Он в 1799 г. дал циркуляр-

Водобоз. Гравюра Монюшки. 1894.
Из издания «Живописная Россия».
Том XI. Западная Сибирь».

ное предложение по всем волостям о принятии мер к сохранению скота, уже указанных правительством прежде, и между тем рекомендовал употребить те, кои в течение 16 лет он сам употреблял с успехом. Вот его средства: 1) лошадей держал он во дворе и наблюдал чистоту, имел курево, прибавляя в оное щепку, обмазанную в деготь: ибо мошка и прочие насекомые не терпят дегтярного запаха, 2) с 20 июня он продергивал лошадям в грудь волосяную заволочу, поил чистою водою. Этими средствами он избег упадка своего скота. Далее он писал, что давал многим совет употреблять следующее средство. Когда появится волдырь (самая язва) на какой-нибудь части тела лошади, то разрезать его острым ножом сверху, только кожу, накрест, но в глубину не резать, в разрезы втирать пальцем мелко истолченного нашатыря, потом мелко истолченной соли, затем опять нашатыря, и после опять соли, что повторять до тех пор, пока не появится настоящая кровь, тогда уже засыпать разрезы солью и лошадь поставить к куреву на целые сутки в темное место, дабы не падал на нее солнечный жар; ибо если в этой болезни лошадь вспотеет, то уже делается неизлечимою. По истечении суток снова засыпать разрезы солью и лошадь отпустить в поле на свободу. Этим средством он спас лошадей у многих. Еще рекомендовал он употреблять мазь следующую. Взять полведра чистого дегтя, нашатыря торгового 1/4 фунта, соли чистой толченой 1/8 ф., табаку мелко искошенного 1 ф., чесноку с пером 3 гнезда, истолочь его, всё это положить в горшок и поставить в печь на ночь, чтобы упрело, а не кипело. Этой мазью мазать зараженное место, если болезнь еще не усилилась, днем раза три. Этим средством он спасал также много скота. Хорошо, по его рекомендации, мазать этой мазью и здоровый скот, но так как она весьма едка, то пuzдры, соколки и за ушами чрез каждые три суток надобно смазывать очень легко.

В 1800 г. снова скотский упадок от сибирской язвы открылся в волостях Камышенской,

Медведевской и Гагарьевской. Предписано разводить курева у поскотин и во дворах, но с предосторожностями, лошадей всех перемазать указанной мазью, табуны и стада держать за пастухом. Язва открылась и на людях в Боровской волости. Для подачи пособия больным командирован был лекарский ученик.

Больницы и лекаря

Лекаря городские не все несли службу по определению от правительства. Так определенный в Ишим из Омска правящим докторскую должность штаб-лекарь Христ служил по контракту, заключенному им с Тобольским губернским правлением. Для переезда ему из Омска в Ишим с лекарским учеником и казенною при нем аптекою предписано в мае 1797 г. давать пять лошадей без платежа прогонов.

Государственная медицинская коллегия предписала в 1797 г. Тобольской врачебной управе доставить сведения, нет ли в Тобольской губернии таких уездов или сел, в которых совсем нет никаких публичных убежищ для больных, и где бы можно было устроить таковые больницы. Оказалось, что не только в селах, но в самом Тобольске не было общественных больниц. А в Сибири сильно распространены болезни: 1) венерические в северных уездах между татарами, тунгусами и остяками, 2) сибирская язва почти ежегодно в жаркие летние месяцы в полуденных уездах. Для пользования в этих болезнях необходимо учреждение больниц. 3) Оспа; эта болезнь открывается не ежегодно, а временно, лет чрез 10, 20 и более, и когда появляется у татар и кочующих инородцев, то бывает смертоносна: из 10 больных умирает 8-9. Необходимо приучить инородцев к прививанию оспы, а для того нужны больницы. Вследствие того врачебная управа нашла нужным устроить больницу в Тобольске на 40 больных, а в каждом уездном городе на 20. Она составила и планы на больницы со всеми службами и представила их на апробацию в медицинскую коллегия. Место для больницы выбрано в Тобольске на площади пред Завальною деревнею за валом направо от дороги, ведущей ко кладбищу и налево от нынешнего каменного винного магазина в расстоянии от так называемых Воскресенских ворот в 400 саж., подле военного госпиталя. (Примечание 6: От нынешнего здания арестантской роты существовала каменная стена, которая простиралась до самого яру чрез нынешний тюремный замок. В этой стене прямо от выхода из Успенского собора против большой улицы были Воскресенские ворота, далее против Троицкого собора, стоявшего на том месте, где ныне строится главный корпус Сиропитательного заведения, были другие ворота — Троицкие. Когда вместе с Троицким собором сломана стена, Воскресенские ворота перенесены на то место, где у самого вала недавно еще была застава, а Троицкие на то место у вала, где ныне находится аптекар-

ский инструментальный завод.) На построение больницы исчислено суммы архитектором Дранишниковым 8878 р. 47 коп., одновременно на белье, обувь, постели, посуду и проч. 2500 р. 22 к., на продовольствие больных пищею, лекарствами и проч. и на жалованье прислуге ежегодно 3535 р. 70 к. Во всех 15 уездных городах (со включением нынешней Томской губернии) нужно 15 больниц. Устройство их и содержание должно стоить вполтину менее. Постройка таковых больниц на иждивение городских и сельских жителей не может быть отягчительна. Врачебная управа представила об этом губернскому правлению с планами, сметами и пр. ведомостями, и просила об устройстве больниц, а до постройки больничных зданий в городах отвести особые дома. Губернское правление разослало копии с плана и сметы по городам и предписало городским и земским уездным начальствам, магистратам, думам приложить старание о собрании добровольных пожертвований на устройство и содержание больниц, в которых должны пользоваться все безденежно, а земским комиссарам — разъяснить сельским жителям пользу таковых заведений и возбудить их к добровольным складкам. Об этом губернским правлением представлено на утверждение медицинской коллегии, а между тем все-таки сделано предложение к добровольным пожертвованиям. На предложение Ишимского земского комиссара Донского, жители Малышенской волости обещались на первый раз пожертвовать 50 р. и потом еще прибавить к тому по силам. Он потребовал сведений от всех волостей, не найдется ли желающих жертвовать на устройство больниц.

В 1798 г. снова предложено чрез земских исправников жителям округов делать добровольные пожертвования в пособие городским жителям, на устройство больниц. Жители усердствовали, составляли приговора, собирали деньги и хранили их в волостных правлениях. В 1800 г. требовались по этому случаю сведения, какую сумму каждый крестьянин обязывался вносить ежегодно, и обещанные деньги на случай востребования всегда иметь в готовности.

Церковь. Кладбища

Еще в 1793 г. Сладковской волости в деревне Сладкой предположено было построить деревянную церковь во имя Рождества Христова. В 1796 г. дана Св. Синодом благословенная на то грамота. Закладка церкви предполагалась в июне протоиереем Фроловым.

В Ишиме в 1796 г. из палатки под каменную церковь покрадено желтого воску 3 п. 10 ф., который куплен в Ирбита по 22 р. за пуд; из алтаря Бердюжской Богородской церкви ночью покрадена с жертвенника ветхая набойчатая пелена и несколько свеч.

В Ишиме Богоявленская каменная церковь строилась и в 1798 г.

Лесной пожар. Гравюра Каразина. 1894. Из издания «Живописная Россия. Том XI. Западная Сибирь».

В 1799 г. в Фирсовском селе строилась новая церковь во имя великомученика Георгия, на место пришедшей в ветхость. В 1800 г. вызывались желающие на вырубку для нее леса.

Известно, что за небытие на исповеди взыскивался денежный штраф. Такого штрафа в недомке с 1795 по 1800 г. состояло по Ишимскому округу на волостях Красноярской 5 руб., Соколовской 415 р. 25 к., на Пресногорьковской крепости 1 р. 25 к. Земский суд в 1800 г. предписал взыскать эти деньги непременно. По Тарскому округу взыскивалось в 1800 г. за 1790-1794 г. 2 р. 25 к. Штраф по 5 к. с души.

По Высочайшему повелению предписано отвести священно-церковно-служителям земли, кои должны были возделывать сами прихожане. В 1800 г. для отвода земель в Ишимский округ прибыл и землемер.

В 1800 г. земский суд предписал, чтобы все кладбища, находящиеся в селах, непременно были огорожены забором.

Ишимское духовное правление требовало в 1800 г. понудить отставных солдат и крестьян, чтобы они непременно привозили тела умерших христиан в церковь для отпевания и погребения, дабы в метриках не было проронки (пропуска). Земский суд предписал, чтобы никто не смел хоронить умерших в других местах, кроме приходских кладбищ.

Войска и содержание их. Медные деньги

В 1787 г. было предписано, чтобы команды, следующие из разных мест и разного звания,

безденежно продовольствием не пользовались, и чтобы жители смело требовали плату от таких команд, а в случае притеснения приносили бы жалобы. Однакож такое распоряжение не имело своего действия. В 1796 г. к директору домоводства обращена Боровским обществом жалоба, что проходящие с Линии на квартиры (в Ишимский округ) и с квартир на Линию воинские команды проживают в Боровской волости сутки и более и довольствуются пищею, но платы за то не производят, отчего при происшедшей в 1796 г. дороговизне хлеба общество терпит крайнее раззорение. Общество просило у него защиты. Директор Иван Петрович Розинг в марте 1796 г. предложил обществу кормить войска непременно, но требовать за то деньги, а если не заплатят, представлять о том земскому суду, да и в квитанциях означать, за что именно не заплачено.

Воспрещено давать подорожные на взятие лошадей без платежа прогонов. Однакож военное начальство отправлявшимся с Линии военным чинам давало подорожные, не означая в них, с платежом или без платежа прогонов. Этим они пользовались и требовали себе лошадей на станциях и им давали их без взимания прогонов. Но раз в 1796 г. Боровской волостной суд выразил свое сомнение о том пред земским судом. Земский суд предписал никому не давать лошадей без платежа прогонов.

Вызывались в 1797 г. желающие к постройке для Сибирского и Иркутского драгунских полков лазарета, казарм, и конюшен к г-ну от инфантерии генерал-майору (в 1798 г. уже генерал-лейтенанту) Сибирского драгунского полка шефу, Сибирской и Оренбургской дивизии и по кавалерии инспектору и кавалеру барону Беервицу, в крепость Св. Петра.

В 1797 г. по волостям розданы были драгунские лошади для прокормления. Оне обыкновенно содержались в какой-нибудь одной волости. Соседние должны были давать помощь содержавшей их волости овсом, или сеном, или деньгами по справочным ценам. К тому для них выстроена была конюшня, на счет общества разных волостей. В 1797 г. последовало Высочайшее повеление, коим велено полковых лошадей содержать при полках в крепостях. Но за то положена на крестьян новая подать на содержание лошадей по 15 к. с души.

На лазареты в крепостях и редутах по линии и вообще на все военные здания дрова поставлялись крестьянами Ишимского уезда натурою, по числу душ. Это видно из бумаг 1796 г. Не изъяты были от поставки их купцы и мещане города Ишима.

Высочайше предписано было удовлетворять войска дровами без задержания. Нужно было на 1800 г. поставить дрова для войск, расположенных в крепостях Железинской, Ямышевской и Семипалатинской. Коменданты отказались принять на себя приготовление дров, а командовавший Сибирскою дивизиею — выставить их через казаков, башкирцев или сыльных, с по-

лучением за то платы. Нужно было поэтому послать крестьян из округов для поставки дров натурою. Из Ишимского округа назначено для того 100 чел. Но при сем разрешено послать туда доверенных для найма местных жителей к рубке и поставке их. Так сделали в 1798 г. крестьяне округов Томского и Тарского и 10 волостей Ишимского, относительно поставки дров на 1799 г. Это самое, как более удобное и выгодное, рекомендовано было земским судом крестьянам в 1799 г. на 1800 г. То же и на 1801 г. Но одни крестьяне не посылали доверенных, а нанимали подрядчиков, кои, получив задатки, отправлялись на место и поставляли дрова, другие с волости нанимали кого-нибудь из своей среды и отправляли их для рубки и поставки.

В Петропавловске в 1799 г. предположено было построить для обучения солдатских детей деревянную и каменную школу. Делались вызовы подрядчиков от коменданта крепости Путилова.

Драгуны со всеми лошадьми за неимением в крепостях и редутах казарм и конюшен квартировали в частных домах. Им отводились квартиры также в волостях (как выше сказано). Это приводило жителей в большое затруднение. Жители Ишимского округа сами добровольно согласились, во избежание натурального постоя, исправлять и перестраивать конюшни и казармы, состоящие в драгунском полку имени господина от кавалерии генерал-майора драгунского полка шефа и кавалера князя Петра Сергеевича Оболенского. Акты на это хранились в Ишимском земском суде. В 1799 г. конюшни и казармы полка Оболенского пришли в ветхость. Требовалось перестроить их. Произведено освидетельствование их. Требовалось составление смет, начисление леса и работ, для устройства конюшен в редуте Плосском. Но при этом оказалось, что конюшни в редуте Кривозерском с тремя амуничниками стоят без всякого употребления и притом новые; нашлось возможным перенести их в редут Плосский. Сделаны вызовы и явились подрядчики. Но при этом земский суд вспомнил обязательство крестьян Ишимского округа. Вызваны были волостные начальники в суд для учинения договора с подрядчиком мещанином Григорьевым. По убедительной просьбе всех, он согласился взять за перевозку и постройку конюшен, с прибавлением нового леса, 5200 руб. Цена по-видимому высокая, но надобно знать, что тамошняя страна безлесная: лес следовало доставать издалека, а его вновь требовалось 1476 шт. разной величины; весь этот лес, вся перевозка строейный чрез 30 верст и постройка на счет подрядчика; требовалось работу кончить немедленно при наступившей зиме; да и конюшни надобно было устроить такой величины, чтоб могло поместиться в них 150 полковых лошадей, притом еще и старую караулку, бывшую при редуте, нужно было перестроить. В 1799 г. состоялось в Ишимском округе окладных 31986 д., почему

*Почтовая станция в Сибири. Гравюра Голембиовского. 1894.
Из издания «Животисная Россия. Том XI. Западная Сибирь».*

и причлось на каждую душу по 16 1/4 к. с долями. Тогда исчислено, сколько какая из 24 волостей должна была доставить денег и предписано 18 октября немедленно выслать их.

В 1800 г. при губернской роте и в городах драгунские команды упразднены, лошади их проданы; лошади драгунские обходились казне не дороже 30 р. И так все расходы на постройку конюшен и проч. были напрасны.

Замечательно, что сибирские крестьяне считали для себя более важным иметь в своих сундуках ассигнации чем медные деньги, да надобно сказать, что и в народном обращении ассигнаций было мало, и потому платили подати и производили уплату при покупках медными деньгами. Ишимское казначейство в 1798 году должно было по предписанию казенной палаты переслать в разные места до 150 т. р. ассиг., а не имело их. Сделано было распоряжение всемерно стараться забирать в казну ассигнации, а не медные деньги. Но при этих мерах не было успеха, так что казначейство должно было пересылать медные деньги, например, в Омскую крепость 8800 р., к Тобольскому комиссионеру Мясоедову 58752 р., к Петропавловскому коменданту 30971 р., и для того по распоряжению казенной палаты вызывались желающие к торгам на перевозку.

Неоднократно встречались в бумагах вызовы к торгам на перевозку медной монеты, ассигнуемой из разных казначейств на содержа-

ние войск в крепостях и редутах. Такие вызовы сделаны были и в 1799 г. Так, из указа Ишимского нижнего земского суда от 11 июля 1799 г. видно, что вызывались желающие на перевозку ассигнованных на 1799 г. из Ишимского уездного казначейства к коменданту Петропавловскому 7845 р. 8 к., Омскому 20000 р., Семипалатинскому 10000 р. медною монетою и ассигнациями. Из другого указа от 25 июня видно, что из Ишимского уездного казначейства предписано было отпустить в разные места ассигнациями 169640 р. 42 1/2 коп., медною монетою 57359 р. 57 1/2 коп., всего 227000 р., и для того вызывались желающие на перевозку. Из этого выходит, что ассигнаций в обращении было мало, а медной монеты много.

Из указа от 31 октября 1800 г. видно, что вызывались желающие на перевозку медной монеты в крепости: Омскую 25 т., Петропавловскую 20 т., Устькаменнорскую 13 т. р. 76 3/4 коп.

В 1796 г. строжайше предписано наместническим правлением приложить все возможное старание к пресечению злоупотребления в переливке всякой ходячей монеты в посуду и другие поделки.

Рекрутские наборы и партии

Рекрутские наборы с 1787 по 1800 г. были часты. Так в 1787 г. был набор рекрут по 2 чел. с 500 д., по четвертой ревизии, по новому указу еще по 3 чел. с 500 д., с купцов по 500 р., в

1788 г., новый набор по 5 чел. с 500 д., в 1789 г. с 500 д. по 5 рекр., в 1790 г. набор по 4 ч. с 500 д., в 1793 г. по 1 ч. с 500 д., в 1794 г. снова набор по 5 чел. с 500 д., в 1795 г. набор по 1 ч. с 500 д., в 1796 г. с 500 д. 5 ч., но отменен Императором Павлом I, в 1797 г. набор с 500 д. по 3 ч., в 1798 г. снова набор с 500 д. по 1 ч., в 1799 году с 350 д. по 1 ч. (Примечание 7: Полн. собр. зак., т. XXIII, XXIV.)

В случае недостатка в какой-либо волости числа душ до 500 и 1000 д., при рекрутских наборах, приписывались недостающие души из других волостей, и за каждую тогда платилось по 3 р. 60 коп.

Рекрутские партии отправлялись в разные места, преимущественно на Линию в крепости. Для препровождения их по округу требовались земские чиновники. Но они отзывались невозможностью провозить их по занятиям другими делами и потому поручали препровождение партий волостным начальникам. Как эти партии проходили, из дел не видно. Видно только, из многократных жалоб, особенно в 1796 г. во время голода, что партионные начальники не любили платить жителям за содержание партий на растахах.

Чрезвычайно много встречалось во всех рассмотренных мною делах за все годы публик о сыске и поимке бежавших солдат разных полков и рекрутов, из разных партий. Видно, что или порядок в удержании солдат от побегов был не тот, что ныне, или уже тогдашняя военная дисциплина на ученьях, состоявшая в безпрестанных палочных уроках, до сих пор еще памятная жителям — отставным солдатам-старикам, была причиною частых побегов.

Хлебная подать

В 1795 г. установлена новая хлебная подать. Впоследствии, вскоре, впрочем, разъяснено, что эту подать должны были платить крестьяне только находящиеся в 75 верстном расстоянии от провиантских магазинов, находившихся в городах, крепостях и редутах. Составлено было росписание крестьян и количества муки и крупы. На 1796 г. требовалось к сбору по Тобольску и округу муки 1130, крупы 154, Тюмени и округу муки 1471, крупы 185, Туринску 795 и 99, Кургану 2500 и 310, Ялуторовску 2408 и 299, Ишиму к городовому магазину 1450 и 181, Соколовскому 543 и 87, Омску 375 и 46, Таре 404 и 46, Каинску 359 и 44, Нарыму 110 и 13, Томску 409 и 50, Ачинску 377 и 46, Енисейску 383 и 47 четвертей все: муки с четвериками, а крупы с четвериками и гарнцами, а всего по губернии муки 12723 четв., крупы 1577 четв., 6 четв. 1 1/2 гарнца. Об отправке этой подати за 1795 г. и взыскании за 1796 г. строжайше было предписываемо несколько раз, и, наконец, с нарочными казаками, так, чтобы крестьяне собрали подать и отправили в тот же день, как получают предписание, если же нельзя взыскать с неплательщиков, то внести обществом.

В 1796 г. требовался и отчет в этой подати, как и в продаже казенных питей. Но сбор был безуспешен, по причине неурожая хлеба и дороговизны его, произшедших в 1796 г. Император Павел I вскоре по вступлении на престол именным указом 13 декабря 1796 г. повелел отменить эту подать, отяготительную при исполнении, а особенно тягостную для сибиряков, при бывшем тогда неурожае, а повелел взимать эту подать деньгами по той цене, по какой обошлась бы хлебная в натуре, т.е. за каждый четверик с крупую по 15 коп. Об этой монаршей милости опубликовано было в январе 1797 г. И как, конечно, обрадовались все!

Народная перепись

Указ о 5-ой народной переписи издан 30 июня 1794 г. (а в округах опубликован в конце декабря), на основании указа 1781 г. 22 ноября. Народная перепись произведена в 1795 и 1796 году.

Киргизы

Киргизы всегда пропускались в зимнее время из степи в округа Ишимский и Курганский. В 1796 г. командующий Сибирским корпусом и линиями генерал-поручик и кавалер Шtrandман распорядился на зиму 1796/7 г. пропустить в округа тех самых султанов, старшин и киргизов, которые и прежде были пропускаемы с конскими их табунами, для надзора за ними назначить по 3 и по 4 казака, а для разбирательства споров между ними и русскими и отклонения притеснений приказал назначить со стороны земской смотрителей или чиновников. А как члены земского суда все заняты были постоянно разными поручениями, то земский суд в декабре 1796 г. предписал производить разбирательство в сельских судах со всею справедливостию и о последствиях доносить земскому суду.

Колодники и поселщики

Колодники, ссылаемые из великороссийских губерний в Иркутск, были перевозимы или по одиночке, или небольшими партиями на нескольких подводках не в определенное время, а по мере надобности. Их отправляли не в цепях, как ныне, а в колодках, которые должна была иметь каждая волость на каждой станции, а где их не было, там с предыдущей отдавались оне по 5 к. за шт., а если, за неимением колодок, колодники отправлялись с какой-нибудь станции без них, то при перевозке колодников наряжался лишней конвоем. В конвое главными были выборные и сотники. Так было между прочим и в 1797 году.

Арестанты, ссылавшиеся из великой России в Иркутск и другие места, пересылались, из Тобольска ли, или прямо из Тюмени, но непременно чрез Ишим. В Ишиме существовал (или учрежден в 1800 г.) особый ордонанс-гауз. Туда-то приводили арестантов для свидетельства,

осмотра и дальнейшего их отправления. Ордонанс-гауз занимал частную квартиру. В 1800 г. сенаторы Ржевский и Левашов, ревизовавшие губернию, нашли это неудобным. Они в ноябре распорядились, чтобы колодники, идущие, особенно из России, большими партиями, не были заводимы в Ишим, а чтобы были проводимы прямым трактом на крепость Омск и город Томск.

По тому же предложению в 1800 г. Ишимским земским судом строжайше предписано, при препровождении пересылаемых колодников в предостережение от утечки (побегов) посредством которой *сии распутные люди* скопляются и чинят грабежи, предпринимать самые надежные меры и отнюдь их свободно идущими не оставлять, а надевать на них рогатки и колодки или вести с канатом, словом, употреблять все средства, чтобы спасти жителей от их проделозостей.

Посельщикам выдавалось для домообзаводства по 5 р. на лошадь. Деньги взыскивались чрез пять лет по 1 р. Такая недоимка взыскивалась в 1797 г.

Порубка лесов

В 1799 г. в Тобольской губернии был и надзиратель лесов, в должности обер-форшмейстера, коллежский ассессор Паппадопуло.

В 1799 г. по требованию государственной Адмиралтейств-коллегии строжайше предписано было беречь леса и преследовать виновных в порубке их, собственно, для того, чтобы не истреблялся порубкою корабельный лес. Губернское начальство воспретило самовольную порубку, внесло строгую формальность в разрешении рубить лес для хозяйственных потребностей. По этому случаю требовались в 1799 г. сведения о числе домов, бань, печей и количестве потребного строевого леса и дров. Из Боровского волостного правления донесено между прочим, что к волости принадлежит 1 село и 17 деревень, во всех их домов 476, бань 264, овинов 345, в них печей 1115, дров требуется 37945 саж., а для построек бревен 38150 шт. Все опечалены были запрещением рубить лес и пришли в большое затруднение в добычании его даже на дрова. Наконец, по ходатайству Тобольского гражданского губернатора Дмитрия Родионовича Кошелева, *Государь Император* в конце 1799 г. разрешил в Сибири порубку леса, по той причине, что если бы корабельный лес в Сибири и был, то во всяком случае перевозить его в порты из Сибири было невозможно. Это разрешение, для всех радостное, опубликовано в январе 1800 г. Ишимский земский исправник, кроме официального о том извещения от земского суда, еще от себя известил волостные правления и предложил поселянам за такую неизреченную милость Государя добровольно вносить от трудов своих одновременно в казну овса или муки в крепость Петропавловскую, или другие какие-либо мага-

Отдых в дороге. Гравюра Каразина. 1894. Из издания «Живописная Россия. Том XI. Западная Сибирь».

зины, и что последует на это предложение, ему через нарочных донести немедленно. В делах не нашлось ответа. Но надобно быть уверенным, что крестьяне, частью от радости, частью от того, что предложение сделано земским исправником, сделали пожертвования, и притом немаловажные.

Суд

Один назвавшийся солдатом сделал донос на генерал-лейтенанта Оболянинова. Донос оказался ложным. Губернское правление в 1800 г., вероятно, по предписанию высшего начальства, опубликовало, чтобы доносчика считать беззачетным.

Два крестьянина в 1800 г. по решению палаты уголовного суда за кражу из волостного правления казенных денег наказаны кнутом и потом возвращены в общества, с тем чтобы не увольнять их по паспортам и взыскать с них с количества кражи трехалтынные деньги, всего 9 руб.

В случае жалоб или тяжбы виновные требовались или к комиссару, или в земский суд; к первым для расправы, в последний для отобрания ответов, и потом отдавались обществу для разборки дела. Следствий особых в маловажных делах не было.

Пристанодержательство

По предложению губернатора Кошелева в 1800 г. Ишимским земским судом предписано было строжайше позаботиться об искоренении воров, разбойников и пристанодержателей и особенно последних: ибо с уничтожением их первые сами собою должны искорениться.

Торговля. Купечество

Ишимское купеческое и мещанское общество в 1796 г. жаловалось городничему, что общество приходит в упадок и многие уже из купеческих капиталов, по несостоятельности, исключились из гильдии, потому что в городе и округе оного, а более в Петропавловской крепости, производят торговлю пушным товаром и скупают сало, масло и сырые кожи приезжие

*Жатва в Сибири. Гравюра Вастковского. 1894.
Из издания «Животисная Россия. Том XI. Западная Сибирь».*

купцы. Жалоба их представлена наместническому правлению. Там дело отдано на заключение прокурора. Прокурор сделал выборку из законов, какие на этот предмет изданы частию при Императрице Екатерине II, частию прежде. Положено было предписать, чтоб никто из купцов и мещан и другого звания людей противной узаконениям торговли не производил, а торговал бы каждый тем, чем ему дозволено, и там, где он должен по правам гильдии, а ежели кто будет изобличен в противозаконной торговле, то конфисковать у таковых товары.

В 1800 г. по указу Правительствующего Сената собирались сведения, кто из купцов и мещан желает перечислиться в крестьяне и из крестьян, живущих в городах и посадах, в купцы и мещане. Собраны были сведения и составлены ведомости о купцах и мещанах, живших в селах, но не по всем местам, и неудовлетворительные. Требовались вновь ясные и полные. Однакожь нашлось проживавших в уездах Тобольской губернии купцов и мещан 7582 души, кроме городов: Тобольска, Енисейска, Туруханска и Ишима, из которых ведомостей не было получено.

В Тобольске в 1796 г. были между прочим купцы Кремлев, Петр Шевырин, Русаков и Постников. Первые двое имели уже тогда каменные дома в Тобольске.

Предосторожности от пожаров

Губернским правлением циркулярно предписано в 1800 г. в тех уездах, где есть вино и соль при магазинах, по неимению пожарных машин, содержать кадки с водою и по несколько швабр из мочал, а жителей распределить для пособия

в пожарах, не позволять жителям по близости к магазинам ходить с огнем и табаку курить. Другим указом, по случаю происшедших пожаров в двух домах, предписано строго иметь осторожность и завести, согласно указу Правительствующего Сената 1797 г., вилы железные, крюки, подкрючья, иметь по 4 бочки зимою на саях, летом на дрогах.

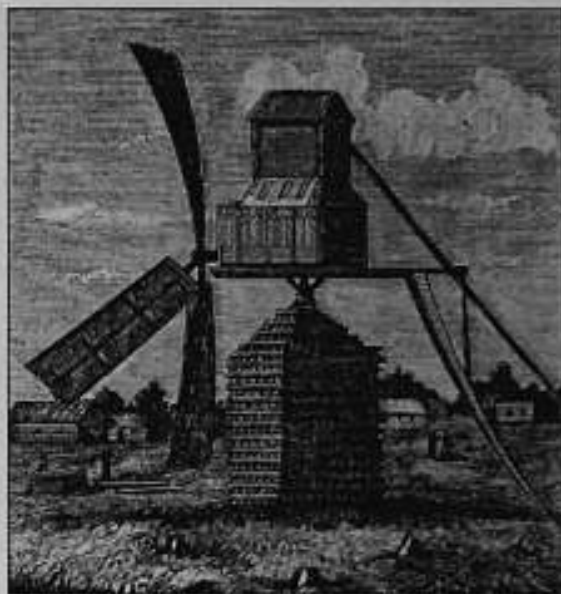
Город Ишим. Ишимский округ. Ишимский земский суд. Волости. Волостные правления

В Ишиме открыта почтовая экспедиция в 1797 г. В Каинске уже была прежде.

По 5-ой народной переписи в 1798 г. в Ишиме считалось купцов 2 гильдии 2, 3 гильдии 9, мещан 336.

Прежде в Ишимском округе было волостных судов 42. По случаю составления 5 народной переписи, в 1796 г. предписано было составить новое росписание волостей, для большего удобства в сборе податей. Ишимский исправник Бабановский составил и представил на утверждение. Число волостей сокращено на 24. Казенная палата 2 октября 1796 г. дала знать земскому суду, что это росписание его утверждено и предписала сбор податей производить немедленно по новому росписанию. Земский суд встретил в том затруднение, потому что сбор их уже начался, да и сдача в казначейство денег уже производилась: оттого должна была произойти путаница. Потому он не нашел возможным исполнить требование палаты и представил ей неудобство это на уважение. А между тем 15 октября 1796 г. предписал всем волостным судам доставить сведения о количестве

недоимок в государственных податях, на помещиках за выданных им лошадей, о количестве хлеба в магазинах и недоимки в нем, о числе рекрутских складочных денег по прежним волостным судам, предположенным к закрытию, также произвести разборку дел этих судов, составить им описи и сдать дела и суммы во вновь учрежденные волостные правления и обо всем ведомости доставить в суд. Казенная палата уважила представление и предписала сбор податей и недоимок производить по новому росписанию волостей уже с 1797 года. Земский суд распорядился о том 18 января 1797 г. и предписал избрать волостных начальников, из бывших в волостных судах, сбор податей производить с 1 января по новому росписанию волостей, а требуемые сведения доставить немедленно и проч., суммы хранить в волостных правлениях за печатями волостных начальников. Между тем при составлении росписания волостей казенным именован экспедициею государственного хозяйства, опекунства, иностранного и сельского домоводства, с *Высочайшею* утверждения, положено не различать селений по званиям, но писать целыми волостями, показывая число деревень, ревизских душ, земель, угодий. Таковые ведомости составлялись во всех губерниях и присылались в экспедицию. А чтобы утвердить это постановление и на будущее время, экспедиция составила положение, чтобы по неравенству казенных селений и обширности земель определенного числа душ для каждой волости не назначать, а предоставить это попечению губернаторов, вместе с казенными палатами, с тем только, чтобы в каждой волости было включено не более 3000 ревизских душ и чтобы не разбивать пяти-сотенных участков, каждой волости называться по главному селению, учредить волостные правления в главном или другом каком селении волости, в нем быть голове, старосте или выборному писарю, в деревнях сельскому или деревенскому выборному, в каждом десятке десятнику, для волостных правлений иметь особые избы, суммы хранить в сундуках за печатями волостных начальников и проч. и проч. Это положение *Высочайше* утверждено 7 августа 1797 г. и 24 августа того же года Правительствующим Сенатом опубликовано. (Примечание 8: Полн. собр. зак., т. XXIV, № 18082.) Прислан указ о том и в Ишимский земский суд. Земский исправник Милованов составил новое росписание волостей в изменение составленного прежде Бабановским. Волостные правления по его предположению учреждены по удобству 1) в слободе Красноярской, 2) в деревне Гагарьего мыса, 3) в деревне Сладкой, 4) Шестаковой, 5) Армизонской, 6) в селе Берджоьем, 7) в деревне Безруковой, 8) большой Голышмановой, 9) в селе Малышкине, 10) Боровском, 11) Фирсовском, 12) Абацком, 13) в деревне Чуртанской. Росписание это земским судом опубликовано 16 февраля 1798 г. и предписано было

*Сибирская мельница.
Гравюра Прохорова. 1894.
Из издания «Живописная Россия.
Том XI. Западная Сибирь».*

выстроить волостные правления, а пока поместить их в квартирах, избрать волостных начальников, дела, суммы, ревизские 5-ой народной переписи сказки сдать во вновь учрежденные волостные правления и проч. К Боровской волости, в которой пред тем было окладных 894, неокладных 19 д., присоединено из Черемшанской окладных 1125, неокладных 1, да из Жилияковской (12 деревень) окладных 708, неокладных 36, всего 2683 д.

Но вскоре произошла новая перемена. Разделение волостей, составленное исправником Миловановым, оказалось несоответственным местному положению и выгодам жителей, притом раздроблены были в его росписании даже пятисотенные участки. Гражданский губернатор Дмитрий Родионович Кошелев предложил губернскому правлению это распределение уничтожить, а оставить волости в прежнем состоянии, в которое они были приведены исправником Бабановским, потому что его распределение было сообразнее с последним указом Правительствующего Сената. Губернское правление дало указ 5 мая 1798 г. Ишимскому земскому суду. В суде составлена по этому случаю ведомость о числе душ, по которой в 24 волостях оказалось следующее:

Число окладных душ — Неокладных:

- В Жилияковской — 1888 — 56
- В Тоболовской — 1408 — 76
- В Ларихинской — 1344 — 1
- В Гагарьевской — 974 — 16
- В Казанской — 1493 — 3
- В Ильинской — 1431 — 21
- В Сладковской — 1411 — нет
- В Красноярской — 1640 — 13

В Соколовской – 1045 – 119
 В Утчанской – 1081 – 392
 В Частозерской – 1180 – 15
 В Армизонской – 1124 – 4
 В Бердюжской – 1258 – 8
 В Медведевской – 1011 – 22
 В Устьламинской – 1179 – 4
 В Малышенской – 1293 – 110
 В Арамашевской – 901 – 349
 В Черемшанской – 1872 – 11
 В Боровской – 1760 – 20
 В Фирсовской – 1576 – 16
 В Абацкой – 1150 – 22
 В Камышенской – 1716 – 15
 В Челноковской – 1018 – 7
 В Готопутовской – 1284 – 68
 Итого – 31988 – 68
 Всего – 33353 д.

Вот тогдашнее народонаселение округа. Впрочем, количества, здесь означенные, разнятся несколько с количествами, показанными по случаю распределения дорожной повинности (см. выше ст. о дорожной повинности). Земский суд предписал 31 мая 1798 г. устроенные в 1797 г. исправником Бабановским 11 волостей, как-то Жилияковскую, Тоболовскую, Ларихинскую, Гагарьевскую, Ильинскую, Соколовскую, Частозерскую, Устьламенскую, Арамашевскую, Камышенскую и Челноковскую восстановить и волостным правлениям быть в тех селениях, где тогда состояли, и проч. и проч. Ныне в Ишимском округе волостей 28.

До составления нового росписания волостей, по 5-ой народной переписи, произведенной в 1795 и 1796 г., оказалось окладных душ в волостях Ишимского округа Боровской 894, Чупинской 871, Фирсовской 782, Узловской 821, Абацкой 1057, Камышенской 821, Разказовской 898, Челноковской 1018, Готопутовской 578, Чуртаской 705, да неокладных во всех 151, итого в 10 волостях 8566 д.

Для волостных голов, старост и выборных печати вырезывались в Тобольске. Этим занимался мещанин Смердов. Цена 1 руб. 80 к. за печать. Для пересылки денег в Тобольск по почте требовались полупроцентные и весовые и какие-то особые на промен (вероятно, серебра и меди на ассиг[нации]).

Распоряжение о доставлении Государю Императору двухнедельных ведомостей о происшедших в каждой губернии – сделано было в Тобольской губернии в январе 1800 г. Однакож из многократных подтверждений видно, что волостные писаря или забывали, или не умели составлять таковых ведомостей, а потому не доставляли их вовсе, точно так же как земский суд не мог добиться прежде, чтобы волостные правления доставляли своевременно ведомости о посевах и урожае хлеба.

В 1799 г. Боровское волостное правление земскому комиссару в рапортах своих писало титул «благородному и почтенному Ишимского

*Крестьянские дети.
 Гравюра Панова. 1894.
 Из издания «Живописная Россия.
 Том XI. Западная Сибирь».*

округа земскому комиссару господину титулярному советнику такому-то». Точно такое титуловал их и земский суд в адресованных к ним бумагам.

Ревизовавшие Ишимский округ сенаторы заметили, что 1.) по казенным волостям головы, выборные, старосты, десятские, не могли дать простого ответа о многих предметах, относящихся к их обязанностям (да сибирский мужик, напуганный тогда не токмо земскими комиссарами и исправниками, даже секретарями и канцелярскими чинами, мог ли что-нибудь сказать пред особою сенатора?), оттого что земскими начальствами и сельскими писарями им не прочитывается и не объясняется ни *Высочайших* указов, ни указов губернского правления, ни наставлений, данных сельским начальством (да это едва ли и ныне делают писаря!); 2.) дороги, особливо на низких и болотных местах, очень дурны; 3.) писаря в иных волостях определены из поселенцев, из лишенных чинов, нетрезвого поведения. Сенаторы предложили исправить все эти недостатки. Земский исправник Эрн со всею строгостию предписал исправить дороги и гати, устроить мосты и на перевозах паромы и проч., волостным начальникам – изучить свои обязанности, и для того употребить писарей. Однакож писаря Чупина – пьяницу, лентяя и притом состоявшего под судом за злоупотребления [и] отрешенного от должности в 1800 г., в том же году он снова определил в Безруковское волостное правление, предписав только наблюдать за ним, не пьянствует ли он, не ходит ли на крестьянские помочи, не буянит ли. Буря сенаторская пронеслась, настала тишина, опасность миновалась, снова принялись за старые грехи.

Из приказа земского комиссара Донского, данного волостным правлениям в 1798 г., видно, что жители деревень очень неопрятно вели свои скотские дворы, навоз не вычищали, а если и чистили, то только один раз в год, и когда от нечищения двор засаривался весь, тогда дворы переносили на другое место. Комиссар очень строго предписал вычищать скотские дворы во

избежание заразы, навоз вывозить, не менее как за 200 саж. от жилья и там сожигать.

Сенокосение начиналось с Прокопьева дня. Пахатные земли и сенокосы тогда не были разделены на души, как ныне. Оттого всякий пахал и косил, где ему угодно. Однакож в выборе трав каждый был себе на уме, всякий старался захватить лучшие места. Обычай был тогда вот какой: около Петрова дня имевшие у себя достаточно скота и, следовательно, нуждавшиеся в большом количестве сена искали в границах дач своей деревни, мест, где растет хорошая трава. Эти сведения собирались секретно и от одного не сообщались другому. Настает Прокопьев день. К ночи собираются все с косами, верхом на лошадях, к дому писаря, там немножко выпьют. Настает минута отправки. Писарь дает разрешение: ребята, с Богом! Все в разсыпную, скачут во весь опор на замеченные ими места и закашивают траву, т.е. выкашивают площадки в сажень величиною на разных расстояниях кругом той площадки, которую кто намерен был взять себе. Кто первый прискакал и наложил косу, тот и прав, опоздавшие несколькими минутами, но имевшие в виду то же место, должны были ехать дальше на другие замеченные ими места, и делали то же. Этому обычаю не препятствовало и земское начальство, а только требовало, чтобы закашивание непременно было не прежде, как 7, или 8, или 10 июля; для этого исправник или комиссар ежегодно давал приказ волостным правлениям и в приказе означали день закашивания. Этот обычай существовал, я очень помню, и в Курганском округе и, конечно, в других дотоле, пока не сделано разделение земли на души. Дележ трав был производим волостным начальством, при участии даже земского начальства, только в годы засух и неурожая трав, или в года разливов рек и долгого стояния воды.

Нередко встречались в бумагах строгие воспрещения переселений на жительство в другие деревни, волости и округа без дозволения начальства. Особенно обнаружилось это во время 5-ой народной переписи. Эти переселения и с разрешения начальства были довольно часты.

Из города Ишима отправлялись в округ для славленья разного рода люди обоего пола, славили Христа, т.е. собирали по домам жизненные припасы, как это делают в Сибири и ныне бедные горожане и сельские жители, только тогда делали это с вымогательством, будто бы с разрешения земского начальства, и по тому же мнимому разрешению требовали себе обывательских подвод из села в село для отвоза себя и собранного ими хлеба, чего ныне уже давно нет. Земский исправник Петр Бабановский, узнав об этом, в декабре 1796 г. строго предписал всех таковых славельщиков, опирающихся на авторитет земского начальства, высылать в город за караулом.

Из жалоб, приносимых крестьянами земскому начальству, видно, что самоуправство и истязания сильного над слабым, буйство, драка, кровсмешение, грубая месть, пошлая брань были обыкновенными пороками, но не всегда сходили с рук обидчику по жалобам обиженных. Тайная выкурка вина, пьянство в праздничные дни и на свадьбах – было обычаем и едва ли считалось пороком.

[Описание Боровской волости для учителя Прутковского.]

В 1798 г. предположено было Тобольским приказом общественного призрения, под ведением коего находилось главное народное училище (нынешняя гимназия), составить историческое, географическое, топографическое и физическое описание Тобольской губернии. Для этого потребованы всевозможные исторические акты и планы, статистические сведения и разные описания, исчисленные в указе губернского правления весьма подробно. Из 16 волостей сведения доставлены, а из 8 остальных нет. В 1799 г. для составления описания был командирован от Тобольского губернского народного училища учитель Прутковский. Снова потребовались сведения от остальных 8 волостей, да притом с нарочными. Тогда Боровское волостное правление по необходимости должно было составить сведения, и оно составило и представило их. Вот что оно написало: Боровской волости народ всё русский, по образу жизни истинные христиане, есть часть – старообрядцы, нравом тихие, большею частию красивые, а безобразных очень мало, сложения крепкого, великодушны, пред начальством робки. Свадебные обряды соблюдаются след[ующим образом]. К родителям невесты посылаются от жениха кто-нибудь из его родни, или соседей, или другие – сват или сваха. Когда высватают невесту, т.е. когда последует согласие родителей, тогда сват или сваха с родителями невесты ставят пред иконою свечу, помолившись Богу, бьют по рукам, и тогда начинается угощение, чем случится. Назначается время смотренья. К смотренью жених приглашает дружку (шафер), сваху или свата и с родителями отправляется в дом невесты. Родители невесты принимают дорогих гостей, садят на первые места. Между тем невеста одевается в лучший свой наряд. Ее выводят к жениху на смотренье. Жених и все гости встают при входе ее. Сваха и дружка спрашивают невесту и ее родителей: люб ли жених, а жениха: люб ли невеста. Когда же с той и другой стороны ответ будет: люб, любя, тогда невесту уводят. Гости садятся. Родители невесты готовят стол, ставят кушанья и подчуют вином и пивом; потом идет подчиванье со стороны жениховой. Когда обойдет круговая, невеста выходит с дарами и дарит жениха платком, также его отца, мать и прочих платками уже низшего достоинства. Когда дары кончатся, назначают день свадьбы и рас-

ходятся по домам. В день свадьбы при женихе уже являются дружка, сваха, большой и малый бояре, со стороны невесты одна сваха. Жених со своим поездом едет к невесте, входят в избу или горницу, жениха сажают в передний угол, подле него сваху, подле свахи бояр, а дружка похаживает по горнице и творит молитву, часто обращаясь к иконе. (Дружка непременно должен быть знахарь и должен предупредить все ковы неблагонадежных людей.) Выводят невесту, сажают подле жениха по левую руку. Посидя немного, встают, молятся Богу пред иконами, благославляют жениха и невесту иконою сами родители того и другой. Потом жених и невеста кланяются в ноги родителям. Когда кончится эта церемония, начинается выход к отправке в церковь. Дружка берет икону, идет с нею вперед, за ним следуют жених и невеста, держа друг друга за руку, за ними сваха невестина, потом бояре и женихова сваха. Когда дойдут до коней, жених садится со своим поездом и едет впереди, невеста садится со своею свахою и едет позади. Дружка едет верхом на коне. На поезде он кричит всем встречным: «милости просим к князю новобрачному кушать хлеба и соли». Когда приедут к церкви, жениха и невесту поведут в церковь вместе. Когда окончится венчание и молодых выведут в трапезу, тогда голову невесты уберут по-женски. (Крестьянские девицы обыкновенно носят косу, к венцу косу расплетают и волосы расчесывают, оставляя их без всякого убора. Невеста на поезде и в церкви до начала венчания покрывалась фатою. Так, по крайней мере, водилось прежде. Убор головы по-женски состоял в плетении двух кос и в кокошнике.) Затем выходят, молодых посадят вместе и все едут в дом новобрачного. Там уже и стол накрыт, и кушанья поставлены. Родители встречают новобрачных с иконою на дворе, новобрачные делают земные поклоны и прикладываются к иконе, потом целуются с родителями и прочими. Затем родители сыплют на молодых хмель, приговаривая: живите богато. Потом входят в избу: дружка впереди, за ним новобрачные, а за тем и прочие, сажают новобрачных за стол вперед, за ним поезжан. Дружка за стол не садится, а подносит вино и пиво. Хозяева просят всех кушать. Дружка похаживает и угощает вином и пивом всех приходящих. После третьего кушанья новобрачных уводят в особливую комнату спать. А гости продолжают стол. Дружка узнает время поднимать молодых, их поднимут, выведут, посадят опять за стол на прежнее место; потом заставят их подносить напитки всем гостям. Новобрачная снова дарит поезжан платками или чем может. Ее отдают родители жениха коровою, а поезжан деньгами (в то время непременно серебряною монетою), родственники также скотом,

кому чем рассудится. Попиравши вдоволь, гости разъезжаются по домам. На следующий день поутру все собираются у молодых и отправляются на обед к родителям новобрачной. Попируют там и разойдутся. При этом молодой дарит родителей и всю семью своей жены сапогами и башмаками, а малолетних братьев и сестер ее пряниками (сапоги и башмаки в то-гдашнее время составляли предмет роскоши и потому были важным подарком), а его отдают скотом, рубахами, посудой. Этим оканчиваются свадебные праздники.

В престольные праздники жители празднуют следующим образом. Где есть церковь, там отправляются к вечерне, заутрени и обедни, а где нет церкви, на это время ставят обыкновенно свечи пред иконами. После обедни отправляются домой обедать, пьют пиво и вино, ходят друг к другу в гости, и везде пьют тоже и поют песни. Так гуляют дня по два и по три.

Земли в Боровской волости для посева довольно. Земля способна давать плод только десять лет сряду, а по истечении десяти лет надобно землю оставлять впусте на десять и более лет. Крестьяне сеют рожь, ярицу, пшеницу, ячмень, овес, горох, коноплю и лен, в огородах капусту, огурцы, морковь, редьку, свеклу, горох, лук. Продают они хлеб свой в городе или по домам разным приезжим скупщикам.

Ловлею зверей – зайцев и горностаев занимаются крестьяне осенью по уборке хлеба, в октябре и ноябре, и то только некоторые. Ловят же их или посредством собак, или петлями. Весною в озерах ловят рыбу сетями, сушат ее на солнце. В августе и в сентябре – сетями и неводами. Изловленную опускают в особые садки до замороза, зимою из садков вынимают и продают в город и по домам приезжим торговцам.

Домашняя птица – гуси, утки, индейки, куры. Судоходства на реках Ишиме, Карасуле, Мыслях, Черемшанке нет. Строевой сосновый лес достают крестьяне издалека, из чужих дач. А в Боровской волости лес только березовый. Заводов, кроме кожевенных, нет.

В Боровской волости два торжка: 8 июня и 8 ноября. Приезжие привозят разные товары, а поселяне продают лыко, мочало, веревки, грабли, лопаты, корыта, сохи, седелки, холсты и прочее крестьянское рукоделие.

Из плодовых кустарников есть только один смородинник; из травяных кореньев, в пищу годных, – саранка.

Вот и всё, что я мог понять и извлечь из описания, составленного волостным писарем для учителя Прутковского и написанного нечетко и совершенно безграмотно.

*Подготовка к печати и предисловие -
Г.А. Крамор.*

Пытливый посох странника

О.А. ОЖГИБЕСОВА

Тайна Бердюжской степи

Были сборы недолги

Любая тайна всегда начинается с открытия. А любое открытие всегда начинается с любопытства. Вот, например, стояла гранитная плита посреди степи как минимум лет семьдесят, — во всяком случае, старожилы помнят её ещё с довоенных времён. Но только летом этого года ишимский орнитолог Анатолий Примак наткнулся на таинственный памятник и, заинтересовавшись, позвонил в ишимский краеведческий музей.

Сборы были, как поётся в песне, недолги. Что журналисту, что краеведу: собраться — только подпоясаться. Планы, правда, нарушал зарядивший на неделю дождь. Ехать при такой погоде в богатую солончаками степь — дело бесперспективное. Грязь наматывается на колёса, как сахарная вата на деревянную палочку.

Наконец, словно сжалившись, выглянуло солнышко, подсушило дороги.

— Едем, — звонит мне из Ишима Надежда Проскурякова, старший научный сотрудник краеведческого музея. — Глава местной администрации обещал нам «газик».

— Соглашусь и на ковш экскаватора! — я полна решимости добраться до памятника.

— Ну, я авантюристка, — восхищается Проскурякова, — а ты ещё похлеще!..

Экскаватор не понадобился. День выдался на удивление сухой и тёплой. Ишимско-Сибирская епархия Русской Православной Зарубежной Церкви лобезно предоставила нам «газельку», на

которой наша группа в составе водителя Коли Маркова, двух краеведов — Надежды Проскуряковой и Геннадия Крамора, корреспондента местной студии телевидения Оксаны Павловой, оператора Славы Болдышева, а также вашей покорной слуги — выехала из Ишима в село Окунёво Бердюжского района.

К слову. Когда выезжали со двора музея, на дороге, словно из-под земли, выросла чёрная кошка. Коля Марков тут же вспомнил и рассказал историю. Ехали они как-то с владыкой Евтихием, и перебежала им дорогу тоже чёрная кошка. Коля, как настоящий водитель, схватился за пуговицу (примета шофёрская такая), за что владыка тут же «въехал» ему в ухо:

— Не будь, православный, суеверным!

В краю, где много пеликанов

Дорога хоть и недолгая, но впечатлений — море. Взрыв красок: жёлтые берёзы, взбежав на пригорок, хороводятся с зелёными сосёнками. Рябины и осины выстреливают в синее небо алым салютом листьев и ягод.

Никогда бы не подумала, что в наших краях столько озёр. И у каждого — своя история, своя, как говорит нынешняя молодёжь, фишка. В Останинском, к примеру, изумрудная вода действует вроде валерьянки, с той лишь разницей, что принимать её нужно не внутрь, а как наружное средство. В Окунёвском же озере вода, как в Мёртвом море, насыщена солями. Что только не лечит, — и кожные заболевания, и суставы, и многое другое.

Пегановское озеро такое большое, что не видно противоположного берега. А посередине — остров. Когда-то, говорят, ещё до революции, местный богатей разбил на нём яблоневый сад. Сейчас он заброшен, хотя яблоки оттуда до сих пор возят корзинами. Интересно, что в ветреную погоду по озеру ходят коричневые волны.

Наш путь лежит дальше, через село Окунёво и деревню Одышка к озеру Тундровое. Тундровое, кстати, знаменито тем, что на нём обосновалась самая большая в России колония пеликанов.

Старожилов ни в Окунёво, ни в Одышке почти не осталось. Самому старому едва минуло семьдесят лет. Так что о памятнике, который к этому времени мы ещё не видели, нам удалось узнать не так много. Бесспорно одно: в конце тридцатых — начале сороковых годов он уже стоял в степи.

Казахи здесь молились часами

А теперь нарисуем такую картину. Когда-то на берегу озера Тундровое стояло село с одноимённым названием, основанное примерно в начале XX века. Жили в нём русские люди. Лиц мусульманского вероисповедания не было. И находилось село в трёх-четырёх километрах от берега. Места, как я уже говорила, здесь труднопроходимые. Озеро окружено солончаками, дороги весной и осенью, а то и дождливым летом подтоплялись.

Вокруг озера располагалось несколько лесных заимок. На одной из них жили казахи. Правда, немного, всего пять семей. Место это до сих пор называют «казацкие избушки» (слово «казахи» у местных жителей трансформировалось в «казаки», поэтому и избушки — казацкие). Но и эта заимка тоже располагалась километрах в трёх от берега.

В деревне Одышка с начала тридцатых годов поселилось несколько казахских семей, но Одышка находится в шести километрах от памятника. И ещё один момент. Степь вокруг озера всегда использовалась как пахотная земля. И

Глава Окунёвской сельской администрации С.В.Андреев — главный помощник в экспедиции. Беседа с жительницей деревни Одышка. 29 сентября 2004. Фото Г.А.Крамора.

всегда, сколько помнят местные старики, памятник стоял посреди пашни.

По словам семидесятилетнего Михаила Ивановича Гусева, жителя деревни Одышка, под этим камнем похоронен мулла. Так говорили местные казахи. Проезжая мимо камня, они останавливались и подолгу — по часу, по полтора — молились возле памятника.

Если честно, то я не знакома с казахскими обычаями. И потому проконсультировалась у своего коллеги, казаха по национальности. По его словам, казахи всегда стараются увезти умершего сородича на родовое кладбище. Наш «мулла» похоронен не в родном ауле, где предположительно он мог жить, а посреди степи, которая к тому же была распахана.

Возможен и другой вариант. До конца двадцатых годов оседлых казахов в наших краях не было. Зато появлялись, благо Казахстан рядом, кочевые. Возможно, один из них и остался лежать в сибирской степи.

Вызывает интерес и тот факт, что на могиле, если это действительно могила, установлена гранитная плита. В бердюжских степях не то что гранит — простой бульжник днём с огнём не сыщешь. Так что привезли плиту издалека, возможно, много позже.

— Из Петропавловска, — говорит Михаил Иванович Гусев.

Не думаю. Во-первых, Петропавловск на гранит не богаче, чем Бердюжье, а во-вторых, до войны это был стопроцентно русский город.

Так кто же похоронен на берегу озера Тундровое и за что он удостоен такой почести, как гранитная плита с арабским текстом?

Забытая святыня

Есть и ещё одна версия.

Предполагается, что на берегу озера когда-то было расположено мусульманское кладбище. По словам старика Гусева, уже после войны здесь хоронили некоего Жунусова, бывшего у казахов кем-то вроде муллы. От Гусева же слышали историю о том, что рядом похоронен ребёнок. Есть и другие свидетели, слышавшие, что могила, где лежал малыш, смыло водой, — оттого, мол, и стало известно об этом захоронении. Но это всё, что говорит в пользу версии о существовании кладбища. Могло такое быть? Вполне. Но данный факт не объясняет первопричины появления гранитной плиты в степи у озера Тундровое.

...Вдоль чавкающей грязью дороги от Одышки до озера щедро разбросаны кроваво-красные, но отнюдь не зловещие, а, напротив, радостно-праздничные пятна. Это солончаки, а красные они оттого, что на этих землях растёт только одно растение, которое в обиходе именуют «пальчики».

Два «газика» легко, не боясь ни чёрной затопленной колеи, ни красных «пальчиковых» пятен, преодолевают шесть километров от Одышки до места, где установлен памятник. Теперь, наконец, мы сможем увидеть его своими глазами. В первый момент испытываю разочарование: серая плита высотой с человека среднего роста, — не выше метра семидесяти сантиметров, толщина — сантиметров десять. С одной стороны поверхность камня не обработана, на другой, обтёсанной, просматриваются следы какой-то надписи. Сверху слева камень

*Ольга Ожибесова и Слава Болдышев
измеряют высоту памятника.
Фото Г.А.Крамора.*

сколот, справа отчётливо виден полумесяц.

Я вожу по памятнику ладонью, касаюсь выбитых арабских букв кончиками пальцев. Но здесь, пожалуй, нужен человек, знающий азбуку Брайля, к тому же на арабском языке. В нашей группе таких, увы, нет.

Вокруг памятника на расстоянии двух-трёх метров, и это заметно до сих пор, когда-то был вырыт ров. Или, наоборот, насыпан небольшой холм. Во всяком случае, плита стоит, словно на возвышении. Явных следов других могил здесь нет, хотя некоторые участники нашей экспедиции, к примеру, Надежда Леонидовна, пытались убедить себя и других, что они видят остатки этих захоронений. В углублениях выбитых на камне букв Гена Крамор обнаруживает микроскопические остатки бронзовой краски. Основание плиты выложено красным кирпичом, отнюдь не современного производства.

Когда-то за памятником ухаживали. Каждый год местные и приезжие казахи проводили возле него свой национальный праздник — Уразу. В середине шестидесятых местный тракторист свалил памятник на землю: может, камень понравился, а может, надоело каждый раз во время пахоты обходить его стороной. Со всей округи съехались казахи, нашли тракториста и заставили поставить памятник на место, пригрозив вырезать всю деревню, если ещё хоть один человек посягнет на святыню. Так повествуют местные жители. Но это было давно. Уже лет тридцать пять, как памятник стоит забытый и никому не нужный. Кроме нас.

Таинственная надпись

Самое главное сейчас — прочитать надпись на камне. Только так можно раскрыть «тайну века». Но легко сказать — прочитать. Для этого нужно сначала проявить текст.

Кто-то ещё до нашей поездки пустил слух, что увидеть надпись можно только в том случае, если основательно намочить поверхность плиты. У Гены Крамора на этот случай припасены бутылки с водой, — он тащил их (чуть было не сказала — на себе!) от самого Ишима. Миссия полива досталась Надежде Леонидовне. Выполнила она её с особым тщанием, но... увы, надпись словно по волшебству не проявлялась. Гена с фотоаппаратом и оператор Слава с камерой ползали на животах, тычась в камень не только камерами, но и носами, и уверяли друг друга и всех окружающих, что, «если солнце будет светить вот отсюда», буквы «в скользящих лучах» станут более различимыми. И предавали подождать часик-другой, когда солнце пробежится по небу и изменит угол падения своих лучей.

Мне пришла в голову идея воспроизвести надпись, используя принцип переводной картинки: накладываешь на поверхность лист бумаги и закрашиваешь. При этом углубления не прокрашиваются, и надпись или рисунок проступают на листе. Чего-чего, а бумаги было вдо-

воль. Вместо карандаша решила использовать удачно найденную в одном из «уазиков» сапожную щётку. Может, затея бы и удалась, да вот беда: поскольку гранит был не шлифованный, а грубо обтёсанный, зернистый, то и рисунок у меня получился какой-то крапчатый.

Следующее предложение выдвинула Надежда Леонидовна. После ругани с Геной Крамором, обвинившим её в недалёковидности («Говорил же вам, возьмите мел!» — упрекал он Проскурякову), та решила прокрасить буквы... углём. Угля в степи было ровным счётом столько же, сколько и мела, так что в ближайший лесок за дровами отправился один из «уазиков». Главным углежогом был назначен наш водитель Коля Марков, который и воспользовался возможностью уютно устроиться возле костерка, пока мы суетились вокруг камня.

И тут оператор Слава поднял с земли кусочек кирпича, одного из тех, что лежали у основания памятников. Подержал, взвесил в руке и — положил на место... Как приятно похвастаться тем, что тебе иногда приходят в голову умные мысли:

— А давайте попробуем прорисовать буквы кирпичом!

Пальму первенства после у меня пытались отнять. Мол, каждый подумал то же самое. Но подумать можно многое. Главное — вовремя произнести. Идея моя в первый момент была отвергнута: костёр уже горел, и до угля было недалеко. Но я же вредная! А это иногда идёт на пользу общему делу. Во всяком случае, когда первые несколько букв приобрели рыжий оттенок и совершенно явственно проступили на поверхности гранита, стало ясно, что моё предположение не только имело право на жизнь, но ещё и оказалось на тот момент единственно верным.

Гена и Слава присоединились ко мне. В три руки работа пошла быстрее. И уже после того, как арабская вязь отчётливо проявилась, терзаемая сомнениями Надежда Леонидовна всё же взяла в руку обломок кирпича и внесла свою скромную лепту в восстановление памятника.

Она так тщательно по второму и даже по третьему разу обводила буквы, что удостоилась язвительного замечания Гены Крамора:

— Сразу ясно, кто у нас тайный мусульманин!

В Бердюжье нет арабов

Посмотреть на воскресшую надпись собрались все. Даже Коля Марков, наконец, оторвался от земли и подошёл поближе. Он и увидел то, что мы не смогли сразу разглядеть, — цифры 1919. Теперь мы точно знаем возраст памятника. Он стоит здесь 86 лет! И это всё, что пока удалось разобрать, — арабов, увы, в Бердюжском районе нет.

Перед нашей маленькой экспедицией стояли три задачи. Первая: найти памятник. Мы это сделали. Вторая: восста-

новить и сфотографировать надпись. И это тоже удалось. Третья: выяснить, кто похоронен у озера Тундровое или в честь какого события поставлен памятник. Это, пожалуй, самое трудное.

Что мы узнали? Надпись сделана на казахском языке арабскими буквами. В её написании нет так называемый «огласовки», то есть пропущены гласные буквы. Это одна из разновидностей арабского письма, трудно читаемая. Надпись сделана не каллиграфическим, а очень неразборчивым почерком.

В общем, проблем с расшифровкой хватает. Возможно, это просто цитата из Корана. И, тем не менее, надеемся, что на камне указано имя того, кто похоронен под ним.

Тайна мусульманской святыни пока не раскрыта...

Страницы мемуаров

И.А. СКОСЫРЕВ

Ишимское духовное училище в 1901-1907 годах

В фондах Ишимского историко-краеведческого музея хранится уникальный экспонат, свидетельствующий о духовной культуре Ишима начала XX века. Это мемуары Ивана Алексеевича Скосырева, учившегося в 1901-1907 годах в Ишимском духовном училище.

Родился он в с. Юрьёво (ныне Горьковский район Омской области), 8 января 1892 года (по новому стилю) в семье псаломщика. После смерти отца в 1900 году семья переехала в село Оконешиниковское Покровской волости Тобольской губернии, где мать зарабатывала на жизнь, вытекая просфоры¹ для местного храма. Старший брат Ивана Григорий в то время уже обучался в Ишимском духовном училище², куда в 1901 году поступил и Иван.

По окончании духовного училища в 1907 году Иван Скосырев продолжил обучение в Тобольской духовной семинарии, которую успешно закончил в 1913 году. Затем работал заведующим двумя церковно-приходскими школами в сёлах Бичи и Бакишеево. Не хватало оборудования, мебели, наглядных пособий, и Ивану Алексеевичу пришлось заниматься благоустройством кабинетов, созданием условий для обучения детей. Одновременно И.А.Скосырев завёл приусадебное хозяйство: собственноручно обрабатывал землю, изредка прибегая к «помощи» друзей из крестьян и местной интеллигенции. Он держал лошадь, двух коров и пасеку.

В 20-х годах семья Скосыревых переезжает в город Татарск Омской области. Здесь Иван Алексеевич вплотную занялся педагогической деятельностью.

Он работает учителем пения и музыки в железнодорожной местной школе, а затем, до 1925 года, последовательно занимает должности заведующего детскими домами в сёлах Шеренгуль, Кутино, Юдино и, наконец, в самом Татарске. В Юдинском детском доме Скосырев вместе с женой организовал отряд ЮК-скаутов³; позднее члены этого отряда стали называться юными пионерами.

Далее И.А.Скосырев переведён в железнодорожную школу станции Чаны Омской ж.д. — сначала учителем, а потом назначен заведующим школой. Здесь им впервые организован пришкольный участок, экспонаты которого получили второе место на местной сельскохозяйственной выставке.

Затем последовал перевод в Омск. В 1927 году И.А.Скосырев командирован на Центральные курсы по труду в Москве. По возвращении проводил курсы по труду для учителей школ г. Омска и некоторое время преподавал трудовое обучение в железнодорожной школе № 6.

В 1932 году Иван Алексеевич поступил в Вечерний педагогический институт без отрыва от работы. В течение четырех лет им прослушаны лекции по биологии, химии, геологии, литературе, математике, гистологии, логике и педагогике. Несмотря на трудное время — смерть жены, материальная необеспеченность, — он становится одним из лучших педагогов: руководит секцией биологов в Омске и Томске. Ему присваивают звание научного корреспондента отдела методов обучения Академии педагогических наук.

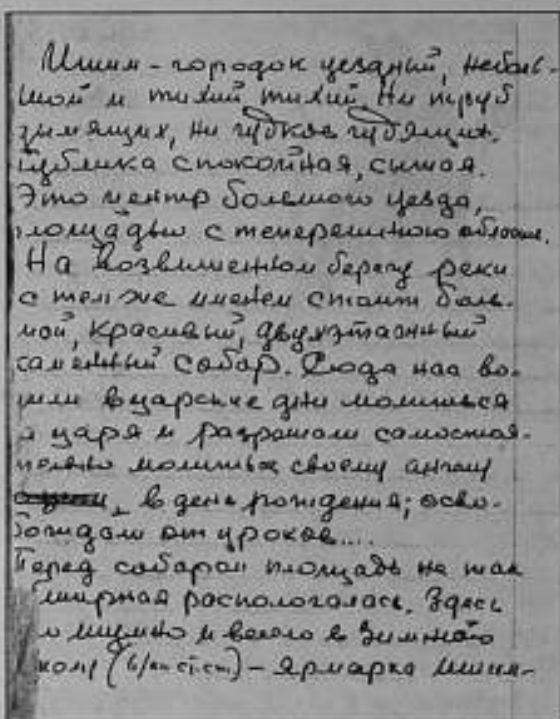
В начале 50-х И.А.Скосырев — в числе организаторов общества мичуринцев и мичуринского сада в Томске, общества охраны природы, а по выходу на пенсию в 1957 году он работает общественным инспектором-методистом гороно.

В середине 60-х годов Ивану Алексеевичу была сделана сложная операция, после чего он занялся литературной работой на дому. Именно в это время он пишет мемуары «Повесть о жизни моей». В огромной работе на сотни страниц Скосырев вспоминает дни, проведённые в Тобольске, Омске, Ишиме. Главу «Воспоминания юности нашей», посвящённую тобольскому периоду жизни и учёбы, автор отправляет в Тобольский музей-заповедник, в фондах которого она хранится и до настоящего времени. Главу «Ишимское духовное училище в 1901-1907 годах», написанную в 1971 году, посылает в Ишим к Д.И.Ашихинадзе, заведующему музеем при железнодорожном клубе имени Ильича. Уже в начале 1990-х, после смерти Даниила Ивановича, эти мемуары были привезены из Омска в Ишим В.Н.Меньшиковым, тогдашним хранителем фондов ИИМК.

Рукопись представляет собой четыре сшитых вместе школьных тетради, исписанных крупным почерком. Мемуары созданы на одном дыхании, но с большим количеством вставок и исправлений. Однако существенной редактурой автор в текст не вносил, отчего в ряде случаев пришлось исправлять явные опуски и ошибки. Редакторские вставки помещены в квадратные скобки. В целом же сохраняются своеобразные стиль повествования и грамматический строй предложений.

Воспоминания И.А.Скосырева — ценнейший источник сведений о жизни дореволюционного Ишима — публикуются впервые.

Ишим — городок уездный, небольшой и тихий, тихий. Ни труб дымящих, ни гудков гудящих. Публика спокойная, сытая. Это центр большого уезда, площадью с теперешнюю область. На возвышенном берегу реки с тем же именем стоит большой, красивый, двухэтажный, каменный собор. Сюда нас водили в царские

Страница рукописи воспоминаний И.А.Скосырева. 1971. Из фондов ИИМК.

дни молиться за царя и разрешали самостоятельно молиться своему ангелу в день рождения; освобождали от уроков..

Перед Собором располагалась не так обширная площадь. Здесь было шумно и весело в Зимнего Николаю (6/ХІІ старого стиля) — ярмарка Ишимская знаменитая звенела. Мы, крадучись, конечно, забегали сюда, чтобы быть участниками веселья, движения и зрелища посмотреть. Всякой снеди полно. Я помню, как мужичок один нёс, как бревно, большую рыбину длиной аршина два (1 1/2 м)... За собором у обрыва дома и домишки ютились. Мы, малыши, боялись заходить сюда, так как тут же стояло почерневшее деревянное в один этаж [здание-] ночлежка для бедняков; чесняками мы ночлежников называли. Почему? Не знаю. Они торговали.. раками, которых успешно ловили в реке, иногда приносили к нам и живых, и покрасневших, поджаренных..

К востоку от собора стояло уездное училище, воспитанники которого нас обзывали тараканами, а мы их похуже — вшами. И драки частенько между нами бывали..

*Ишимское духовное училище (ныне 1-й корпус ИГПИ им. П.П.Ершова).
1910-е. Из фондов ИИКМ.*

К северу от собора целый квартал занимала наша бурса — Ишимское духовное училище с большим, красивым двухэтажным зданием-корпусом, подсобными помещениями и высокой крепкой оградой.

Сюда-то и привёз меня мой брат Гриша в августе 1901 года...

Против бурсы стоял красивой архитектуры двухэтажный дом с мезонином и садом; кто в нём жил, не знаю. Вот отсюда и начиналась улица Соборная (?)⁴ широкая и длинная, с домами зажиточных жителей города, купцов и правителей и магазины разные. Помню, в последние наши дни Гастроном (?)⁵ с обильными яствами появился, а на площади Базарной Универмаг (?)⁶ стоял; церковью, кажется, три было⁷. Мы же довольствовались своей домовою, находящейся в центре здания на втором этаже; крест на крыше над ней стоял.

Город в те времена непыльным был и даже благоустроенным, по тому времени — лучше Омска, моего родного города. Хотя тротуары не везде были, об асфальте мы и не слыхивали. Освещался он уличными фонарями — электричества мы не знали; «не проходили» о нём в духовных училищах. В городе мы редко быва-

ли. Особенно в первые годы моей учебы в Ишиме. Наша бурса — закрытое учебное заведение; [чтобы] в город сходить, надо отпроситься и дать слово, что в такие-то часы возвратишься. Брат вскоре по приезде нашем водил меня куда-то на окраинную улицу — совсем деревня — к домику ремесленника, где он с отцом, который тогда ещё жив был, проживал, когда определялся в бурсу (1898 г.). Помню небольшой покосившийся дом с незатейливой оградой — небогатая семья. Поставила для нас хозяйка самовар и угостила чаем. Такое добродушие хозяев почему-то запомнилось мне на всю жизнь... [Более полное знакомство с городом у меня было после нашей забастовки в 1906 году, когда мы получили возможность ходить по городу, бывать в магазинах и даже быть подписчиком в городской библиотеке. Но об этом далее.]⁸

Итак, живём мы в довольно обширном дворе. С одной стороны корпус училища, кирпичные ворота, квартира смотрителя — всё белое — под один архитектурный стиль, с другой — крепкая ограда и два дома, выходящие окнами на соседнюю улицу — один двухэтажный деревянный (квартира эконома) и кирпич-

Ученики Тобольского духовного училища Пётр Смородинников и Евстафий Васильев, сын священника села Пегановского Ишимского уезда. Май 1914. Из архива А.В. Помешкиной.

ная одноэтажная больница. Сад в ограде в то время ещё не тенистый; в нем я лично две сирени посадил. Между домами эконома и больницы стояли крепкие ворота, а около них будочка для сторожа, который всегда задерживал нас, если мы пытались побывать за воротами. Внутри двора к северу расположена кирпичная белого цвета баня и хозяйственный двор; тут же под навесом громадные весы ко-ромыслом с большими площадками для гирь и предметов. Я как-то в конце последнего года взвесился, и было во мне 4 пуда 11 фунтов⁹ — вес, оставшийся на всю жизнь...

Между корпусом и хоздвором — выход к воротам, которые никогда при нас не открывались. К корпусу сбоку пристроена лестница на второй этаж — тут

мы и сфотографировались по окончании учебного года в 1907 году¹⁰. От бани через всю ограду, и даже через широкие решётчатые ворота в садик устраивалась по зимам катушка на высоких столбах и каток — одно из самых шумливых мест, особенно в масляницу, когда и катушка, и каток освещались бумажными фонариками. Веселье неунывное и беззаботное! Почти все имели санки на железных полозьях и я в том числе. И коньки были у многих (снегурочки). Я умел взадняшки ездить с катушки или возить на руках малышей (чего только не вспомнишь через 60 лет!).

Из своей «крепости» с высокой оградой мы любили вдаль на просторы полей смотреть. Для этого нужно было забраться на деревянную крепкую (противопожарную) лестницу с перилами к слуховому окну крыши. Это не разрешалось, конечно. Но иногда мне безнаказанно пометать там, смотреть на открывшиеся дали Заишимья удавалось. Эти Заишимские поля, перелески, видневшиеся поля золотой пшеницы казались сказочными и манили нас вдаль, туда, где небо сливается с землёй, где так, казалось, сказочно, чудесно. На ступеньках лестницы я вырезал ножом «И.С. 1906 г.»...

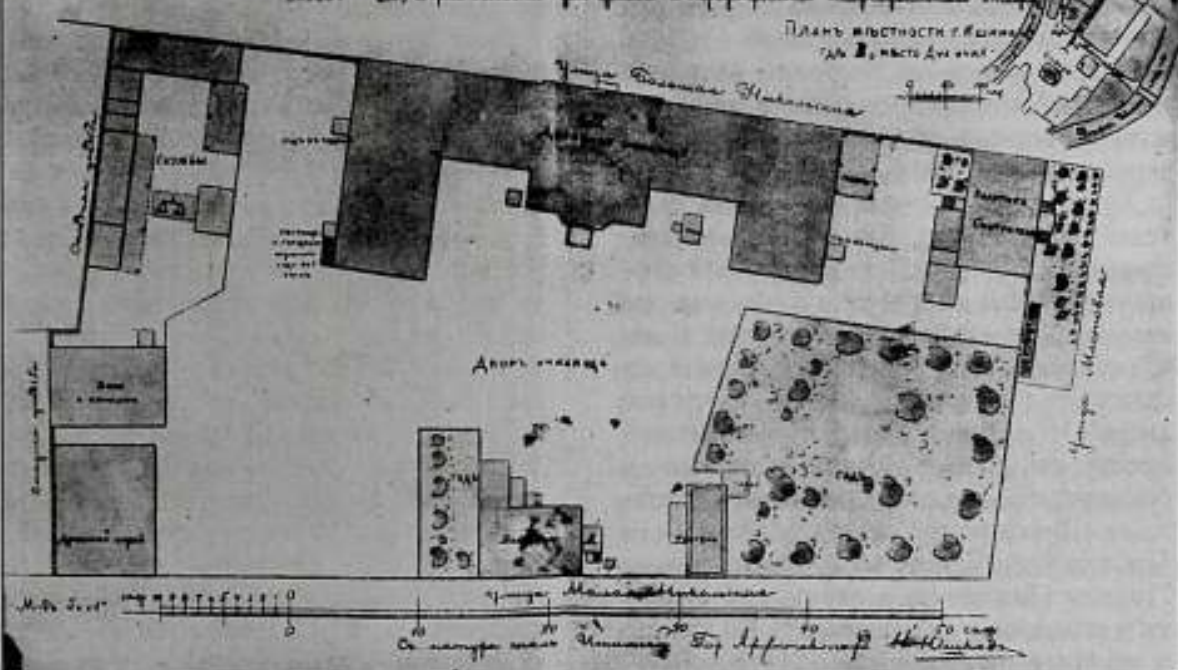
Каждую весну в майские дни перед экзаменами нас выводили в поле, лес — обычно туда, где теперь вокзал находится. Устраивались там игры, соревнования в беге (тут я, длинноногий, обычно премии получал), аттракционы разные. Вывозили туда наши огромные самовары и готовый обед.

Со стороны Соборной¹¹ улицы есть парадный вход в корпус. Через аккуратный навесик на двух столбах, через две двери входим в здание, поднимаемся на 3-4 ступеньки в вестибюль с четырьмя большими столбами и через коридор в широкую дверь, и широкой лестницей поднимаемся на площадку второго этажа, а далее по любой, правой и левой лестнице опять через коридор второго этажа попадаем прямо в церковь. А со стороны ограды к входной двери тоже в центре корпуса пристроен навес-крыльцо на четырёх деревянных столбах с перилами и лавками (сидениями) по бокам. Массивные входные двери и вто-

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАНЪ УЧАСТКА И СТРОЕНИЙ ДУХОВНАГО УЧИЛИЩА ВЪ Г. ИШИМЪ.

Предоставляется: I. Пространство на территории между Аз и Восточными, северными Фасадами; II. Пространство для флигелей и перегородки двора.

ПЛАНЪ МѢСТНОСТИ г. ИШИМЪ
гдѣ В. МѢСТО ДУХОВНАГО

План участка, занимаемого Ишимским духовным училищем. 1914.
Составитель архитектор Н.А.Юшков. ГУ «Госархив в г.Тобольске».

рые попроще вели в корпус. Здесь я однажды схулиганил: сверху на полураскрытые двери положил палочку и, притаясь, поджидал жертву — дверь раскроет, а палочка хватъ по голове!.. И обомлел: шел в корпус сам смотритель, протоиерей — о. Николай Зеленцов... Но палочка упала, а Зеленцов и не заметил. Страху набрался, а ведь могли бы с колокольчиками домой отправить или в карцер посадить.. Вторая дверь привела на тёмную площадку. Идёшь направо или налево и через 3-4 ступеньки попадаешь в коридор первого этажа.

На площадке против ступенек на первый этаж стояла печка-голландка. Здесь ночной сторож, сказочник-чумац (так назывались возчики соли на юге России. Дед, видно, оттуда к нам прибыл за какие-то провинности) — весь седой, в тёплой шубе — приходил по зиме погреться и покурить из чумацкой люльки (трубочки) крепкого табачку. Мы, малыши, любили у него собираться и слушать затейливые сказки; да и покурить из трубочки он давать не отказывался. Я как-то впервые покурил, да и задохнулся. А

иногда мы слушали и «акафист» (несколько молитв с величанием святого) с припевом: например, «Радуйся, Николае, великий чудотворче!» Это из акафиста св. Николаю Чудотворцу. А старичок: «Радуйся, воробче, великий чудотворче!», потому что акафист был в честь.. воробья. Нам и смешно и страшно.. Здесь мы впервые слушали антирелигиозное выступление¹².

Коридор длинный, с высокими окнами и высоким потолком. Направо комната — квартира надзирателя, а напротив наши спальни, тоже высокие, светлые, чистые. В конце коридора небольшая комната с низенькой, почти незаметной дверью, [которая] вела в.. «зассяную», где спали мальчики с недержанием мочи по ночам.. Ещё направо — большая дверь в гардеробную, где в длинных комодиках были наши ящички выдвигаемые с замком для нашего скарбика.. На другой стороне коридора первая дверь налево: кабинет смотрителя с большим столом, а на нем «зерцало» с двуглавым позолоченным орлом наверху. Далее комната для вечерних занятий — здесь мы под

наблюдением (а иногда и [с] помощью) [преподавателей] делали свои уроки. Далее зал довольно вместительный; назывался актовым. А направо двери квартир некоторых преподавателей.

Поднимаемся по широкой лестнице на второй этаж. Площадка с окном, а направо-налево лестница в коридор и через него в церковь.

Храм во имя Кирилла и Мефодия [учителей] Словенских. Как обычно, на возвышении — амвон¹³ — иконостас с разными иконами современного письма, два клироса (помещение для чтецов) с металлическими хоругвями (иконы на шестах — знамена). В алтарь ведут трое дверей — средняя с вырезной красивой сеткой, называемая Царскими воротами, и боковые, обычно с изображением архангелов... В алтаре за Царскими дверями — Престол¹⁴ (куб, покрытый парчой), а на Престоле Евангелие, дароносица¹⁵, кресты и подсвечники со свечами¹⁶, т.е. то, что и теперь в церквях есть.

В центре перед амвоном стоим рядами мы. Над нами паникадило (люстра) со свечами, а перед нами у икон подсвечники с пудовыми свечами в центре и ячейками для мелких свечей, покупаемых у старосты. Сзади нас тоже возвышенная площадка во всю ширь комнаты, а за ней загородка для хора и в углу у вторых дверей конторка, где свечи продают. Сюда сдавали и огарки свечей, т.е. немного погоревшие перед иконами свечи.

На остальной части площадки располагалась молящаяся публика из города, а впереди у края стояли наши надзиратели. Им хорошо были видны все ряды учащих.

Брат мой Гриша был любителем помогать старосте (обычно один из учителей), а я частенько брату своему помогал...

В храме совершались всенощные (по вечерам), а по утрам обедни¹⁷ в воскресенье и [по] праздникам. Публика всегда бывала: хор-то у нас неплохой был, да и «благолепие» службы им нравилось.

Стоя у конторки я как-то давно заметил среди горожан мамашу с девочкой. Девочку, конечно, с мамашей. Такая хорошенькая девочка с бантиком и косичками... Влюбился ведь в неё! Но подойти

не решался. Как-то раз, прибирая в церкви, я взял да и поцеловал место, где стояла моя возлюбленная... Мне ведь тогда только 10 годочков стукнуло!..

Весь коридор второго этажа занимали классы, чистые, светлые, с кафедрой для учителя. Классная доска чернела сбоку у кафедры да большие счёты на подставке около. Конечно, в углу, как и во всех комнатах, висела икона с лампадой. В конце коридора тоже, как и внизу, зал большой, уставленный различными комнатными растениями в кадучках на полу и в горшках на окнах. Сюда мы иногда украдкой, потихоньку (направо квартира Петра Петровича Невского¹⁸ находилась) заходили полюбоваться цветами.

На другом конце, над гардеробной, находилась также высокая, светлая спальня для младших. Тут где-то из коридора или спальни дверь небольшая находилась. Бывало, когда провинишься, сторож открывает ее, и поднимаешься вверх по узенькой спиралью лесенке и попадаешь в... карцер. Я два раза в нем сидел. Комнатка небольшая (кажется, 3 на 3 аршина¹⁹), с замурованным почти до верха окном, и без единой мебели... [Только свечи.]²⁰ А попал-то я так. Иду по ограде и думаю о чём-то. Тут кто-то задел меня, думаю моим помешал, а я его «трехэтажным»... Вдруг слышу: «Гм, гм! Ступай в карцер. Поведение сбавляю». Это из окна своей квартиры Пётр Петрович указывает мой дальнейший путь. Поплёлся наш Ваня, нашёл сторожа, рассказал ему в чём дело, и сторож отомкнул замок, впустил меня и снова на замок закрыл... Да ведь с первого раза не исправился: весной почти то же повторил. Только Пётр Петрович сзади где-то был. И получил я как раз на лето тройку по поведению. Правда, плюс прибавили за то, что в последнюю четверть неплохо вёл себя. Наверное, 11 годиков мне было... В карцере сидели только днём. Обед состоял только из кусочка хлеба и стакана водички. Спали арестованные в спальнях на своих местах (товарищи, конечно, пищей и питием выручали)...

Духовные училища содержались в основном за счет «огарков». Так назывались наполовину прогоревшие перед иконами остатки восковых свечей. Огар-

*Николай Алексеевич Аравийский
с женой Анной Викторовной
(в девичестве Калугиной) и сестрой
Раисой (в центре).*

Ишим. К. XIX — н. XX вв.

Фото Н. Лузянова.

Из архива Т.А. Сивилловой.

ки эти собирались в ящики и сдавались как воск свечному заводу, принадлежавшему духовному ведомству. На заводе огарки перетапливали, очищали, и снова из этого воска выходили новенькие свечи, такие же чистые и красивые... При таком бесплатном сырье получалась громадная прибыль, которая и шла целиком на содержание духовных училищ. Возможно, были и дотации от государства — не знаю, но вот особенно мы, сироты духовного звания, или полусироты, как я (отец-псаломщик умер в 1900 году. Мать служила просвирней, получая от церкви 3 рубля в месяц и право сбора продуктами по приходу), состояли на полном иждивении епархии, т.е. нас одевали, кормили, обували, учили и воспитывали на средства, полученные от огарков. В старших классах мы уже сознавали, что нас учат и содержат на народные деньги, на

те гроши, копейки, гривенники, что от своих трудов отдавал трудовой человек, надеющийся на Бога²¹, ожидая от него милости...

Наша бурса уже не была такой, как описал её писатель Помяловский. Мы не скитались по городу, прося подавание, были сыты, чисто и тепло одеты; нас неплохо учили и, я бы сказал, неплохо воспитывали на свой лад, конечно, по религиозной идеологии.

И Ишим не был таким, как описывают его теперь в местной газете: «В прошлом Ишим — это небольшой, провинциальный, мещанский и купеческий городок, с примитивной, полукустарной промышленностью (это верно — И.С.), грязный и неблагоустроенный (вот уж неправда — это был чистенький город, хорошо благоустроенный по тому времени, когда и асфальта нигде не было, были только керосиновые фонари на улицах, как и во всех городах империи — И.С.). Серой, скучной и однообразной была в нём жизнь (неправда — И.С.). Мало было учебных заведений (конечно, меньше, чем теперь, но больше, чем в других уездах — наша бурса, уездное училище и несколько школ пониженного типа, [они] были в таком [же] количестве, как и везде по числу жителей города — И.С.). Почётom пользовались купцы, попы, знахарки, гадалки. На несколько дней хватало пересудов о каком-нибудь подгулявшем купчике, вихрем промчавшемся из конца в конец города на паре и на тройке лошадей с бубенцами. Церковь, кабак, обязательные воскресные и по другим праздникам драки «стенка на стенку» — единственное увлечение большинства жителей дореволюционного Ишима.» Это правда, но уж слишком преувеличено. А где же в статье рассказано об интеллигенции? Кто же это развивал те идеи, которые даже нас 12-14-летних волновали? Мало сказано о значении библиотеки, в которой имелось будто бы только несколько сот книг...

Конечно, Ишим теперь вырос, благоустраивается²²: есть теперь железная дорога, город расширился до мест, где мы когда-то ходили на экскурсию и на месте теперешнего хорошего вокзала приезжали — с самоварами и яствами, чтобы

*Двор бывшего духовного училища. 1935. Альбом П.А.Гашиковой.
Из фондов ИИКМ.*

поиграть, в беге посоревноваться, в мячик на свежем воздухе побегать. Теперь в нём жителей 70 тысяч против 15 800 до революции. Но этот новый Ишим на меня не произвёл впечатления города высокой культуры, когда я в 1961 году побывал в нём... Ишим — это моё детство и отрочество, время становления моей личности. Проезжая теперь мимо него по железной дороге, я всегда смотрю из окна вагона на до сих пор мне кажущийся родным и таким милым местом и вспоминаю о времени моей жизни тут.

Продолжаю воспоминания.

Векние революции даже до 1905 года как-то доходило до нас, и оказывало большее влияние на наше развитие, чем торжественные службы в храме и наставления богоугодных воспитателей. Мы уже как-то знали о неудачах в Японскую войну, и это волновало нас. Мы сначала играли в войну, и начальство даже поощряло нас и помогало кое в чём в этом воспитании патриотического духа, а потом мы осуждали и Куропаткина и Стесселя, что они изменниками стали. Сначала и мы кричали: «Шапками закидаем япошек!» Любимыми героями у нас были: Кондратенко-генерал, о Линевице мы знали. Каким-то образом до нас доходила правда о войне.

Вот «войско русское» — мальчишки в одинаковых костюмах с самодельными погонами, эполетами золотыми, орденами картонными, со знамёнами, барабаном марширует по ограде, подражая роте солдат, которые приходили в Собор в царские дни и после обедни шли мимо нашей бурсы. То рассыемся мы, то соберемся, а командиры только покрикивают команду. [Генералом-то ведь меня наряжали!] ²³ И вот, увешанный орденами и медалями, в эполетах, шествует впереди войска генерал Ваня Скосырев, в окружении офицеров. А Шурка Попов (о нём далее ещё рассказ будет) решил организовать казачий отряд. Сабли (деревянные, конечно) им сделал сторож больничный, ножны сами смастерили, пики тоже. (Повторяю: начальство помогало.) И вот вся ватага эта во главе с раскрасневшимся атаманом Шурой Поповым носится по ограде и саду... Ну, как тут шапками не закидаешь япошек! Но храбрый Шурка, настроенный совсем не черносотенно, начал нападать и на наше русское войско... Игра наша приняла уже другой характер. Раздоры и даже сражения бывали. Начальство прекратило такую игру. Да и сами мы почувствовали под конец Японской войны, что шапками не закидаешь врагов, нужны тут другие радикальные меры по спасению государства...

Вскоре вместо «Боже, Царя храни» мы стали распевать, крадучись, конечно, «Смело, товарищи, в ногу», «Сижу за решёткой», а после нашего участия в демонстрации 1905 года мы стали петь и «Варшавянку», «Солнце всходит и заходит» и даже «Марсельезу». Собирались группами и шептались; новости по городу узнавали... Однажды подошли мы к Петру Петровичу и спросили: «А кто такие революционеры?» Последовал спокойный, без грубости ответ: «Революционеры — это люди, отвергающие власть царя, подрывающие основы государства, поднимающиеся даже против Бога...» Пётр Петрович был родственником знаменитого мракобеса митрополита Московского Макария (Невского тоже)²⁴ и, возможно, он, а не протоиерей Зеленцов, стремился сделать нас монархистами. Но не получились из нас монархисты...

В своей статье в «Ишимской правде» — «50 лет назад» — я в 1955 году писал: «Живительные идеи революции 1905 года глубоко проникли в народные массы и широко распространялись во все стороны нашего обширного Отечества, доходили до самых глухих сибирских городов и сёл. Веяние революции коснулось и нас — воспитанников ишимского духовного училища. Как доходили эти вести до нас сквозь стены бурсы и неусыпную бдительность нашего духовного начальства, я не знаю, но несомненно, что в то время в городе были революционно настроенные люди, и была даже подпольная группа, которая и распространяла правду о событиях этого великого года... В октябре 1905 года состоялась демонстрация в городе. Напутанное начальство загнало нас в здание. Но мы облепили окна изнутри и старались громкими криками, стуком и пением выразить свое сочувствие демонстрантам. Нас заметили. Шествие остановилось против бурсы. Демонстранты потребовали наше освобождение. Мы, старшеклассники, быстро оделись, выбежали за ворота, и под аплодисменты народа присоединились к шествию.

Радости не было предела. Красные флаги реяли над толпой. Революционные песни широко распространились по го-

Южные ворота училищной усадьбы, со стороны ул.Больше-Никольской. Февраль 2005. Фото Г.А.Крамора.

роду. Наши голоса тоже звенели. Мы возвращались полные больших чувств» («Ишимская правда», № 154 от 25/XII 1955 г.).

Наш быт и учёба

Учителя наши — солидные люди, окончившие высшее учебное заведение — духовную академию. Даже надзиратели наши были «академиками», и среди них были хорошие педагоги. Например, Флоринский Алексей Семёнович (дальнейшую судьбу его не знаю, возможно, он ушел из училища, или уволен был. Не он ли был председателем Тюменского Губсовета?²⁵)

В нём ничего не было от религиозника. По его отношению к нам и к своей работе мы, потом вспоминая его, подумали, что он работал у нас надзирателем с той же целью, как и видные революционеры шли «в народ» для пропаганды новых идей... Именно он вкладывал в нас идеи нового мироощущения.

Таким увидел бывшее духовное училище И.А.Скосярев, посетив Ишим на склоне лет. Окна второго этажа принадлежали Кирилло-Мефодиевской церкви. Май 1965.

Реформы шестидесятых и последующих годов коснулись и учебных заведений, в т.ч. и духовных: нас уже не били, на горох не ставили, обращались с нами на «вы». Был такой случай — учитель пения, рассердившись на Витю Никольского, ударил его смычком по голове. Учитель был болен туберкулёзом (через год мы его хоронили), был слаб и раздражителен, а Витя схулиганил: фальшиво нарочно пел. Витю мы осудили: дали щелчок по лбу. Но учитель-то был уволен сразу... Может быть, так, как и теперь бывает: «ушёл по собственному желанию», осуждая себя за срыв. Другой случай. Учитель греческого языка Часовщиков Виктор Васильевич, всегда строгий, требовательный (на его уроке муха пролетит — заметишь), так дернул того же Витю за волосы, что клок волос остался в его руке. Учитель тоже сразу был уволен...

Но было кое-что схожее и со старой бурсой, прямо по Помяловскому. Тут уж отличалась сама же братия — бурсаки-

старшеклассники. Особенно отличался некто Верёвкин, великовозрастный ученик IV класса — последнего, выпускного. Он и его друзья, по-видимому, в какой-то мере в младших классах хватили временно помяловской бursы. Ничего не стоило им дать зуботычину малышу — попробуй пожалуйся! Сделают тебе «тёмную», т.е. поймают провинившегося человечка где-нибудь в уборной, накроют его шубой, одеялом и жестоко изобьют. Также, несомненно, всякие гадости писали на стенах, например, находящейся в ограде уборной. Может быть, от них у нас иногда прорывались «трёхэтажные»!.. Приходили они иногда в нашу спальню (на верхний этаж) и начинали «рыбу ловить». Расставляют «сети» между кроватями и вдруг ударяют линейкой сонного мальчика по голове, радостно восклицая: «Ага! Окунь!.. — А у меня зубастая щука!» Затем радостно, со смехом намазывают (отмечают) лицо «окуня» или «щуки» сажей и удаляются, хохоча...

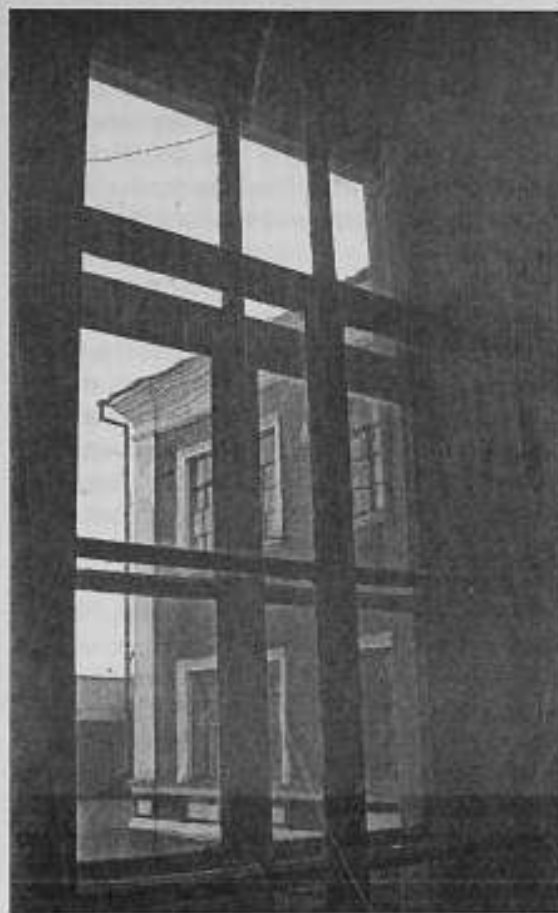
Мне только раз попало. Мой брат Гриша был старшеклассником, и хотя не участвовал сам в избиениях, и по слабому своему характеру не возмущался, но меня в обиду не давал.

Нравы менялись. При нас, когда мы старшеклассниками сделались, этого уже не было. Напротив, малыши имели от нас защиту и помощь. На наших глазах начинала происходить переоценка всех ценностей...

...Раннее утро. Мы спим каждый на своей кровати, но вдруг почували, что старый Франц — наш сторож (техработник по-теперешнему) уже гремит дровами в коридоре, печь нашу затапливает. «Дедушка Франц, можно потопить сахарок?» — «Ладно. Потопи, только не сорь, убери после себя. Да осторожен будь!» А мы ещё накануне заготовили прессованные сахарки, коробочки бумажные для слива леденца и «противень», тоже из бумаги, с загнутыми с трёх сторон краями. Печь горит вовсю. Подгребаем валик из золы, подставляем «противень» с сахарками, поставленными в один ряд. Сахарки топятся; образуется леденец жидкий. Сливаем его в коробочки. Можно маку подсыпать, ядрышки орехов, кусочки грецкого ореха — и довольнёншеньки. Сосём остывший леденец сами, и угощаем друзей...

Подъём в 7 часов. Поднимаемся, как обычно, неохотно, но режим выполнять надо. Правим постель, бежим в умывальник — он внизу у входа, — оттуда в зал, где уже ожидает наш духовник-священник (он же эконом). Надевает эпитрахиль²⁶: «Благословен Бог наш всегда, ныне, и присно, [и] во веки веков». Отвечаем: «Аминь» чистыми детскими голосами. И идёт утренняя короткая молитва с просьбой доброго здоровья и себе и всем и, конечно, императору Николаю Александровичу, супруге его и деткам. Священник перечисляет всех, а мы: «Господи, помилуй», «Поддай, Господи»... Кончаем песней «Спаси, Господи, люди Твоя»²⁷ с пожеланием «победы на супротивные» тому же Николаю... Надзиратели, конечно, тут с нами. Они надзирают за нами.

Идём в столовую. Там уже подготовлен скромный завтрак: хлеб грамм 250, молоко в миске на четвертых, чай с саха-

*Старинные окна училищного корпуса. Апрель 2003.
Фото Г.А.Крамора.*

ром. Опять молимся Богу предварительно. Едим молча. Выпили чай и подставляем свои чашки к миске с оставшимся молоком (в чай только одну ложку), а дежурный ложкой черпает из миски и делит молоко всем. Потом опять молитва, но уже благодарственная: «Еже насытил еси земных Твоих благ...»

Идём в гардеробную, забираем что надо к урокам, спешим в класс. Классная комната просторная, чистая, светлая. Кафедра для учителя у стены и входа, парты для нас. На стене доска черная разграфлённая. У нас аспидные доски с грифелем, тетради, книги, пенал с принадлежностями. Рядом с доской большие счёты на подставке и никаких больше плакатов или картин. Только икона в углу золотом сверкает за лампадой... Входит учитель. Это всегда представительный, серьёзный мужчина с бородой или без бороды, в очках или пенсне на носу, в мундире с

галунами. Дежурный читает молитву, составленную специально для успеха в учебе. И начинаются те моменты человеческой жизни, что позволяют человеку обогащать себя знаниями тех богатств, что выработало до него человечество... После урока — опять обращение к преблагому Богу...

Шумно выходим на перемену; делимся впечатлениями. Уроки только в одну смену. После второго или третьего урока бежим в столовую, чтобы вкушать полкалачика (150 грамм приблизительно) с квасом в пост, с молочком в мясоед. Завтрак скромный. И не потому ли я до сих пор не могу по утрам плотно есть, что такое именно привито с детства.

Главным предметом в учёбе было так называемое Священное Писание. Изучалась история еврейского народа, от сотворения мира «до пришествия Христа» — Ветхий Завет и Новый — 4 Евангелия, повествующие легенды и сказания о жизни Иисуса Христа, тоже еврея, и составленные его учениками — апостолами, также евреями²⁸. Ещё и «деяния» (дела) апостолов, пропагандировавших учение Христа по всему миру. (В семинарии мы это же изучали уже по Библии на славянском языке; она выдавалась нам бесплатно в начале первого учебного года.) По-видимому, преподавание этого предмета было у нас в Ишиме бесцветным: я не помню преподавателя — то ли Зеленцов, то ли Невский.

Запомнились благодарно: Плетнёв Павел (?) Семёнович — учитель приготовительного класса, мой первый здесь воспитатель; Киселёв Павел Николаевич — русский язык и литература; Аравийский Николай Алексеевич — арифметика и география; Флоринский Алексей Семёнович, о котором я уже упоминал. На фото есть ещё молодые преподаватели, все они работали в младших классах, когда я был в старшем — не запомнились мне, но дурного о них я не слышал.

Учитель Плетнёв совсем не был похож на нашего сельского учителя. Высокий, статный, всегда подтянутый и в одежде и в манерах, он умело подходил к нам, заботился более о нравственном нашем воспитании, чем о религиозном. Все предметы он вёл в приготовительном классе

и ещё чистописание в старших. И ещё: он научил нас книжки переплетать (первые элементы трудового воспитания), следил за нашим развитием, подбирая для нас книжки из библиотеки.

Вот попался мне для переплёта детский журнальчик «Для малышей». Прочитал один рассказик, потянуло на другой и, забыв о работе, дочитал все очень мудрые рассказы для детей и про детей... Что-то новое зашевелилось во мне. Картинки ещё раз просмотрел и залюбовался рисунком на обложке: маленькая девочка собирает на поляне цветы для своей больной бабушки... В приготовительном классе я просидел два года — был очень плохо подготовлен к учёбе в деревенской школе. Да плюс ещё шаловливый да ленивый, видно, был. Новый мир открылся передо мной в книжках... И учиться со второго года стал лучше и охотнее; закончил училище в первом разряде, а семинарию со званием студента... Охотно теперь вспоминаю Горького: «Книга — друг человека. Во всём хорошем в себе я обязан книге...»

Я был довольно бойким мальчиком, меня бесом прозвали. «Ванька-бес пошел в лес, нашел палку, убил галку...» Этого было более чем достаточно, чтобы кинуться мне на обидчика с кулаками. «Красивая мальчишечья драка» (Макаренко) не всегда кончалась моей победой... Но что же тут поделаешь! Как-то однажды иду по ограде и «думу крепкую я думаю». И вдруг: «Бес!» Что ты за оказия! Вижу, около меня проходит Боря Селезнёв. «Ты что? Язви тебя!» — «Ничего. Я пою молитву «Царю небесный», — отвечает и лукаво смотрит... Разошлись миром. А я опять думаю: «Зачем же это я сержусь... А ну-ка не буду!» Перестал, и прозвище отпало от меня.

Павел Николаевич был солидный, с большой седящей бородой и довольно толстым животиком. Он вёл русский язык и литературу; был всегда приветлив, добродушен, вежлив — вёл урок интересно и запоминающе. «Ну-ко, Ваня, иди-ко к доске и напиши это предложение». Идёшь и пишешь, стараясь оправдать доверие.

Николай Алексеевич — человек другого склада: хотя и толстый, но без выпя-

*Коридор первого этажа. Май 2005.
Фото Г.А.Крамора.*

чивающегося брюшка, коротко подстриженный, тоже седеющий. Он вёл у нас арифметику и географию. «Что-то ты, Ваня, отстаёшь. Давай-ко я посмотрю». Посмотрит, покажет, поправит, если нужно, и к следующему переходит. К математике у меня склонности не было, а вот география шла слаженно. Обоих учителей мы любили, подходили к ним и вне урока. Всегда получали вразумительный ответ и совет. Однажды на уроке я схулиганил — потихоньку говорю: «Ребята! Смотрите, какие у него полушария...» И указываю на широкий зад Николая Алексеевича, наклонившегося к карте полушарий... Конечно, оживление среди друзей, но Н.А. не заметил. А если бы и заметил, то только, смеясь, любовно пожурил бы.

С кем-то, кажется с Робустовым Васей, отправились мы о Рождестве славить по квартирам учителей (это можно было). Давали нам за это большей частью сладями, а иногда копейку, две, а то и гривенник. Приходим к Николаю Алексеевичу,

пропели что полагается, поздравили, как сумели, и Н.А. даёт нам, кроме сладостей, ещё и две копейки... Идём домой полные впечатлений. Смотрю, а в руке моей не две копейки, а золотой в 5 рублей... Ух, как сначала мы обрадовались! Стали было мечтать о покупке всевозможных вещей. Надо, пожалуй, купить сапожки — припомнил я, что стоят они 2 рубля 50 копеек. Вася пока ничего не выразил на свои 2 рубля 50 копеек. А у меня вдруг мысль мелькнула: «Может быть, Николай-то Алексеевич ошибся, вручив нам вместо двух копеек золотой?» Подумали, остановившись, посоветовались и... пошли обратно. Учитель похвалил нас за честность и вручил серебряный рубль. Тоже целое богатство (пудовичок лучшей муки стоит один рубль! Сторожа в нашем училище получали по 6 рублей в месяц. Корова стоила 8-10 рублей). Что купить? Пошли в магазин. Соблазнились красивой жестяной коробочкой в форме гитары: повернешь рукоятку — музыка играет, а внутри полно «домпасеею» (монпансье). Купили за 80 копеек. Съели конфеты. Идём домой, наигрываем на «гитаре»... Но вскоре же музыка прекратилась: механизм испортился.

Часа в три обед. Вот уж тут обильно наедались: щи, жаркое, каша, кисель; в посты всё постное: рыба в прекрасной ухе и жареная, картофель по-разному, каша с «постным» маслом, тот же кисель. Щи ишимские до сих пор помню: наваристые, жирные, с хорошим куском мяса, со свежей капустой и прочими надобьями — объедение. Да и уха не плоха: окуни, стерлядь, чебаки... Не так только, как теперь, нравилась нам гречневая каша — звали мы ее грешной... Более половины года в православной России были постными днями: среда и пятница — 100 дней, Великий пост — 50 дней, Петров — 15-20 дней, Успенский — 14 дней, Рождественский — 40 дней. 210-220 дней в году! Разнообразная растительная пища, как уверяют вегетарианцы, лучше трупоядной...

После обеда — свободные часы: читай, мастера что-нибудь или играй в ограде, только в город не ходи. А в ограде сплошное движение — летом игры в мяч, в шарик, в чикату-брикату, прятки, догоняя-

Вход в бывший актёрский зал училища. Май 2005. Фото Г.А.Крамора.

ки. А катушка зимой! Особенно в масляницу! Освещённая фонариками, она казалась сказочной и фантастической...

Не помню, был ли паузин (подник) или нет. Но голодными мы не были. Кажется, с 6 часов начинались вечерние занятия — первое часа два, второе час. Мы готовили уроки. Надзиратели надзирали и помогали. Ужин хороший.

Все «деяния» свои мы начинали молитвой и кончали молитвой благодарственной за то, что хорошо покушали, хорошо поучились, ночной сон благополучен был... А в воскресные и праздничные дни службы всегда были торжественными; особенно на Рождество и Пасху. Перед этими праздниками мы говели. Это значит [на] несколько дней, а в Великий пост [на] всю неделю мы освобождались от уроков. Ходили и утром, и вечером в церковь. Молились особыми молитвами для отпущения грехов, потом исповедались — священник перечислял всевозможные наши грехи или спрашивал, чем грешен-де, мы говорили: «Грешен, батюшка» и он, накрывая наши го-

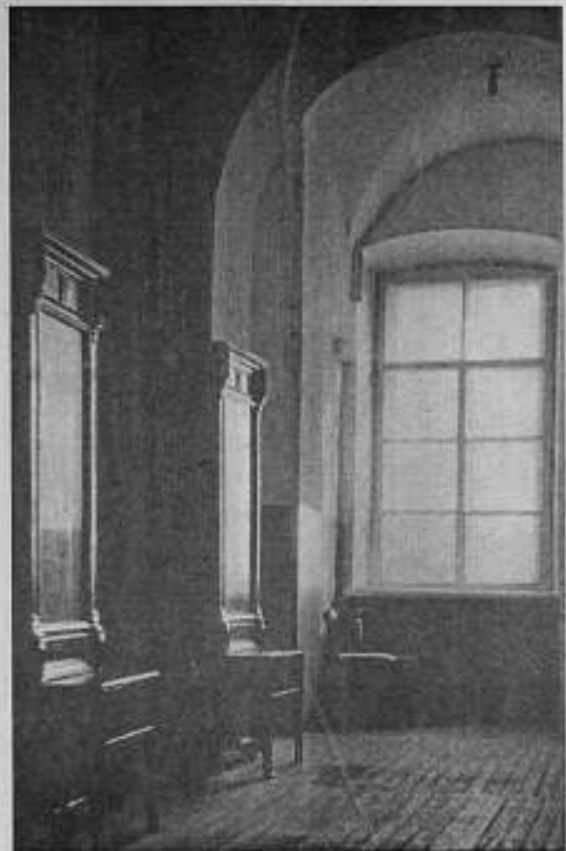
ловы эпитрахилью (парчовая лента) отпускал нам грехи специальными словами²⁹ — потом причащались, т.е. в конце обедни священник выходил из Царских врат с чашей, в которой, по верованию христиан, было «истинное тело и кровь Христово» (разбавленное красное вино — кровь и кусочки хлеба — тело) и из маленькой ложечки давал нам в подставленный открытый рот³⁰... Певчие в это время поют красиво: «Тело Христово приимите, источника бессмертного вкусите»... Дьякон губы подотрет красным платом (платок), а пономарь даёт из чаши с водой, разбавленной вином, запить причастие и кусочек просвирки вручает. Отходишь с убеждением, что «сподобил Господь соединиться с Ним...» А вот Шурка Попов, причастившись, не проглотил «тело Христово», задержал во рту и, по выходе из церкви, выплюнул всё на пол³¹... Все мы, конечно, ахнули... Ладно, что никого из надзирателей здесь не было, а мы, старшекласники, в большинстве своём если не неверующие, то сомневающиеся, одобрили этот поступок. Но всё

же до начальства это дошло. Испугались, конечно, начальства. Но... дело замяли, т.к. улик для них не оказалось (мы молчали), да и страшно было попам поднимать шум...

Или другой случай. Весёлый паренек из старших классов (я, кажется, во втором классе был) Альбокринов Паша, наш общий любимец за остроумие, смелость и добродушие, ещё до всеобщей в какой-то простой праздник, а может быть в «говение», нашёл себе на брюки сзади 3-5 разноцветных тряпочек, купил несколько грошовых свечек (предварительно до службы), прошёл к подсвечникам у икон и ставит свою свечечку в ячейку подсвечника, а потом делает земной поклон (разрешалось и учащимся покупать свечки и ставить их). Делает земной поклон Паша и выпячивает свой зад цветастый... Нам видно, а надзиратель из-за нас не видит... Нельзя тут не расхохотаться, но только попробуй — неохота подводить любимца... Шевеление всё же было — как удержишься! Но не заметило начальство. Помнится, заметил Флоринский, но не подвёл, только потом поругал Пашу. Зато этого Пашу мы потом героем сочли и, конечно, громыхали хохотом после всеобщей. (В семинарии тоже Паша любимцем был. Как сложилась его дальнейшая жизнь, не знаю.)

Было это со мной в третьем классе, на четвертый год учёбы в Ишиме. Стою я смиренно в церкви в рядах; отвлекся, не слушаю, что поют, читают, что возносят. Всё это мне уж известно и переизвестно. Думаю думу свою... Вдруг... Что это? А, иконы?.. Но их рисовал кто-то из людей, такие же сметливые в рисовании, как Витя, Петя, например. Украсили потом их золотом. А свечи горящие? Они только слабый свет дают и... коптят... Служба? Это песни с красивым напевом, слова, иногда душу шевелящие. Но ведь их люди же составили! Каждая песнь или молитва — это стихотворное выражение чувства, поэзия. Есть, например, в одной из рождественских песен такие слова: «Ложесна бо Твоя облаков ширше...» Вполне земное выражение. И сомнение закралось у меня...

Жизнь идёт своим чередом. А вот с эстетическим воспитанием было плохо:

*Старинные зеркала на первом этаже. Сентябрь 1995.
Фото Г.А.Крамора.*

мы могли слушать свой хор на репетициях при богослужении, а поиграть самому не на чем было... Как-то однажды в нашем зале демонстрировались живые картины — синематограф. Я помогал хозяину добывать кислород в большой меховой мешок. Потом хозяин вправлял устье мешка в прибор, зажигался свет, а на стене вдруг задвигались фигуры людей, побежали лошади, какие-то подрались для смеха, видно... Диковинка! Даже страшно стало.

Другой раз куда-то водили спектакль смотреть. Ставили его солдаты; женские роли исполняли солдаты. Смешно и странно было...

И вдруг нам покупают две балалайки и одну гитару. По-видимому, где-то в высших сферах кто-то добрый поднял вопрос о надлежащем воспитании. Я сразу увлекся балалайкой, выучил вскоре же «Во саду ли, в огороде», «Барыню», «Камаринского», «Коробейники», и с этим даже поехал на летние каникулы (бала-

Парадная лестница. Май 2005.
Фото Г.А.Крамора.

лайку мне на лето дали) домой в с. Окнешниковское (Казяково, теперь Омской области), где мать просвирней была. Помню, на лавочке около нашего дома сидим семьёй, а я выполняю тут свой репертуар... Товарищи — друзья деревенские, вихрястые, как и я, наплясывают, поднимая пыль, перед нами. (В семинарии уже в это время было два оркестра, балалаечный и бальный (симфонический). Почему Ишим отставал в музыке — не знаю. И главным моим увлечением там стала музыка, игра в оркестрах, а в последний учебный год я даже избран был дирижёром «бального» оркестра.)

Совсем плохо было с физвоспитанием. Помнится, Флоринский что-то предпринимал в этом духе, но попытка его, по-видимому, не имела успеха, и мы были предоставлены сами себе... В ограде около больничного густого садика построены были некоторые снаряды по гимнастике, а именно: к высокой П-образной перекладине приставлена была лестница для лазания вверх на руках, а рядом тя-

нулись две подвижные жерди (обработанные, покрашенные); турник покачивался на веревках. Здесь мы самостоятельно, без руководителя, играючи, лазали, качались, прыгали. К Пасхе вблизи устраивались качели на двух крепких столбах с перекладиной. Любили мы раскачиваться сильно с тем, чтобы через перекладину увидеть отметку на сажень (2 метра) от столбов. (Одному малышу, повернувшемуся тут, доска все передние зубы выбила.)

Но была «гимнастика» в длинном коридоре первого этажа два раза в год перед... пельменями. Именно для смеха и шуток её организовал Флоринский... Пельменями кормили нас перед Великим постом и Рождественским. Делали мы их сами (любители этого дела, конечно). Изготовить нужно было до 10000 штук. Меня часто выбирали «бригадиром» пельменного дела. Соревновались в быстроте. Тут уж я обычно побеждал: в одну минуту при готовых сочных и фарше делаю 10 штук... Наедались до отвала. Но многие накладывали себе за пазуху в приготовленный мешочек, чтобы во дни поста вкусить запретное...

В начале я упомянул, что с уездниками (городские школьники уездного училища) у нас нелады были. Помню такой случай. С Колей Затопаевым мы вышли из ворот к берегу старицы-реки, что через улицу была, на травке полежать... Любуемся открывшимся за старицей видом лесов, полей. Вдруг сзади: «А, тараканы!» Идут на нас два уездника, которых мы в отместку «вшами» называли. Мы вскочили к обороне... И началась бы драка, но из ворот наши бурсаки увидели и кинулись было помогать... Теперь «вши» отступают... Но подбежали они к частоколу и вооружились палками. Теперь и мы в нерешительности были. Прервал «сражение» резкий полицейский свисток, и все разбежались.

Брат мой Гриша не стал учиться — псаломщиком устроился и выехал домой.

На каникулы зимние многие выезжали домой. Только раз дедушка по матери, священник села Сладковского, с попутным вызвал меня к себе на Рождество и Новый год. Запомнилась мне зимняя дорога туда и, особенно, обратно. В роз-

вальнях, на резвой лошадке, рядом с ямщиком, распеваяющим песни, закутанные в тулупы и валенки, в шапке-ушанке ехали мы по снежным просторам... Уже темно стало. Я увидел необычное сияние на небе: на чуть туманном от снежинок тихом небе поднимались яркие столбы света. Столбов было много, и они казались колеблющимися. «Это мы подъезжаем к городу, — пояснил ямщик, — а столбы световые от фонарей, что на улицах города...» Приехал я, конечно, с гостинцами для друзей, которые оставались в бурсе на каникулы.

На летние каникулы все мы, омские, едем гужом на Петропавловск, а там по железной дороге... Эти поездки на лошадах всегда были радостными для нас: ведь после такого режима в бурсе мы получали полную свободу действий. За неделю-две до выезда появлялись наши ямщики. Это крестьяне соседней деревни Ларихи. Старшеклассники договариваются о времени отъезда и оплате за прогон; обычно — 5 копеек с каждого с версты. В Ларихе ночуем у ямщика, утром он же везет к своему дружку до Казанки, а тамошний — до Ильинки, от Ильинки везут в Петропавловск. Такая передача от дружка к дружку называлась «верёвочкой».

В назначенный день и час в ограде нашей гремят колокольчики, бубенцы; резвые кони нетерпеливо притоптывают ногами, махают хвостами. А мы ещё более нетерпеливо бежим к возкам и, торопливо простившись с остающимися друзьями, рассаживаемся по четыре человека на возок... Шум, смех, веселье! Наконец расселись, тронулись, выехали со звоном за ворота, едем по улицам города, вызываем улыбки горожан: едут по домам бурсаки... И это тогда так интересно было для жителей нашего тихого города — развлечение. Ямщики подбадривают лошадей; коренник голову задрал к колокольчикам под дугой — он бежит только рысью — пристяжные две по бокам, изогнув голову на бок, лихо скачут рядом. Звон колокольчиков, бряцание разногосых бубенцов веселят всех. Русская тройка летит в неизвестность!..

Шибко проехали городом; за городом ровно движемся. Но воля, свобода, яркая

*Центральное окно дворового фасада. Сентябрь 1995.
Фото Г.А.Крамора.*

степная природа заставляют ухать, непроизвольно кричать, петь песни... Ведь надзирателей нет около нас. Вот один старшеклассник достает папиросу, закуривает, угощает всех (в бурсе курить запрещено). Все стараемся попробовать, закашливаемся, смеёмся, слёзы из глаз!.. Остываем у прилесья, даём отдых лошадям, а сами — бежать по колкам и кустам; озорничаем, радуясь свободе. В Ларихе я тоже купил пачку папирос, закурил, но меня вырвало... Голова заболела, залез на полати, где хозяйка уже подготовила ночлег для нас. Голова у меня трещит; беспокойным сном забылся я. Наутро слышу, хозяйка спрашивает: «Кто это из вас кошелек с деньгами потерял?» Оказывается, я потерял... Честные сибиряки-крестьяне не обижали нас.

В Казанке Ишим-реку на пароме переплываем. Паромщик представительный, с длинной-красивой бородой, оде-

*Коридор второго этажа. Справа - двери бывшей домашней церкви.
Май 2005. Фото Г.А.Крамора.*

тый в армяк и остроконечную шапку, обладал таким басом-октавой, что его, несомненно, слышали на другом берегу. Любой протодьякон позавидовал бы ему... «Какие таланты в народе есть!» — подумал я. Очень хорошо я запомнил свои слова и мысли, вызванные видом этого богатыря.

В Ильинке опять ночевали. На этот раз у поповских (сын священника, не помню кто, приехал с нами). Ещё до Ильинки мне в глаз попала мошка. Насилу доехал до дома священника. Усердная матушка-попадья позвала какую-то старуху, и та языком своим вытащила из моего глаза мошку... Старшеклассники где-то достали водочки, подвыпили, но не озорничали, стыдясь крестьян.

Вот и Петропавловск. Он был, как деревня, с одноэтажными домиками и домами с садиками и огородами. Только в центре ходил на город, был он хуже Ишима.. Едем дальше уже в вагоне поезда по Великому Сибирскому пути... Я [еду] до ст. Калачинская за Омском, а оттуда на случайной подводе домой в свою Казякову.

В предпоследний год нашей учёбы в Ишиме мы ехали не на Петропавловск, а через Тюкалинск на Омск. Тут руководил поездкой наш уважаемый Коляха Попов и Шура, его брат. В Омске я и ночевал у них до отъезда на поезде домой. Почему? А железнодорожники тогда баствовали..

Последний год учёбы

В начале 1906-07 учебного года подходит ко мне Коляха, берёт под руку, вводит в сад. Идём мы по аллеям, а он рассказывает о Белинском, Добролюбове, Чернышевском, о деятелях-народовольцах; о значении для народа их работы и жизни. Я слушаю внимательно, прерывая иногда его речь вопросами, и думаю, как я ничтожно мало знаю о жизни, как бурса отвлекала нас... Коляха и говорит: «Ты вот учишься неплохо, поёшь революционные песни, знаешь, что ведутся теперь забастовки против этого старого режима. Мы вот тоже организуем забастовку. Требуем, чтобы улучшилось и наше положение, и условия для полного нашего развития...»

Я не был участником политического движения в городе, но охотно принимал участие в демонстрации горожан в 1905 году; слышал и о забастовках. И вдруг я сам могу быть забастовщиком!.. Сначала остоленел от неожиданности, но поспешно сказал: «Ладно. Согласен...»

Сначала расскажу, что я знаю о Поповых.

Они поступили к нам из Омской гимназии. А так как их отец был видным протоиереем Омской епархии, а мать, теперь вдовая, возбудила ходатайство перед архиереем, то они были приняты в наше духовное училище. Братья, так несхожие по внешности друг с другом, имели одинаковое мировоззрение; оба были развиты, но Коляха был гораздо серьезнее Шуры, хотя он принимал участие и в наших играх. Полностью его, помню, звали: Николай Константинович Попов. Называя его Коляхой (почему, не знаю), мы относились к нему с большим уважением. Он был высокого роста; был старше нас возрастом, отличался от нас своей начитанностью и умом; был всегда дружески деликатен со всеми, и уважаем был всеми. И до самого последнего времени, до сих пор я ничего не мог узнать о дальнейшей его жизни и борьбе; был ли он большевиком — не знаю... Теперь-то я знаю, что была в то время подпольная группа в городе, что и Коляха, и Шура были в числе «тройки», работавшими [одной из тех, что работали. — Прим. ред.] среди молодёжи города. Так Поповы подготовляли нас к событиям 1905 года; они и были организаторами нашей забастовки в 1906 году...

Шура — Александр Константинович — был ближе нам по своему характеру, веселому, игривому, да и по возрасту подходил к нам более, чем Коляха. Коляха был как бы властителем наших дум, а Шура — просто веселый и умный товарищ; с нами, быть может, не со всеми, он не говорил о политике, но даже в игре подчеркивал своё отношение к нашей действительности. Небольшого роста, совсем не похожий на Коляху, толстенький, он умел быстро бегать, ориентироваться в играх, в которых он всегда принимал живейшее участие.

Итак, к началу последнего нашего учебного года многие из нас, во всяком случае ближайшее окружение Коляхи, были до какой-то степени подготовлены к забастовке. Я не был приглашён в инициативную группу, но стойко и смело в числе 66-ти из 116-ти подписал петицию, а потом был исключён из училища, как и все 66. Петиция, составленная инициативной группой (возможно, Коляхой), обсуждена была накануне забастовки. У меня долго сохранялась копия этой петиции, но найти так и не удалось до сих пор.

Мы требовали: 1) увольнения преподавателя греческого языка Часовщикова Виктора Васильевича; 2) свободного посещения вечерних занятий; 3) отменить переводные испытания; 4) пополнения ученической библиотеки классиками русской и зарубежной литературы; 5) свободного посещения городских зрелищных учреждений, читален; 6) быть подписчиками городской библиотеки.

Утром в какой-то день (29-го) октября в спальнях старших классов чувствовались напряжение и необычная сдержанность. Позавтракали, как обычно. Звонок на уроки. Младшие отправились по своим классам, а 3-й и 4-й классы двинулись в зал.. Дежурный по нашему классу сходил в учительскую и в смотрительскую.. Может быть, догадывалась администрация о готовящемся, может быть, и знало (два сына, родной и приёмный Афонасьев Пека, были осведомлены, но думаю, что не проговорились), но так или иначе наше выступление вызвало переполох среди учителей. Быстро они собрались в учительскую. Проходя мимо зала, они заглядывали в него с удивлением. Надзиратели пытались было остановить движение, но мы плотно стояли в зале. Наконец, приходит трясущийся протоиерей.. Дежурный по классу (а может быть, сам Коляха) передаёт смотрителю в руки нашу петицию и сообщение о начале нашей забастовки.. Всё замерло.. Персонал удаляется в учительскую, а мы расходимся по корпусу, конечно, взволнованными и, надо признаться, встревоженными — ведь нам ещё и 15-ти не было! В большинстве же своём все мы были слабы в

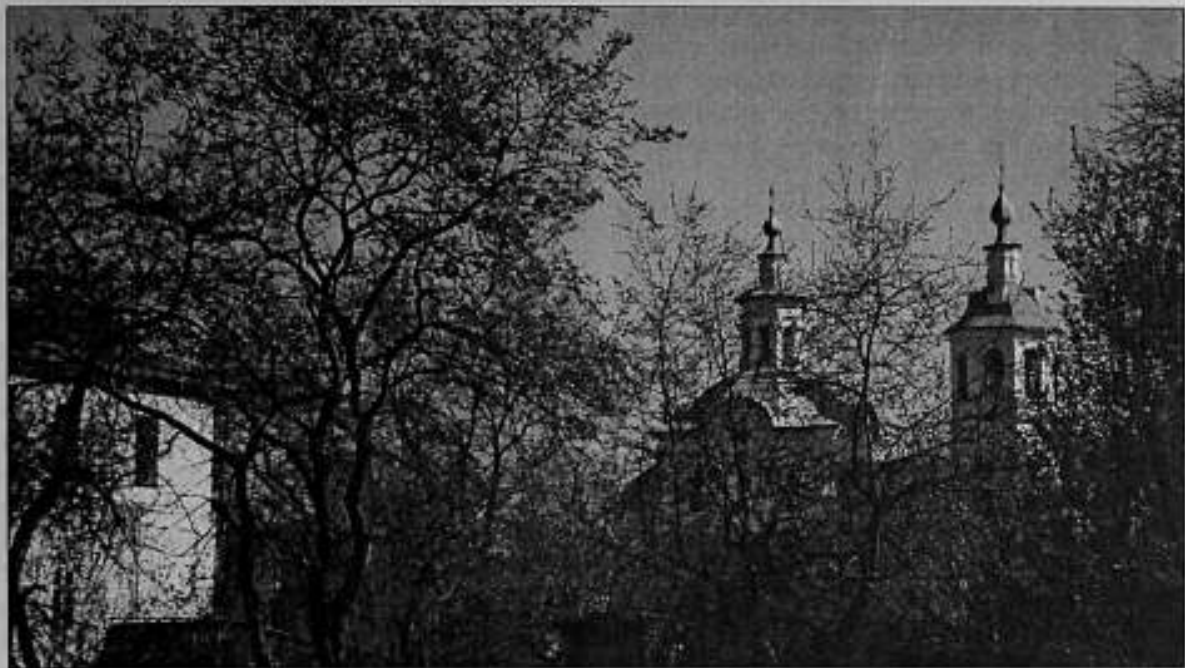
*Южная боковая лестница.
Май 2005. Фото Г.А.Крамора.*

политике; в трусости не хотелось бы признаться. Но Ваня Дергачев так подписал петицию: «Диван». Так мы и звали его потом «диваном». Покормили нас в тот день как обычно; так же и в последующие 3-4 дня. Мы гуляли по двору, по саду, мечтали о свободном хождении по городу, о посещении библиотеки и пр.

Наконец, нас пригласили в зал. Там уже был весь персонал учителей во главе со смотрителем и помощником его — Невским П.П. На длинном столе лежали ручки с чернилами, а [ближе] к краю стола — листы бумаги. После некоторого увещевания протоиерей предложил: «Подпишитесь, кто за забастовку. [Но] помните, таковой будет исключен. Станьте вот здесь налево, а кто остаётся учиться — направо». Разделились мы направо и налево. Ещё тревожнее стало. Пугала нерешительность правых и измена.. Подписываемся.. После я узнал, что подписались 66 за забастовку из 116 участвующих.

Были вызваны ямщики, возившие и ранее нас по «верёвочке». И мы выехали. Вот на какие «шиши» я и подобные мне сироты выехали — не помню. Неужели на казённые нас отправили? Выехали из города, быть может, не такими оживлёнными, как прежде, но горожане на этот раз как-то по-особому провожали наш поезд. Проехали мы вёрст 5, как вдруг Коляха: «Ведь мы никого не оставили в городе, кто мог бы следить за дальнейшими событиями!..» И решили мы избрать бюро, дать им по рублю с человека. В бюро вошли Коляха и ещё кто не помню. Трое возвратились в город пешочком. Что они там делали, несомненно рассказывали нам по возвращении — не помню. Через месяц или больше мы получили от бюро уведомление о прекращении забастовки, можно-де возвращаться обратно. Мать уже сходилась к священнику и тот составил прошение от моего имени и отослал. Мама опять из своих скудных запасов вручила мне 10 рублей на поездку и со слезами благословила «забастовщика».

На этот раз мой приезд домой был неожиданным для всех и родных и знакомых. Никто меня не встречал, но все домашние были дома. Мать и две мои тетушки испугались, когда я заявил: «Забастовка! Нас исключили из училища». А сестрёнка Дуня кинулась радостно ко мне.. В нашу деревню слухи, конечно, доходили, но плохо — ведь ни радио, ни телеграфа, даже телефона не было; и газет тоже не было.. Самые превратные представления имели мои сельчане о событиях тех времен. Революция казалась им страшной — менялись устои жизни. Забастовщик был однозначен с безбожником.. Настороженно отнеслось ко мне население. Удивляюсь я, что никто из деревенских и волостных так и не подошёл ко мне с расспросами о событиях. А тётушки, бабушки, крепкие мужички смотрели на меня с открытым ртом.. Даже мои близкие друзья — Ондря и Сёмка сначала сторонились, а потом опять сдружились. Дочки о. Михаила, Тоня и Соня, как ни в чем ни бывало приняли меня в свою среду. Ох, и накатались мы по озеру на коньках! Никто и не мог обогнать меня..

*Территория училищного сада. Видны купола Богоявленского собора.
Май 2005. Фото Г.А.Крамора.*

Я так закончил свою статью в «Ишимской правде»: «Сделано было так, как мы требовали. Теперь мы читали не слащавые книжки духовно-нравственного содержания, а произведения Горького, Бунина, Куприна, Скиталяца и др. Искра революции 1905 года не потухла и в годы реакции, и в испытаниях первой мировой войны — она возгорелась ярким пламенем в годы Великой Октябрьской социалистической революции» («Ишимская правда», № 154 от 25/XII 1955 г.).

А в 1936 году на смерть А.М.Горького я писал в «Омской правде»: «Умер Максим Горький. Это для меня очень тяжело. Вся общественность нашего Союза сегодня поникла головой. Умер тот, кто сказал: «Человек — это звучит гордо»... Любовь к человеку, любовь к человеческому наполняли его сердце. Я ещё мальшом был, когда узнал Горького. Это было после нашей забастовки в Ишимской бурсе (духовное училище), когда добились-таки возможности пользоваться городской библиотекой. Мы жадно поглотили его произведения. Мы думали только его мыслями, мы стремились также сделаться борцами, соколами, чтобы «биться грудью в бессильной злобе о твер-

дый камень». Правда, жизнь нас сломила. Многие «скатились вниз», разбившись о камни, многие другой дорогой пошли. Но огонь, зажженный в сердце Горьким, продолжал тлеть. Он разгорелся ярким пламенем в годы нашей борьбы. Он, несомненно, охватит пожаром весь мир, чтобы человек, гордый своим сознанием, поднялся на недостижимую высоту в своих стремлениях» («Омская правда» от 19/VI 1936 г.).

Теперь мы могли быть подписчиками городской библиотеки. Помню там старичка-библиотекаря, обладающего странным почерком в наших формулярах: чисто и отчётливо написанные слова из отдельных буквочек, прямолинейных, не связанных между собой. Он очень благожелательно отнёсся к нам, получившим возможность брать книги от него. Подбирал их и спрашивал о содержании. Помню красивое здание библиотеки с широкой лестницей у входа³²...

Мы были свободны. Относительно, конечно. Естественно, что и среди преподавателей шло разложение. Но все они были как бы осторожны с нами в общении. Вторую вечернюю перемену мы могли занять чем угодно: занимались чтением книг, различными поделками кто

что мог, разговорами, играми (тихими); мы выходили и в ограду поиграть там в мячик, лапту, шарик; кататься на катушке... Старалось начальство отвлечь нас от происходящих в стране событий и следило за нами.

Недосчитались мы некоторых своих товарищей; не было ни Коляхи, ни Шуры Поповых. Лишь недавно я узнал, что дело о забастовке нашей разбирали больше месяца Тобольский вице-губернатор Тройницкий.

Возбуждение в городе вскоре улеглось. Реакция не пугала революционеров. Мы лишь только слышали об арестах, ссылках, о казнях...

Нам и самим нужно было задуматься о будущем. Я-то определённо решил продолжать образование в Тобольской духовной семинарии, куда нас приглашали без вступительных экзаменов, а нас, сирот, опять обещали содержать на «казённый» счет... Из ишимцев моего класса лишь немногие продолжили учебу в Тобольской семинарии. Это (см. фото) Витя Никольский, Паша Дурыгин, Бортовин Николай, Затопаев Коля, Попов Мотя, Селезнёв Боря, Панов Петя, Зеленцов Коля, Афоняев Пека. А закончили: Дурыгин (пошёл в попы), Затопаев (погиб в гражданскую войну), Попов Мотя (N), Селезнёв (N). А остальные где? «Имена, Господи, Ты их веси...» Также и воспитатели наши...

Из «бурсаков»-ишимцев я немного помню Солнцева Василия Александровича. Это — мой друг по музыке в семинарии. Вася, Коля Затопаев и я составляли «троицу» музыкантов. Вася стал организатором и дирижёром балалаечного оркестра, сам перекладывал некоторые пьесы на балалайку и оркестр, хорошо играл на скрипке и с 1910 года стал дирижером «бального» оркестра. А после него (он закончил курс в 1912 году) я стал преемником его по оркестру. По слухам, он закончил Казанский ветеринарный институт, работал ветеринаром где-то в Крыму. Умер, говорят, от tbc³³...

Гинцель Пётр... О его жизни и деятельности в семинарии я мало что знаю, да и о последующей его жизни [тоже]. Узнал из одной статьи писателя Раппо-

порта Е.Г., что он был известным писателем-сибиряком, написал повесть «Заре навстречу» о гражданской войне в Тарских (г.Тара) урманах.

Тверитин Георгий... (мы звали его Гошей). Был редактором семинарского подпольного рукописного журнала (забыл я его название), в котором резко осмеивались нами порядки и в семинарии, и в городе, и даже в государстве. Гоша мне давал читать этот журнал, и мы, забравшись в музыкантскую, со смехом и грустью, что живём в таком мире, коллективно читали его... Гошу исключили из 5 класса семинарии чуть ли не с «волчьим билетом»... От своих товарищей по семинарии, из статьи писателя Раппопорта Е.Г. «По следам легенды» я узнал, что он был видным политическим деятелем и... поэтом: перевёл с казахского на русский поэтическую легенду о трагической любви двух сердец «Песня о Козы-Корпеч и Баян-Слу». По слухам, Гоша был одно время продкомиссаром в Акмолинске (Целиноград); умер, говорят, от tbc; и могила его неизвестна³⁴.

Нашему поколению больше, чем всем предшествующим и последующим, досталось: 1) война империалистическая; 2) война гражданская; 3) становление в стране советской власти; 4) работа над восстановлением экономики, просвещения в государстве в труднейших условиях разрухи, вызванной войнами (от нуля в хозяйстве стало жить и процветать советское государство!); 5) испытали мы голод, холод, недостатки в одежде, обуви, приходилось с трудом и медленно создавать новый быт...

Растерял я все материалы — и письменные, и устные — по тем годам; просто забылось многое из того, чем мы жили в Ишиме.

Об Ишиме я стал вспоминать и записывать лишь через 53 года после учёбы в бурсе, когда сестра Дуня (учительница) вручила мне каким-то чудом сохранившиеся у неё фотографии выпускную 1907 года и фото по семинарии; и когда мой соученик, житель Ишима, Кузнецов Виктор Евменьевич написал мне в Томск письмо с вопросом: «У нас в газете появилась статья «50 лет назад», подписанная: Ив. Скосырев, преподаватель биоло-

гии 12-й ср. школы г. Томска. Не ты ли это, Ваня?..» И завязалась между нами переписка... Потом свидание на вокзале Ишима, когда я проезжал с юннатами в Москву на ВДНХ и, наконец, в 1961 году взаимное посещение местожительства. Нашли мы с ним к 60-му году ещё многих бывших своих однокашников-семинаристов (один из них жил и работал в Томске — это академик Савиных Андрей Григорьевич). Набралось 12 человек... (но они неишимцы). Трое, в том числе и я, уже отправили свои воспоминания в Тобольск... Не со всеми до сих пор мне удалось свидеться. Свидеться мне удалось только с шестью друзьями, через 53 года после последнего рукопожатия в 1912-м и 13-м году, а вот нынче ещё свиделся с двумя, которых не видел... 60 лет. Осталось теперь нас *popituv'ov*³⁵ только 6 человек. Ведь нам уже по 80 лет и более...

Томск, 1971 г.

Предисловие и предварительная подготовка к печати — Н.С. Лам.

Примечания — Г.А. Крамор.

Примечания

1 Просфоры — небольшие хлебцы, употребляющиеся при литургии — главной церковной службе.

2 С 1895 года храмы и духовные заведения города Ишима, а также части Ишимского уезда относились уже не к Тобольской, а к Омской епархии. Этим и объясняется то, что дети духовных лиц Омской епархии могли начинать своё образование именно в Ишимском духовном училище. Подробнее об истории ИДУ см.: Савченкова Т.П. Духовное училище // Ишим далёкий — близкий. Ишим, 1997. С. 109-121.

3 ЮКскауты — своего рода «переходная форма» скаутского движения — от скаутов (детская организация, ведущая начало с 1907 года, из Англии) к пионерам. Название происходит от организации «юных коммунистов», созданной в июле 1918 г. по предложению школьно-санитарного отдела Наркомздрава в Москве.

4 Так в тексте. Имеется в виду улица Большая Никольская, ныне ул. Ленина.

5 Возможно, имеется в виду магазин Товарищества Перминова и Бокарева на углу улицы Малой Никольской и Базарной площади (ныне

магазин № 1, угол улиц Луначарского и Советской).

6 Не совсем ясно, о каком торговом заведении идёт речь. На Базарной площади было множество купеческих лавок. Возможно, речь идёт о магазине Кутырёва, что стоял также на углу улицы Малой Никольской и Базарной площади, напротив, магазина Перминова и Бокарева. «Универмагом», естественно, ни один из них называться не мог; это слово принесено И.А. из советской действительности.

7 В описываемый период в Ишиме было, действительно, три городских храма — Богоявленский собор на Соборной площади, Троицкая церковь на Базарной площади, при старом городском кладбище, и Никольская (Ново-Никольская) церковь на Черняковской площади. К ним следует добавить домовые (внутренние) церкви в духовном училище (Кирило-Мефодиевская) и тюрьме (во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость»).

8 В тексте зачёркнуто.

9 Примерно 69 кг.

10 Местонахождение этого снимка, на который И.А. неоднократно ссылается далее в тексте воспоминаний, неизвестно.

11 Больше-Никольской.

12 Мемуары И.А. представляют собой специфическое сочетание мировоззрений. С одной стороны, он, как заслуженный советский учитель, обязан был быть атеистом и проводить «антирелигиозную линию». С другой — светлые воспоминания детства берут своё, и сквозь строки воспоминаний проступает усвоенная с раннего детства вера в Бога. Внутренняя цензура, конечно, боролась с проявлениями этой теплоты на страницах мемуаров. Это следует иметь в виду читателю, как и то, что факт забастовки в Ишимском духовном училище как следствие «шатания умов» также исторически достоверен. В этом — драматизм судьбы России в XX веке. И воспоминания Скосырева дают возможность представить, каким образом сеялись плевелы в души юного поколения, призванного к духовному просвещению православного народа.

13 Не совсем верно. *Амвон* — выступающая вперёд, в сторону молящихся, часть *solea* — несколько возвышенной по отношению к прочему церковному помещению части пола. На этом же возвышении находится и алтарь.

14 Престол — самое священное место, культовый центр храма — находящийся в алтаре, на ещё одном возвышении, своего рода квад-

ратный «стол», на котором во время литургии совершается главное церковное таинство пресуществления хлеба и вина в Тело и Кровь Господню.

15 Дароносица — маленький ковчег (ящичек), в котором священник носит (на груди) Святые Дары — Тело и Кровь Христовы — для причащения больных на дому. Возможно, И.А. имел в виду более заметную дарохранилищницу — ящичек, обычно в виде миниатюрного храма, в котором постоянно хранятся т.н. запасные Святые Дары.

16 Собственно на престол свечи не ставятся. Скорее всего, имеется в виду семисвечник (светильник с семью лампадами), который помещается позади престола.

17 То же, что литургия.

18 Помощник смотрителя училища, протоиерея Николая Зеленцова — см. далее в тексте.

19 Чуть более 4-х кв. метров.

20 В тексте зачёркнуто.

21 Слова «Бог», «Господь» в тексте не всегда начинаются с прописной буквы.

22 Мемуары датированы 1971 годом.

23 В тексте зачёркнуто.

24 И.А., вероятно, ошибается. Мирское имя митрополита Макария было Михаил Петрович Булгаков (1816-1882). На самом деле «мракобес» был академиком Петербургской Академии наук (с 1854 г.) и автором известного труда «История Русской Церкви» в 12-ти томах.

25 Не совсем верно. Алексей Семёнович Флоринский, возглавлявший с апреля 1917 года тюменский комитет меньшевистской организации РСДРП, был избран в июле того же года *городским головой* Тюмени. На эту должность он был выдвинут фракцией социал-демократов городской Думы, избранной на основе правил, утверждённых Временным правительством.

26 Правильнее: епитрахиль — отличительная часть священнического облачения — полоса плотной ткани, надеваемая на шею и ниспадающая до колен. Без епитрахили, знаменующей божественную благодать, священник не может совершать ни богослужение, ни таинства.

27 Тропарь Креста и молитва за отечество.

28 Естественно, это сугубо материалисти-

ческий и не столь однозначный исторически взгляд «советского» Скосырева.

29 И.А. описывает внешнюю сторону таинства покаяния — одного из семи таинств Православной Церкви. После исповедания пред Богом верующим своих прегрешений священник покрывает его голову епитрахилью и читает т.н. таиносовершительную молитву, в которой искренне кающемуся отпускаются его грехи, по силе священства, заповеданной Христом своим ученикам-апостолам, который дал им право «вязать и решить» людские прегрешения.

30 Таинство причастия, или евхаристии — главное таинство Церкви, установленное самим Христом на т.н. Тайной вечере, которая состоялась накануне Его предательства Иудой и крестных мук. Во время этой пасхальной вечери Христос, разломив хлеб, раздал его ученикам со словами: «Примите, ядите, Сие есть Тело Мое». И благословив чашу с вином, также дал её ученикам, сказав: «Пийте от нея вси, сия бо есть Кровь Моя, новаго завета, еже за многия изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26:26-28). И добавил: «Сие творите в Мое воспоминание» (Лк. 22:19). В таинстве причащения верующий явственно приобщается Христу, соприсчащается Ему; таинством причастия христиане зримо объединяются во единую Церковь Христову. И.А. излагает здесь, конечно же, преимущественно материальную, «видимую» сторону таинства.

31 Акт явного отречения от Церкви. Так же поступали старообрядцы, ради своего гражданского существования формально признававшие единство с Православной Церковью, но внутренне остававшиеся при своих неизменных религиозных принципах.

32 Скорее всего, здание городской Управы на Базарной площади (в советское время госбанк, ныне филиал краеведческого музея).

33 Туберкулёз.

34 Георгий Тверитин - автор поэмы о Козы-Корпече и Баш-Слу // Савченкова Т.П. Ишим и литература. Век XIX. — Ишим, 2004. — С. 293-308.

35 *Moritur* (лат.) — «готовящийся умереть», «близкий к смерти», «угасающий (к жизни)», «умирающий».

Вкратце об авторах

1. **Крамор Геннадий Андреевич**, аспирант Тюменского государственного института искусств и культуры. Основные краеведческие интересы - история сибирского православия, провинциальная архитектура. Член городского общества по охране памятников архитектуры «Собор».

2. **Кузурманов Георгий Петрович**, краевед, коллекционер, фотограф. Автор статей и заметок по истории города Ишима в «Ишимской правде» и альманахе «Коркина слобода».

3. **Кутырёв Александр Георгиевич**, врач детской больницы, краевед, участник археологических раскопок у озера Мергень. Основные краеведческие интересы - история Сибири и города Ишима, история развития здравоохранения, археология. Член городского общества по охране памятников истории и архитектуры «Собор».

4. **Лам Надежда Сергеевна**, научный сотрудник Ишимского городского историко-краеведческого музея, актриса народного театра «Зеркало». Имеет ряд публикаций по истории Ишима и Приишимья в газете «Ишимская правда».

5. **Мамсик Тамара Семеновна**, ведущий научный сотрудник института истории СО РАН (Новосибирск). Автор более ста научных публикаций, в том числе пяти монографий. Сфера научных интересов - аграрная история Сибири XVII-XIX вв.; колонизация, экономика, социальная структура населения.

6. **Маркеев Иван Иванович**, редактор отдела парламентской жизни областной газеты «Тюменские известия». Бывший сотрудник газеты «Ишимская правда». Автор публикаций по истории Тюменской области. Живёт в Тюмени.

7. **Ожгибесова Ольга Адольфовна**, журналист, главный редактор журнала «Стольный град Тюмень». Автор многочисленных публикаций в областных и региональных изданиях. Обладатель звания «Публицист года-2003», премии Союза журналистов России «За журналистское мастерство».

8. **Проскурякова Надежда Леонидовна**, старший научный сотрудник Ишимского историко-краеведческого музея. Тематика исследований: Ишимская Никольская ярмарка, крестьянское восстание 1921 г., культура края. Автор сценариев документальных фильмов по истории Ишима и Приишимья, постоянный участник межрегионального фестиваля телевизионных фильмов «Белые пятна истории Сибири» (Тюмень). Член городского общества по охране памятников архитектуры «Собор».

9. **Самсонова Ольга Николаевна**, научный сотрудник Ишимского историко-краеведческого музея. Автор статей по литературному краеведению. Актриса народного театра «Зеркало».

10. **Сарафанникова Лидия Александровна**, журналист, краевед, автор многочисленных статей по краеведческой тематике на страницах «Ишимской правды» и «Ишимского купца». Основная сфера интересов: культура и образование в Ишиме XIX века, современные конфессии города.

КОРКИНА СЛОБОДА.
Красведческий альманах.
Выпуск 7.

Художник: Р.Симанов.

Издательская лицензия ЛР № 020036 от 22.11.1996 г.

Набрано, сверстано и отпечатано в филиале «Ишимская типография» ГУП ТО «ТИД»
ул.Чкалова,17. Заказ № 2114. Формат 60x84 1/4. Тираж 999 экз.
Объем 18,6 усл.п.л. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Лазурская». Подписано в печать 20.06.2005 г.

85648

Автономная некоммерческая
организация "Ишимская
городская централизованная
библиотечно-информационная система"

Наш вернисаж

Епископ Евтихий,
настоятель Богоявленского
кафедрального собора г.Ишима

